

ISSN 2076-2577 (Print)  
ISSN 2541-982X (Online)

**FU** Финно-угорский мир  
**Finno-Ugric World**  
*Том 14, № 3. 2022*





**Журнал основан в 2008 г.**  
*Выходит ежеквартально*

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

**Учредитель и издатель:**

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».  
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

**Адрес редакции:**

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68  
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220  
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>  
E-mail: [journal@csfu.mrsu.ru](mailto:journal@csfu.mrsu.ru)

**Главный редактор** *Н. П. Макаркин*

Дата выхода 14.10.2022.  
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.  
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).  
Цена свободная. Заказ № 964

Отпечатано в типографии  
Издательства Мордовского университета  
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,  
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2022

**The journal was founded in 2008.**  
*Published quarterly*

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,  
Catalog “The Press of Russia”

**Founder and Publisher:**

Federal State  
Budgetary Educational  
Institution of Higher Education  
“National Research  
Ogarev Mordovia  
State University”  
68 Bolshevistskaya Str., Saransk  
430005, Republic of Mordovia, Russia

**Editorial board:**

68 Bolshevistskaya Str., Saransk  
430005, Republic of Mordovia, Russia  
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220  
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>  
E-mail: [journal@csfu.mrsu.ru](mailto:journal@csfu.mrsu.ru)

**Editor in Chief** *N. P. Makarkin*

Released on October 14, 2022.  
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.  
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).  
Free price. Order No. 964

Printed in the Publishing House of National  
Research Ogarev Mordovia State University  
24 Sovetskaya Str., Saransk  
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2022



Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.



The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.



- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrso.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin\_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Лууттонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@lea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Миннихметова Татьяна Гильничихметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета, (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor\_popov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos\_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сейленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunfg@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ОЧУ ВО «Еврейский Университет» (г. Москва, Россия), n\_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin\_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomic.su
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyahmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck, (Innsbruck, Austria) minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullenon** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullenon@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor\_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos\_pusztay@hotmail.com
- Anatoliy N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Legal Disciplines, Jewish University (Moscow, Russia), n\_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

## ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н. И. Гуляева. Контактустанавливающие коммуникемы в коми языке .....	264
Н. М. Мосина, О. В. Рубцова. Научно-философское представление концепта «пространство» и его экспликация в эрзя-мордовском и финском языках .....	274
С. А. Сажина. Прилагательное в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка .....	284

## ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

О. В. Кошина. Школа в социокультурном и этнокультурном пространстве села (на примере школы с. Новые Верхиссы Инсарского района Мордовии в 1920–1980-е гг.) .....	293
С. А. Минвалеев. Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людигов .....	304
И. Г. Напалкова, Р. В. Маньчев. Особенности формирования и продвижения имиджа главы региона: на примере Республики Мордовия (1995–2021) .....	315

## КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. А. Антипова, Е. Н. Касаркина. Востребованность современных форм сохранения социокультурного наследия села: опыт музейно-культурного центра «Дом традиций» (с. Паракино Большеберезниковского района Республики Мордовия) .....	332
О. С. Зиявадинова. Культурные особенности традиционного мировоззрения коми: мифопоэтика в художественном сознании Г. А. Юшкова, И. Г. Торопова .....	346

## СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

Е. С. Руськина, Е. Н. Маскаева. Прикосновение к легенде: к юбилею А. М. Шаронова и выходу в свет нового издания «Масторавы» .....	358
С. П. Гудкова. Человек с открытым сердцем. К 95-летию со дня рождения В. М. Забавиной (1927–2018) .....	361
В. В. Ставицкий. «А по Оце реце, где втечет в Волгу, язык свой мурома; черемиса свой язык; мордва свой язык» .....	363
Т. И. Дронова. Виктор Анатольевич Семенов: слово об учителе .....	366
И. Л. Сиротина. Мордовский костюм: традиции, исследования, творческий поиск .....	370
В. К. Абрамов. Презентация 7-го выпуска финно-угорского мартиролога .....	373
А. Н. Демидов, Г. А. Корнишина, Т. Г. Миннихметова, Р. Р. Садиков. В поисках мордовских муз, или Из заметок полевых исследований .....	376

**PHILOLOGY**

N. I. Gulyaeva. Contact-setting communicemes in the Komi language .....	264
N. M. Mosina, O. V. Rubtsova. The scientific and philosophical presentation of the concept “space” and its explication in Erzya-Mordvin and Finnish languages .....	274
S. A. Sazhina. Adjectives in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language .....	284

**HISTORICAL STUDIES**

O. V. Koshina. School in the socio-cultural space of the village (on the example of a school in the village of Novye Verkhissy of Insarsky district of the Republic of Mordovia in 1920–1980) .....	293
S. A. Minvaleev. Ludians’ harbingers of impending death and their representations of transition to the underworld .....	304
I. G. Napalkova, R. V. Manchev. Features of the formation and promotion of the image of the head of the region: on the example of the Republic of Mordovia (1995–2021) .....	315

**CULTURAL STUDIES**

A. A. Antipova, E. N. Kasarkina. The relevance of modern forms of preservation of the socio-cultural heritage of the village: the experience of the museum and cultural center “House of Traditions” (Parakino village, Bolshebereznykovsky district of the Republic of Mordovia) .....	332
O. S. Ziyavadinova. Cultural features of the traditional worldview of Komi: mythopoetics in the artistic view of G. A. Yushkov and I. G. Toropov .....	346

**EVENTS, PEOPLE, BOOKS**

E. S. Ruskina, E. N. Maskaeva. A touch to the legend: to the anniversary of A. M. Sharonov and the publication of a new edition of “Mastorava” .....	358
S. P. Gudkova. A person with an open heart. On the 95th anniversary of the birth of V. M. Zabavina (1927–2018) .....	361
V. V. Stavitsky. “And along the Oka river, where it flows into the Volga, Murom’s language; Cheremis own language; Mordovians own language” .....	363
T. I. Dronova. Victor Semenov: a word about the teacher .....	366
I. L. Sirotina. Mordovian costume: traditions, research, creative endeavour .....	370
V. K. Abramov. A presentation of the 7th issue of the Finno-Ugrian martyrologist .....	373
A. N. Demidov, G. A. Kornishina, T. G. Minniyakhmetova, R. R. Sadikov. In search of Mordovian Mirza, or From field study notes .....	376



## Контактоустанавливающие коммуникемы в коми языке

**Наталья Ивановна Гуляева**

*Институт языка, литературы и истории  
Коми научного центра Уральского отделения РАН,  
Сыктывкар, Россия*

**Введение.** В статье охарактеризованы контактоустанавливающие коммуникемы в коми языке. Предметом исследования являются имплицитные смыслы и интенции коммуникантов, передаваемые данными синтаксическими единицами. Цель работы состоит в выявлении и описании наиболее употребительных контактоустанавливающих коммуникем в коми языке, их прагматической специфики, особенностей функционирования в речи.

**Материалы и методы.** В качестве основного в работе применялся описательно-аналитический метод. Источниками исследования послужили контактоустанавливающие коммуникемы из произведений коми художественной литературы, полученные методом сплошной выборки. Проанализировано около 70 коммуникем и более 200 их реализаций в текстах.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В коми языке контактоустанавливающие коммуникемы немногочисленны. Сферой функционирования этих синтаксических конструкций преимущественно являются реплики-стимулы, в некоторых случаях реплики-реакции. Основные функции контактоустанавливающих коммуникем речерегулятивные: установление контакта, поддержание разговора, активизация адресата. Данные единицы направлены на согласование коммуникативных стратегий, вследствие чего обеспечиваются гармоничный диалог и эффективное речевое взаимодействие. В исследовании выделены и охарактеризованы три группы контактоустанавливающих коммуникем, встречающихся в коми языке: служащие для установления контакта; выражающие готовность вступить в контакт; служащие для поддержания контакта. Наиболее распространенными среди них являются коммуникемы, служащие для установления контакта, в частности коммуникемы-обращения. Коммуникант, используя контактоустанавливающие коммуникемы в речи, вкладывает в них определенный смысл, демонстрируя намеренно или непреднамеренно свое эмоциональное состояние и отношение к адресату, которые легко считываются последним. Правильный выбор нужной контактоустанавливающей коммуникемы, соответствующей также и эмоциональному состоянию адресата, является залогом успешной коммуникации.

**Заключение.** Контактоустанавливающие коммуникемы представляют собой важнейшее средство установления контакта и вступления в речевую коммуникацию.

**Ключевые слова:** коми язык, коммуникант, адресат, контактоустанавливающая коммуникема, установление контакта, поддержание контакта

**Благодарности:** Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

**Для цитирования:** Гуляева Н. И. Контактоустанавливающие коммуникемы в коми языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 264–273. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.264-273.

### Введение

Контактоустанавливающая (фатическая) функция языка заключается в его способности служить *средством общения* между индивидами, в обеспечении вербального контакта, необходимого для достижения успешной коммуникации, и реализуется такими высказываниями, целью которых являются установление, поддержание контакта. И хотя информацию фатические акты не передают, но называть

их при этом не информирующими актами нельзя: фатика информирует собеседника несколько не хуже [14, 187].

Известно, что у истоков исследования фатической коммуникации стояли два исследователя: Б. Малиновский и Р. Якобсон. Б. Малиновский впервые ввел в научный оборот понятие «фатическое общение», рассматривая его как разновидность речи, которая отражает заложенное

в самой природе человека стремление к созданию «уз общности» между людьми и часто выглядит как простой обмен словами [31]. Р. Якобсон указал на сообщения, которые предназначаются для того, чтобы установить, а затем продлить либо прервать общение, т. е. проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае необходимости [24, 201].

Впоследствии к данной теме обращались Э. Бенвенист [2], К. Писаркова [32], Э. Сепир [19] и др.

### Обзор литературы

Контактоустанавливающие языковые средства рассматривались в работах В. Д. Виноградова [3], Т. Г. Винокур [4], Е. Ф. Глебовой<sup>1</sup>, М.-Л. А. Драздаускене<sup>2</sup> [12] и др.

Объем языковых средств разговорной речи огромен и составляет одну из важнейших частей коммуникативного актива говорящего. Данные единицы располагаются на различных уровнях языковой системы, но для нас наибольший интерес представляют единицы синтаксического уровня, в частности контактоустанавливающие коммуникемы. До настоящего времени эти единицы в коми языке не являлись объектом специального изучения. В коми языкознании встречаются лишь небольшие описания вокативных предложений<sup>3</sup>. Ранее нами были исследованы коммуникемы других видов [5–11].

В русском языкознании контактоустанавливающие коммуникемы рассматривали в своих трудах С. В. Андреева [1], Е. Г. Ахалкаци<sup>4</sup>, В. А. Краснов<sup>5</sup>, В. Ю. Меликян<sup>6</sup> [15; 16], Н. В. Моисеева-Пронь [17],

Б. К. Фирдевс [20], Е. В. Шелестюк [23] и др.

В зарубежном языкознании к анализу данных синтаксических единиц обращались К. Аймер [25], Ф. Амека [26], П. Браун, С. Левинсон [27], И. Димитрокопелу [29], Ф. Кулмас [28], А. Л. Либерт [30], Х. Сакс, Е. Щеглофф, Г. Джефферсон [33], Д. Таннен [34].

### Материалы и методы

Источниками исследования послужили контактоустанавливающие коммуникемы из художественных произведений коми писателей, полученные методом сплошной выборки. При этом было выявлено около 70 коммуникем и более 200 их реализаций в текстах. В качестве основного в работе применялся описательно-аналитический метод.

### Результаты исследования и их обсуждение

Контактоустанавливающие коммуникемы являются важным средством установления контакта, поддержания его в нужной тональности, соответствующей ситуации общения. В коми языке контактоустанавливающую функцию реализуют и другие виды коммуникем, например этикетные, некоторые коммуникемы волеизъявления, но основной формой привлечения внимания со стороны коммуниканта выступают рассматриваемые синтаксические единицы.

Как справедливо заметил В. А. Краснов, контактоустанавливающие коммуникемы по характеру своего значения – установление контакта – представляют собой разновидность волеизъявительного значения. Однако это специфическое волеизъявление. Оно связано с побуж-

<sup>1</sup> См.: Глебова Е. Ф. Методические проблемы усиления речевой направленности синтаксиса в школе: учеб. пособие. Горький, 1986.

<sup>2</sup> См.: Драздаускене М.-Л. А. Контактоустанавливающая функция речи (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

<sup>3</sup> См.: Коми язык: энцикл. М., 1998; Современный коми язык. Ч. 2. Синтаксис. Сыктывкар, 1967.

<sup>4</sup> См.: Ахалкаци Е. Г. Коммуникемы со значением волеизъявления: структурно-семантический, этимологический, парадигматический и речевой аспекты (на материале английского языка в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006.

<sup>5</sup> См.: Краснов В. А. Коммуникемы со значением волеизъявления в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006.

<sup>6</sup> См.: Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004.

дением, направленным на установление контакта, а не на какое-либо другое действие<sup>7</sup>.

В данной статье проанализированы выявленные автором контактоустанавливающие коммуникемы, в частности их семантические и прагматические особенности. Несмотря на то что в коми языке они немногочисленны, по характеру семантического наполнения их можно разделить на три группы: служащие для установления контакта; выражающие готовность вступить в контакт; служащие для поддержания контакта.

### *Коммуникемы, служащие для установления контакта*

Это самый распространенный вид контактоустанавливающих коммуникем, функционирующих в настоящее время в коми языке, представленный чаще всего обращениями-призывами. Коммуникант, желающий установить контакт с собеседником, в зависимости от коммуникативной ситуации может обращаться к адресату, называя его по имени, имени и отчеству, по отчеству, по фамилии, по профессии, по должности или званию, по принадлежности собеседника к соответствующей возрастной группе или любой другой общности людей. Некоторые лингвисты квалифицируют такие коммуникемы как вокативные предложения, которые состоят из имени существительного и выражают побуждение, призыв, несогласие, упрек и т. д.<sup>8</sup>

А. С. Попов отмечает, что обращения-предложения не только называют адресата речи, но и наполнены содержанием определенной эмоциональной тональности. По мнению ученого, вокативные предложения также не обнаруживают семантико-грамматической расчлененности [18].

С. В. Андреева справедливо рассматривает обращения в составе коммуникативов

(коммуникем). Согласно исследователю, выбор одной из нескольких возможных форм обращения к одному и тому же лицу «информирует» об интерперсональных отношениях коммуникантов. Очевидно, что обращения могут ярко проявлять отношение говорящего к собеседнику, т. е. выполнять речерегулирующую функцию [1, 46].

Как полагает В. И. Карасик, обращения выражают регулятивное, индексальное и эмоциональное содержание [13, 120].

Данный вид коммуникем включает в себя такие обращения, в которых не только содержится название (имя) адресата речи, но и выражаются дополнительные оттенки мысли и чувства. Они «произносятся с особой интонацией, вызывающей сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, неодобрение» [22, 86].

В рассматриваемых синтаксических единицах оттенки того или иного чувства в разговорной речи передаются интонацией, а в письменной речи поясняются предыдущим или последующим предложением. Так, модальные значения удивления, радости встречи можно обнаружить в следующих примерах:

– *Федюш!* – *шыасьё менё кутліг да окаліг Наста*<sup>9</sup>. «– Феденька! – целуя и обнимая меня, заговорила Настя»;

*Варук (вуджё потиёс). Васюк! Василюшко! Дона пи! Велёдчыны од тэно ыстёны. Инженерён мёдысь лоан. Вай кутла и окышта!*<sup>10</sup> «Варук (перешагивает через жерди). Васенька! Василюшка! Дорогой сын! Тебя ведь отправляют учиться. Инженером станешь. Давай обниму и поцелую!».

В последующих примерах четко прослеживаются модальные значения испуга, страха, раздражения:

– *Яков! Мый нё лоин?*<sup>11</sup> «– Яков! Что с тобой случилось?»;

<sup>7</sup> См.: Краснов В. А. Указ. соч. С. 10.

<sup>8</sup> См.: Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; Галкина-Федорова Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Синтаксис. М., 2009.

<sup>9</sup> Торопов И. Г. Ме верма, батё. Сыктывкар, 1988. С. 143.

<sup>10</sup> Юшков Г. А. Кыськё тай эмбсь. Сыктывкар, 1983. С. 139.

<sup>11</sup> Титов И. П. Кык час мысти // Ытва дырий: коми висьт 20–30-ёд воясё. Сыктывкар, 1987. С. 193.

Юля (видана). Мамö!<sup>12</sup> «Юля (ругая). Мама!»;

– Алик! – друг горöдö Микаль. – Кöни нö табйыд?<sup>13</sup> «– Алик! – вдруг заорал Микаль. – Где же твой поплавок?».

Пренебрежение при обращении передается контактоустанавливающими коммуникемами, выраженными междометием эй 'эй':

– Эй! Кыдзи тэнö шуоны, буквыи синма? – Латкин друг юалис Домналысь<sup>14</sup>. «– Эй! Как тебя звать, угрюмая? – неожиданно спросил у Домны Латкин».

Во многих случаях название адресата повторяется дважды, что еще более усиливает экспрессивность и эмотивность:

Алёша! Алёша! – Алексей Федорович кылис вывти тöдса да мелі, но ёна повзём гөлöс, восьтис синьяссö<sup>15</sup>. «– Алёша! Алёша! – Алексей Федорович услышал такой знакомый и нежный, но сильно испуганный голос, открыл глаза»;

Гриши, Гриши! – долыда шуис Васё, ёрт вылö меліа видзöдиг. – Кутам овны, кутам!<sup>16</sup> «– Гриша, Гриша! – глядя нежно на друга, радостно сказал Вася. – Будем жить, будем!».

Часто в коми языке встречаются контактоустанавливающие коммуникемы, называющие адресата по имени, по фамилии, по имени и отчеству либо только по отчеству:

Ме пыри классö. Геня сулаліс парта саяс бөрөн да мыччаліс черниладёс кулакё Павеллы:

– Тэ петкөдлан? Ме тэныд аслыд петкөдла. Со!

– Геня! Урок!<sup>17</sup> «Я вошел в класс. Гена стоял, повернувшись спиной к парте, и показывал Павлу кулак, весь испачканный чернилами: – Ты покажешь? Я сам тебе покажу. Вот! – Гена! Урок!»;

Мелёхин! – виччысьтöг шыасис директор<sup>18</sup>. «– Мелёхин! – неожиданно заговорил директор»;

Иван Сергеевич! – пыр шыасис Пилат Иван<sup>19</sup>. «– Иван Сергеевич! – сразу заговорил Пилат Иван»;

Ондрейöвич! – гажса шыасё сійö ыджыд вом тырнас юмбыраси<sup>20</sup>. «– Андреевич! – радостно заговорил он, широко улыбаясь»;

Игнатович! – пöся шыасис Даша Мыколаевна<sup>21</sup>. «– Игнатович! – эмоционально заговорила Даша Николаевна».

Отметим, что коммуникемы-обращения, состоящие только из отчества, распространены на всей территории Российской Федерации. В коми языке они употребляются преимущественно в тех случаях, когда коммуникантов связывают дружеские отношения.

Распространенными в коми языке являются контактоустанавливающие коммуникемы, выраженные обращениями, указывающими на семейно-родственные отношения адресата и адресанта, на род занятий, профессию, социальное положение адресата:

Герман. Чожиньö!

Педöра. Мый нин?<sup>22</sup> «Герман. Тетя (жена брата матери)! Феодора. Что?»;

– Мамö! Талун Гыч Опонь көсйыис уджалöмысь мынтысьны миянлы<sup>23</sup>. «– Мама! Сегодня Гыч Опонь (букв.: Афанасий по прозвищу Карась) обещал нам заплатить за работу»;

Видзöдöмысь Домнаöс торкис архитектор гөтыр. Сійö друг чукöстис стрөг гөлöсөн.

– Горничнöй! Унмовсис али мый сэтчö?<sup>24</sup> «Домну от разглядывания оторвала жена архитектора. Она вдруг оклик-

<sup>12</sup> Юшков Г. А. Кыськö тай эмöсь. С. 183.

<sup>13</sup> Афанасьев Е. С. Пурзьöмын ар пом. Сыктывкар, 1994. С. 34.

<sup>14</sup> Федоров Г. А. Кыя петигөн: роман. Сыктывкар, 1981. С. 36.

<sup>15</sup> Шахов Б. Ф. Визув паныд: Кык повесть. Сыктывкар, 1980. С. 58.

<sup>16</sup> Габов И. Н. Машö // Ытва дырйи: коми висьт 20–30-öд воясö. С. 323.

<sup>17</sup> Огнев Л. С. Сиктса велöдысь // Дзирья öшинь дорын. С. 4.

<sup>18</sup> Торопов И. Г. Указ. соч. С. 189.

<sup>19</sup> Там же. С. 89.

<sup>20</sup> Там же. С. 52.

<sup>21</sup> Там же. С. 279.

<sup>22</sup> Юшков Г. А. Кыськö тай эмöсь. С. 74.

<sup>23</sup> Федоров Г. А. Указ. соч. С. 21.

<sup>24</sup> Там же. С. 115.

нула ее строгим голосом. – Горничная! Уснула там, что ли?»;

– *Господа! Кора пуксыны пызан сайё!*<sup>25</sup>  
«– Господа! Прошу к столу!».

В контактоустанавливающих коммуникемах, выраженных обращениями, кроме названия адресата речи содержится дополнительный семантический компонент, который вербально или невербально демонстрирует отношение адресанта к адресату, при этом последний его безошибочно определяет.

Для установления контакта по телефону в коми языке употребляется коммуникема *алло (алё)* ‘алло’:

– *Алло! Кнут! Ме вайёда русскöйясöс, – кодлыкö шуис моряк*<sup>26</sup>. «– Алло! Кнут! Я приведу русских, – кому-то сказал моряк»;

*Марина. Тэ тані пукалыит, но? Если что, отсалан. (Звönитö.) Алё! Алё!*<sup>27</sup> «Марина. Ты здесь посиди, хорошо? Если что, поможешь. (Звонит.) Алё! Алё!».

#### **Коммуникемы, выражающие готовность вступить в контакт**

Данные синтаксические единицы обычно употребляются в качестве вербальной реакции адресата на призыв адресанта вступить в разговор. В коми языке чаще всего для выражения готовности включиться в беседу используются коммуникемы *а ‘а’, но ‘но, ну’, да ‘да’*:

*А локтысыс Револьтыс и вёлöма. Петис посводзас да горöдiс увкйöдлана:*

– *Ольга тьöтка!*

– *А-а!*<sup>28</sup> «Пришедший Револьтом и оказался. Вышел в сени и протяжно закричал:

– *Тетьа Ольга! – А-а!»;*

*Шавишвили!*

– *А!*<sup>29</sup> «– Шавишвили! – А!»;

– *Марна. Юлюк!*

– *Юля. Но!*<sup>30</sup> «Марфа. Юлечка! Юля. Ну!»;

– *Лейтенант!*

*Да!*<sup>31</sup> «– Лейтенант! – Да!».

Как видно из примеров, рассматриваемые синтаксические конструкции демонстрируют адресату заинтересованность и готовность говорящего вступить в контакт.

#### **Коммуникемы, служащие для поддержания контакта (акцентирования внимания на предмете речи)**

Чаще всего в коми языке употребляются коммуникемы *аддзан* ‘видишь’, *кывзöй* ‘слушайте’:

– *Кывзöй! – бара на ыззис ловнас син куньöмön куйлысь нывбаба. – А мый эськö вöли, ми кö тiянкöд тадзи жö паньдасим во дас сизимön вочджык?*<sup>32</sup> «– Слушайте! – взволнованно произнесла, закрыв глаза, лежащая женщина. – А что бы было, если бы мы так же встретились с вами семью годами ранее?»;

– *Аддзан! – лов тырнас водзö нимкодясö кыпид Наста. – Велöдчы ме моз... Тöвбыднад, кöнкö, татшöм удж вылад, уна кос на ковмас веськöдны...*<sup>33</sup>

«– Видишь! – радуется от всей души довольная Настя. – Выучись, как я... За всю зиму, наверное, на такой работе еще много раз спины придется вправлять...».

Данные конструкции коммуникант использует для вызова заинтересованности у адресата, их цель – спровоцировать эмоциональную реакцию у последнего.

Обе коммуникемы выступают как вторичные употребления грамматических форм глаголов *аддзыны* ‘смотреть’ и *кывзыны* ‘слушать’. В них отмечается доминирование коммуникативного значения над номинативным, что часто приводит к частичной (в рассматриваемых примерах – примечание автора) или полной десемантизации анализируемых единиц, к разрыву связи между лексической семантикой и интенцией слова в качестве

<sup>25</sup> Федоров Г. А. Указ. соч. С. 82.

<sup>26</sup> Изьюров И. В. Моряклөн трубка // Юргö парма. Сыктывкар, 1946. С. 278.

<sup>27</sup> Обрезкова Н. А. Но и бабаяс // Войвыв кодзув. 2009. № 4. С. 26.

<sup>28</sup> Юшков Г. А. Öтувтöм гижöдяс. Сыктывкар, 2001. Т. 3. С. 119.

<sup>29</sup> Пыстин И. И. Бушкола вояс. Сыктывкар, 1987. С. 51.

<sup>30</sup> Юшков Г. А. Кыськö тай эмöсь. С. 159.

<sup>31</sup> Пыстин И. И. Указ. соч. С. 75.

<sup>32</sup> Торопов И. Г. Указ. соч. С. 324.

<sup>33</sup> Там же. С. 62.

реплики. Иными словами, «результатом доминирования коммуникативного значения является их постепенная десемантизация, дискурсивная предопределенность и имманентная экспрессивность, проявляющаяся в регулярной жестово-мимической поддержке» [21, 223].

### Заключение

Таким образом, контактоустанавливающие коммуникемы представляют собой важнейшее средство установления контакта и вступления в речевую коммуникацию. Они употребляются в ситуациях вступления коммуникантов в контакт и поддержания его в нужной тональности, соответствуя обстановке общения и ха-

рактеру существующих взаимоотношений между ними. Адресант при использовании данных синтаксических конструкций вкладывает в них определенный смысл, демонстрируя намеренно или непреднамеренно свое эмоциональное состояние и свое отношение к адресату. Собеседник, как правило, легко и безошибочно считывает интенции говорящего, а также его психоэмоциональное состояние в момент речи. Правильный подбор таких конструкций в речи способствует успешному установлению контакта между коммуникантами. Вследствие этого данные синтаксические построения являются неотъемлемым средством эффективной коммуникации.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / под ред. О. Б. Сиротининой. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2006. 192 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика: пер. с фр. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Виноградов В. Д. Функциональная грамматика современного русского языка. Н. Новгород: НГПУ, 2001. 313 с.
4. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Т. 1. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 15–90.
5. Гуляева Н. И. Коммуникемы в коми языке: функционально-семантический аспект // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 14–31. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 77).
6. Гуляева Н. И. Коммуникемы с отрицательной эмоциональной оценкой в коми языке // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 277–283. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.03.277-283.
7. Гуляева Н. И. Коммуникемы с положительной эмоциональной оценкой в коми языке // Культура Севера: культурно-историческая память и современность: сб. ст. Сыктывкар, 2020. С. 60–63.
8. Гуляева Н. И. Коммуникемы с семантикой побуждения в коми языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 446–452. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-446-452.
9. Гуляева Н. И. Коммуникемы со значением утверждения/отрицания в коми языке // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. по итогам XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Чебоксары, 2018. С. 244–246.
10. Гуляева Н. И. Эмоционально-оценочные коммуникемы в коми языке // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (9–13 октября 2017 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2017. С. 106–108.
11. Гуляева Н. И. Этикетные коммуникемы в коми языке // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2019. С. 90–93.
12. Драздаускене М.-Л. А. Лексические особенности речи в контактоустанавливающей функции // Вестник Московского университета. Сер. 10: Филология. 1974. № 5. С. 56–64.
13. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИЯЗ: Перемена, 1992. 329 с.
14. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ Классик, 2002. 317 с.
15. Меликян В. Ю. Контакттоустанавливающие коммуникемы английского языка в этимоло-

- гическом аспекте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 248–254.
16. Меликян В. Ю. Экспрессивные текстообразующие функции коммуникем // Филологические науки. 1998. № 1. С. 73–82.
  17. Моисеева-Пронь Н. В. К вопросу об ограничении вокативных предложений от сходных с ними языковых конструкций (на материале художественной прозы А. П. Чехова) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2, № 4. С. 188–194.
  18. Попов А. С. Обращения-предложения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1958. № 5. С. 25–63.
  19. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс: Универс, 1993. 655 с.
  20. Фирдевс Б. К. Обращение в современном русском языке: виды и функции // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 74–76.
  21. Шаронов И. А. Коммуникативная функция языка и коммуникативы // Русистика и компаративистика: сб. науч. тр. по филологии. М., 2020. Вып. 14. С. 217–231. DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.14.
  22. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: УРСС, 2001. 620 с.
  23. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: моногр. М.: Флинта: Наука, 2014. 344 с.
  24. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / пер. с англ. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М., 1975. С. 193–230.
  25. Aijmer K. Conversational routines in English: convention and creativity. Studies in language and linguistics. London; New York: Longman, 1996. 251 p.
  26. Ameka F. The meaning of phatic and conative interjections // Journal of Pragmatics. 1992. No. 18. P. 245–271. DOI: 10.1016/0378-2166(92)90054-F.
  27. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
  28. Coulmas F. Introduction: Conversational routine // Rasmus Rask Studies in Pragmatic Linguistics. Vol. 2. Conversational routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague, 1981. P. 1–18. DOI: 10.1515/9783110809145.1.
  29. Dimitracopoulou I. Conversational completeness and social development. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. 167 p.
  30. Libert A. R. On conversational valence and the definition of interjections // Proceedings of the 42nd Australian Linguistic Society Conference. 2011. P. 281–295.
  31. Malinowski B. Phatic Communication // Communication in face to face interactions: selected readings. Harmondsworth, 1972. P. 146–152.
  32. Pisarkowa K. Składnia rozmowy telefonicznej. Wrocław, 1975. 231 p.
  33. Sacs H., Schegloff E. A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation // Language. 1974. Vol. 50, no. 4, pt. 1. P. 696–735. DOI: 10.2307/412243.
  34. Tannen D. Talking voices: repetition, dialogue and imagery in conversational discourse. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989. 240 p.

Поступила 12.01.2022; одобрена 11.04.2022; принята 22.06.2022.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Н. И. Гуляева** – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, guljaevan@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0800-8296>



## Contact-setting communicemes in the Komi language

Natalia I. Gulyaeva

*Institute of Language, Literature and History,  
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences  
Syktyvkar, Russia*

**Introduction.** The article describes the contact-setting communicemes in the Komi language. The subject of the research is the implicit meanings and intentions of communicants transmitted by these syntactic units. The purpose of the work is to identify and describe the most common contact-establishing communicemes in the Komi language, their pragmatic specifics, and the features of functioning in speech.

**Materials and Methods.** The article employs mostly descriptive-analytical method. The sources of the research are contact-establishing communicemes found in Komi fiction by the method of continuous sampling. The author analyzes about 70 communicemes and over 200 of their implementations in texts.

**Results and Discussion.** In the Komi language, contact-setting communicemes are few in number. The main sphere of functioning of these syntactic constructions is replica-stimuli, in some cases replica-reactions. The main functions of contact-establishing communicemes are speech-regulatory: establishing contact, maintaining a conversation, and activating the addressee. These units are aimed at coordinating communication strategies, as a result of which a harmonious dialogue and effective speech interaction can be ensured. The study identifies and characterizes three groups of contact-making communicemes found in the Komi language: to establish contact; to express readiness to make contact; to maintain contact. The most common among them are communicemes, which are used to establish contact, in particular, communication communicemes.

**Conclusion.** Contact-setting communicemes are the most important means of establishing contact and entering into verbal communication.

**Keywords:** Komi language, communicant, addressee, contact-establishing communicemes, establishing contact, maintaining contact

**Acknowledgments:** The publication is prepared as part of the implementation of the state assignment of the Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", the state registration number of the project is IYALI FUUU-2021-0008 "The Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals".

**For citation:** Gulyaeva NI. Contact-setting communicemes in the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;3:264–273. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.264-273.

## REFERENCES

1. Andreeva SV. Speech units of oral Russian speech: system, areas of use, functions. 2nd edition, revised. Moscow; 2006. (In Russ.)
2. Benveniste E. General linguistics. Moscow; 1974. (In Russ.)
3. Vinogradov VD. Functional grammar of the modern Russian language. Nizhny Novgorod; 2001. (In Russ.)
4. Vinokur TG. Informative and phatic speech as detection of different communicative intentions of the speaker and listener. *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. T. 1. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* = Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect. Moscow; 1993;1:15–90. (In Russ.)
5. Gulyaeva NI. Communicemes in the Komi language functional and semantic aspect. *Aktual'nye voprosy komi i permskogo iazykoznaniiia* = Topical issues of Komi and Permian linguistics. Syktyvkar; 2019;77:14–31. (In Russ.)
6. Gulyaeva NI. Communicemes with negative emotional evaluation in the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019;11;3:277–283. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.03.277-283.
7. Gulyaeva NI. Communicemes with a positive emotional evaluation in the Komi language. *Kul'tura Severa: kul'turno-istoricheskaiia pamiat' i sovremennost': sb. st.* = Culture of the North: cultural and historical memory and

- modernity. Collection of articles. Syktyvkar; 2020:60–63. (In Russ.)
8. Gulyaeva NI. The communicemes with the semantics of motivation in the Komi language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2020;10;3:446–452. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-446-452.
  9. Gulyaeva NI. Communicemes with the meaning of affirmation/negation in the Komi language. *Iazykovye kontakty narodov Povolzh'ia i Urala: sb. st. po itogam XI Mezhdunar. Simp. (Cheboksary, 21–24 maia 2018 g.)* = Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals. Collection of articles on the results of the XI International symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018). Cheboksary; 2018:244–246. (In Russ.)
  10. Gulyaeva NI. Emotionally evaluative communicemes in the Komi language. *Filologicheskie issledovaniia – 2017. Fol'klor, literatury i iazyki narodov Evropeiskoi chasti Rossii: formy, modeli, mekhanizmy vzaimodeistviia: sb. st. po itogam Vseros. nauch. konf. (9–13 oktiabria 2017 g., Syktyvkar)* = Philological research – 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction. Collection of articles on the results of the All-Russian scientific conference (October 9–13, 2017, Syktyvkar). Syktyvkar; 2017:106–108. (In Russ.)
  11. Gulyaeva NI. Etiquette communicemes in the Komi language. *Finno-ugorskii mir v politnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sb. st. po materialam VI Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* = The Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges. Collection of articles based on materials of the VI All-Russian scientific conference of Finno-Ugric studies. Syktyvkar; 2019:90–93. (In Russ.)
  12. Drazdauskene M-LA. Lexical features of speech in the contact-establishing function. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Filologiya* = Moscow University Philology Bulletin. 1974;5:56–64. (In Russ.)
  13. Karasik VI. The language of social status. Moscow; 1992. (In Russ.)
  14. Kliuev EV. Speech communication. Moscow; 2002. (In Russ.)
  15. Melikian VIu. Contact-establishing communicemes of the English language in the etymological aspect. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2013;15:248–254. (In Russ.)
  16. Melikian VIu. Expressive text-forming functions of communicemes. *Filologicheskie nauki* = Philological Sciences. 1998;1:73–82. (In Russ.)
  17. Moiseeva-Pron NV. To the question of the delimitation vocative sentences from similar language constructs (based on the fiction of A. P. Chekhov). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. 2016;2;4:188–194. (In Russ.)
  18. Popov AS. Appeals-offers in modern Russian. *Russkii iazyk v shkole* = Russian Language at School. 1958;5:25–63. (In Russ.)
  19. Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow; 1994. (In Russ.)
  20. Firdevs BK. Address in contemporary Russian language: types and functions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* = Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2017;4:74–76. (In Russ.)
  21. Sharonov IA. Communicative function of language and communicatives. *Rusistika i komparativistika: sb. nauch. tr. po filologii* = Russian philology and comparative studies. Collection of scientific works on philology. Moscow; 2020;14:217–231. (In Russ.). DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.14.
  22. Shakhmatov AA. The syntax of the Russian language. 3rd ed. Moscow; 2001. (In Russ.)
  23. Shelestiuk EV. Speech influence: ontology and research methodology. Monograph. Moscow; 2014. (In Russ.)
  24. Iakobson R. Linguistics and poetics. *Strukturalizm: "za" i "protiv": sb. st.* = Structuralism: “for” and “against”. Collection of articles. Moscow; 1975:193–230. (In Russ.)
  25. Aijmer K. Conversational routines in English: convention and creativity. Studies in language and linguistics. London; New York; 1996.
  26. Ameka F. The meaning of phatic and conative interjections. *Journal of Pragmatics*. 1992;18:245–271. DOI: 10.1016/0378-2166(92)90054-F.
  27. Brown P, Levinson SC. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge; New York; 1987.
  28. Coulmas F. Introduction: Conversational routine. *Rasmus Rask Studies in Pragmatic Linguistics. Vol. 2. Conversational routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech*. The Hague; 1981:1–18. DOI:10.1515/9783110809145.1.
  29. Dimitracopoulou I. Conversational competence and social development. Cambridge; New York; 1990.
  30. Libert AR. On conversational valence and the definition of interjections. *Proceedings of the 42nd Australian Linguistic Society Conference*. 2011:281–295.
  31. Malinowski B. Phatic Communication. *Communication in face to face interac-*

- tions: *selected readings*. Harmondsworth; 1972:146–152.
32. Pisarkowa K. Składnia rozmowy telefonicznej. Wrocław; 1975.
33. Sacs H, Schegloff EA, Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation. *Language*. 1974;50;4;1:696–735. DOI: 10.2307/412243.
34. Tannen D. Talking voices: repetition, dialogue and imagery in conversational discourse. Cambridge; New York; 1989.

Submitted 12.01.2022; reviewing 11.04.2022; accepted 22.06.2022.

---

### **INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

---

**N. I. Gulyaeva** – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, [guljaevan@rambler.ru](mailto:guljaevan@rambler.ru), <http://orcid.org/0000-0003-0800-8296>



## Научно-философское представление концепта «пространство» и его экспликация в эрзя-мордовском и финском языках

Наталья Михайловна Мосина  
Ольга Валериевна Рубцова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,  
Саранск, Россия*

**Введение.** В статье рассматривается концепт «пространство» как научно-философское и лингвистическое понятие, описывается исторический генезис данного явления начиная с античной философии и мифологии до настоящего времени. Приводятся содержательные характеристики пространства в трудах известных философов и лингвистов. Исследование предпринято с целью выявления и описания одного из основных лексических средств репрезентации концепта «пространство», а именно глаголов, на материале двух дальнородственных языков – эрзянского и финского, раскрытия общих черт в выражении пространственных отношений в указанных языках.

**Материалы и методы.** Материалом исследования послужили иллюстративные примеры, полученные в результате сплошной и частичной выборки из текстов различных жанровых и функциональных стилей, в том числе из печатных средств массовой информации, изданий научного и учебно-методического характера, разнообразных диалектных и фольклорных текстов, включенных в состав лингвистического корпуса KORP. В качестве основных методов использовались синхронный и сравнительный анализ, а также метод описательного и комплексного анализа языкового материала.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Одним из центральных средств, передающих пространственные отношения в эрзянском и финском языках, являются глаголы. Наряду с глаголами, обладающими семантикой перемещения и местонахождения, пространственные значения могут выражать глаголы и других семантических групп, в частности говорения, ненаправленного действия, состояния, физического действия. Приводится классификация эрзянских и финских глаголов, построенная по принципу семантической характеристики и включающая три группы, каждая из которых представлена двумя подгруппами.

**Заключение.** Проведенное исследование позволило раскрыть научно-философскую и лингвистическую сущность понятия «пространство» с учетом исторических процессов, а также выявить способы его экспликации на материале глагольных лексем, обладающих пространственной семантикой в эрзянском и финском языках.

**Ключевые слова:** концепт, пространство, пространственные отношения, семантика, глагол, эрзя-мордовский язык, финский язык

**Для цитирования:** Мосина Н. М., Рубцова О. В. Научно-философское представление концепта «пространство» и его экспликация в эрзя-мордовском и финском языках // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 274–283. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.274-283.

### Введение

Понятие о пространстве складывалось в процессе эволюции научного знания и общественного развития, поэтому, чтобы познать истоки представлений о пространстве, необходимо рассмотреть исторический генезис данного явления.

В человеческом сознании пространство мыслится абстрактно, как «расстояние от человека до объекта осязания»<sup>1</sup>, как «про-

межуток между чем-нибудь, место, где что-нибудь вмещается»<sup>2</sup>. Однако известно множество других представлений о пространстве, которые встречаются уже в античной философии, в мифологической литературе: сознание архаичного человека постигает пространство как чувственно воспринимаемое ограниченное образование, внутри которого он относительно

<sup>1</sup> Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд. М., 1991. С. 75.

<sup>2</sup> Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М., 1989. С. 504.

свободно живет и перемещается. Такое представление привело к тому, что в человеке все более адекватно запечатлевалась структура самого мира. Современная космология предлагает антропоцентрический принцип, объясняющий порядок во Вселенной существованием человека: «...речь идет о некотором биологическом отборе физических фундаментальных констант, определяющих структуру Вселенной» [7, 373]. Индивидуальное мировосприятие пространства поэтапно эволюционирует от наивно-бытового, визуального познания пространственных форм и отношений к более умозрительному и научному его объяснению.

В языкознании пространство – одна из понятийных категорий, отражающих в языке действующие нормы сознания. В отечественной лингвистике термин «понятийная категория» впервые использовал И. И. Мещанинов, который доказал, что данные категории не просто описываются средствами языка, а формируют его семантическое пространство и грамматический строй, выявляются в семантической стороне лексики, в синтаксическом строе предложения и в морфологическом оформлении слова [11, 9]. Они способны передавать языковые понятия, существующие в общественной среде, обнаруживаются в лексике и грамматическом строе отдельно взятого языка. Понятийные категории имеют определенную структуру, построенную на оппозициях и характеризующуюся наличием ядра и периферии. В качестве ядра может выступать определенная грамматическая категория (например, ядром темпоральности служит время). Одну из базовых понятийных категорий составляет категория пространства, в основе которой формируется функционально-семантическая категория локативности [15, 10].

Семантические значения категории пространства являются достаточно распространенным объектом для изучения в языкознании. Существует множество работ, посвященных пространственной се-

мантике, на материале различных языков, как отдельных, так и принадлежащих одному языковому ареалу или генетической группе. Объектом исследования в них, как правило, становятся либо некоторые из средств реализации пространственной категории, либо вся совокупность инвентаря имеющихся в языке средств, либо непосредственно пространственные значения.

Известно, что все пространственные отношения преломляются в языковой картине мира с помощью разноуровневых средств языка – лексики пространственной семантики, специфических морфологических форм и синтаксических построений<sup>3</sup>. В данной статье предметом исследования стали глаголы с пространственной семантикой в эрзянском и финском языках.

### Обзор литературы

У Аристотеля, развившего известную концепцию пространства как топоса (места), космологическая модель функционирует с выделенным центром, который совпадает с центром Земли в определенных измерениях: «верх», «низ», «право», «лево», «перед», «зад». Мыслитель утверждает, что каждое физическое тело, «если ему не препятствовать, несется в свое собственное место, одно вверх, другое вниз, а верх, низ и прочие из шести измерений – части и виды места. Они все – верх, низ, право, лево... становятся тем или иным, смотря по положению, как мы повернемся...»<sup>4</sup>.

Единое содержание пространства древнегреческие философы видели в его организованности, в постоянно происходящих внутри него процессах членения и соединения. Данная пространственная характеристика связана с представлением о бесконечной делимости материи и пространства у Анаксагора («В малом нет наименьшего, но всегда еще меньшее» [10, 67]) и с научно обоснованной точкой зрения об атомическом делении пространства, имеющем предел, Эпикура, Демокрита и Аристотеля.

<sup>3</sup> См.: Федосеева Л. Н. Пространственные отношения в современном русском языке: Семантика и средства выражения: дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2004; Ее же. Категория локативности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013.

<sup>4</sup> Аристотель. Физика // Философы Греции: Основы основ: логика, физика, этика. Харьков, 1999. С. 70.

Для античной философии эквивалентом пространства являются космос, пустота и воздух, иногда вместилище и место, но не бесконечность. Так, основными пространственно-временными характеристиками космоса в концепции Аристотеля – Птолемея провозглашаются следующие: «1) пространство конечно; 2) пустого пространства не существует; 3) время бесконечно; 4) пространство распадается на два уровня – надлунный и подлунный, которые подчиняются различным закономерностям, имеют различные структуры и не проникают друг в друга» [1, 25].

Пространство тесно связано со временем, они образуют единый пространственно-временной континуум, «в результате чего любая попытка определения значимости пространства вне соотнесения его с данным отрезком времени лишается статуса истинности и сакральности для архаичного сознания» [18, 268]. Неразрывность времени и пространства в бытовом и философском представлении человека о мире подтверждают частые случаи совпадения этих двух понятий в обозначении больших единиц [12; 18].

Мыслители эпохи Возрождения подвергли пересмотру учение Аристотеля о пространстве и времени, доказав, что пространство не статично, в нем происходит движение: «Абсолютности “естественного” места Аристотеля противостоит абсолютное понимание пространства как объективной реальности, в которой происходит движение» [4, 187]. Подход к изучению пространства становится научным, физико-экспериментальным. Так, Б. Телезио допускает, что мир может быть сплошь заполнен, но пустота тем не менее реальна, только для ее образования необходимо приложение сил, физических воздействий, что может быть доказано экспериментально<sup>5</sup>. Н. Коперник расширил пространственные границы космоса, приблизившись к признанию его бесконечности: «...небо неизме-

римо велико по сравнению с Землей и представляет бесконечно большую величину; по оценке наших чувств, Земля по отношению к небу, как точка к телу, а по величине, как конечное к бесконечному» [5, 422].

Приверженец единства физики и геометрии Р. Декарт ввел координатную систему, с помощью которой пространство как атрибут мира может быть представлено через протяженность в длину, ширину и глубину: «...протяжение пространства как внутреннего места не отличается от протяжения тела. А так как из одного того, что тело протяженно в длину, ширину и глубину, мы правильно заключаем, что оно – субстанция, то и относительно пространства, предполагаемого пустым, должно заключать то же»<sup>6</sup>.

Философские концепции XVII–XVIII вв. признавали два вида пространства: абсолютное (согласно И. Ньютону) и относительное (согласно Г. В. Лейбницу): «Абсолютное пространство по самой своей сущности, безотносительно к чему бы то ни было внешнему, остается всегда одинаковым и неподвижным»<sup>7</sup>; «Я неоднократно подчеркивал, что считаю пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство – порядком существования, а время – порядком последовательностей. Ибо пространство с точки зрения возможности означает порядок одновременных вещей...»<sup>8</sup>.

И. Кант, поддерживая концепцию пустого, абсолютного, единого пространства И. Ньютона, определял пространство как чистое созерцание: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний»<sup>9</sup>. Провозгласив в конце XVIII в. субъективность понятия пространства, И. Кант окончательно оторвал его от физической реальности: «Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т. е. субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас

<sup>5</sup> См.: Telesio B. De rerum natura iuxta propria principia. Cosenza, 1965. Vol. 1. Libri 1–3. P. 10.

<sup>6</sup> Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 473.

<sup>7</sup> Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Известия Николаевской морской академии. 1915. Вып. 4. С. 620.

<sup>8</sup> Лейбниц Г. В. Избранные философские сочинения. М., 1908. С. 47.

<sup>9</sup> Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 326.

чувственные созерцания»<sup>10</sup>. Подобная трактовка пространства вызывает множество сомнений в научных кругах из-за ее ограниченности.

В настоящее время понятие пространства продолжает исследоваться с позиций И. Ньютона и Г. В. Лейбница. Отличие между их концепциями заключается в том, что в первом случае пространство отграничено от человека-наблюдателя, от фактора восприятия человеком; а во втором, наоборот, отмечено его присутствием [18]. Абсолютное пространство трактуется с точки зрения двух наук: геометрии и физики, а относительное – как «наивная философия мира» [8, 105] в сфере человеческого мировосприятия, а в повседневной жизни – как порядок определенных объектов относительно друг друга, расстояние от человека до объекта осознания. Можно сделать вывод, что последнее философское осмысление категории «пространство» является основным в человеческом познании мира.

На материале финно-угорских языков отдельные компоненты категории пространства рассматриваются на уровне семантической структуры предложения в монографии Т. Хуумо [19], выделившего различные типы локативов и их синтаксические функции в финском языке, а также в работах Н. А. Лысковой [9], Н. М. Мосиной<sup>11</sup>. В финно-угроведении в целом, а также в мордовском и финском языкознании в частности локативность с позиции функционально-семантической категории анализировалась в монографии Н. М. Мосиной и А. С. Мигуновой [15]. Локативные падежи, пространственные значения и средства их выражения в разное время становились объектом изучения в диссертационных исследованиях Г. А. Митюниной<sup>12</sup> (на материале эрзянского и русского языков), Л. В. Самосудовой<sup>13</sup> (на материа-

ле эрзянского языка), Н. В. Кондратьевой<sup>14</sup> (на материале удмуртского языка). Основными целями указанных и других авторов были изучение текстообразующих функций пространственных наречий и послелогов, грамматических средств выражения пространственных падежей, выявление сходств и различий в использовании языковых средств при выражении пространственных отношений на материале разноструктурных языков [2; 16; 17], определение пространственных значений и функций локативных падежей [6].

### Материалы и методы

Предмет исследования и намеченные задачи определили методы, используемые в работе, а именно: описательный, сравнительный, метод сплошной выборки, метод анализа непосредственно составляющих вербальных единиц, метод контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа.

Материалом исследования послужили тексты различных жанровых и функциональных стилей из печатных средств массовой информации, изданий научного и учебно-методического характера, разнообразных диалектных и фольклорных текстов, включенных в состав лингвистического корпуса KORP<sup>15</sup>. Иллюстративную базу составили также глагольные единицы и языковые примеры, полученные в результате сплошной и частичной выборки из толковых и двуязычных словарей эрзянского и финского языков.

### Результаты исследования и их обсуждение

Особый интерес у большинства языковедов в ходе изучения концепта «пространство» вызывает система средств выражения пространственных отношений. Учеными принято выделять следующие

<sup>10</sup> Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 52.

<sup>11</sup> См.: Мосина Н. М. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2014.

<sup>12</sup> См.: Митюнина Г. А. Средства выражения пространственных отношений в эрзянском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006.

<sup>13</sup> См.: Самосудова Л. В. Выражение пространственных и временных отношений в эрзянском языке: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2007.

<sup>14</sup> См.: Кондратьева Н. В. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа): дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2011.

<sup>15</sup> См.: KORP: Kielipankki. The Language Bank of Finland (The Concordance Search Tool). Helsinki, 2015. URL: <https://www.kielipankki.fi/> (дата обращения: 09.06.2022).

языковые средства: лексические, словообразовательные, грамматические, контекстуальные и модусные. В данном исследовании мы рассмотрим лексические средства, среди которых наиболее распространенными являются глаголы со значением перемещения и местонахождения.

Основой пространственных отношений являются понятия «перемещение» и «местонахождение»<sup>16</sup>. По мнению многих ученых, активно реализовывать семантику «перемещения» и «местонахождения» способны глаголы [14, 70]. Выделяются различные классы глаголов и глагольных сочетаний с пространственной семантикой. Так, В. Г. Гак на материале русского языка фиксирует следующие семантические группы глаголов: 1) экзистенциальные глаголы, указывающие в самой общей форме на местонахождение объекта где-либо, на его наличие где-либо; 2) позиционные глаголы, уточняющие позицию локализуемого объекта в отношении одного из трех измерений; 3) специфические экзистенциальные глаголы, выражающие способ существования, свойственный тому или иному субъекту; 4) экспрессивные позиционные глаголы, которые выразительно представляют положение предмета в какой-либо среде [3, 13–16]. В. Н. Соловар на материале хантыйского языка выделяет группу глаголов с невыраженной ориентацией движения, которые передают семантику локативности. При этом с точки зрения «среды передвижения» автор выделяет глаголы, которые распределяются по трем лексико-грамматическим группам: 1) глаголы со значением движения по твердой поверхности; 2) глаголы со значением движения по воздуху; 3) глаголы со значением движения в жидкой среде [17, 59].

Большинство ученых рассматривают глагольные лексемы, обладающие динамическими характеристиками, и так называемые экзистенциальные глаголы с семантикой положения, нахождения в пространстве.

Для выражения пространственных отношений наряду с глаголами, непосредственно передающими данное значение, могут использоваться глаголы самых различных семантических групп: говорения, ненаправленного действия, состояния, физического восприятия<sup>17</sup>.

С учетом имеющихся в языкознании классификаций глаголов с пространственной семантикой в различных языках нами была построена собственная классификация, учитывающая специфику исследуемых языков, а также семантические оттенки выявленных глагольных лексем. В нее вошли три группы глаголов: а) глаголы, обозначающие местонахождение и наличие объекта в определенном месте, так называемые экзистенциальные глаголы; б) глаголы, описывающие нестабильное, изменяемое состояние, положение предмета в пространстве, так называемые позиционные глаголы; в) глаголы, обозначающие физические, интеллектуальные и ментальные действия лица, так называемые акциональные глаголы [13, 8; 15, 33].

Проведенный авторами анализ текстов различных жанровых и функциональных стилей, в том числе из печатных средств массовой информации, изданий научного и учебно-методического характера, а также разнообразных диалектных и фольклорных текстов, включенных в состав лингвистического корпуса KОРP, позволил выделить языковые примеры с глагольными единицами, обладающими пространственными характеристиками и соответствующими приведенной выше классификации.

1. Экзистенциальные глаголы (обозначающие местонахождение и наличие объекта в определенном месте)

1.1. Собственно экзистенциальные глаголы, указывающие на наличие, существование предмета, явления в определенном месте:

эрз. *Кода а кода ульнесь эсензэ семязо. «Как-никак, у него была своя семья»; Сонзэ крайганзо аитить сэрей виде пичеть,*

<sup>16</sup> См.: Петрянина О. В. Локативность как периферийное средство выражения темпоральных отношений в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007.

<sup>17</sup> См.: Бескровная В. В. Функционально-семантическое поле локативности в современном английском языке в сопоставлении с русским языком: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005; Мосина Н. М. Указ. соч.

куникасоззо жо – овсе алкинъкинеть берякше пичинеть, ламот овсе ёмасть. «По его краю стоят высокие, прямые сосны, в центре же их – вовсе низенькие, плохенькие, сосенки, многие совсем пропали»; Губор прява эрситъ вирть эли скотинань ваномат таркат. «На вершине холма находятся леса или места для выпаса скота»;

фин. *Erillisviraston päätoimipaikka sijaitti tilapäisesti Brysselissä vuonna 2005.* «В 2005 году головной офис агентства был временно размещен в Брюсселе»; *On ilmennyt, että kyseisellä yhtiöllä oli tiettyjä väliaikaisia ja erityisiä kustannuksia.* «Выяснилось, что у рассматриваемой компании имелись определенные временные и особые расходы»; *Molemmat trustit olivat saman perheen hallinnassa.* «Оба треста были под контролем одной и той же семьи».

1.2. Специальные экзистенциальные глаголы:

эрз. *Икеле фотографиясь назава ало кирдевсь.* «Раньше фотография хранилась под иконой»; *Чинть лисемадо мейле Поки латкованть, косо касыть эчке, сэрей пойтне, ашназа качамокс сувтневи туманось.* «После восхода солнца вдоль Большого оврага, где растут толстые высокие осины, беловатым дымом рассеивается туман»;

фин. *Suolla kasvaa useita kalkinsuojajalajeja.* «На болоте растет несколько видов растений, любящих известь»; *Siellä roikkuu vessapaperiakini.* «Там даже туалетная бумага висит».

2. Позиционные глаголы (описывающие нестабильное, изменяемое состояние, положение предмета в пространстве)

2.1. Глаголы, указывающие на положение в пространстве:

эрз. *Табуретка лангсо озадо аштемстэ гармониянтъ кирди.* «Сидя на табуретке, держит гармошку»; *Авась ней аштемс тарка лангсо кунст мадезь.* «Женщина сейчас лежала навзничь на кровати»;

фин. *Tilanteessa opettaja seisoo erään parityöskentelyä tekvän tyttöäksiko luona.* «В ситуации учитель стоит рядом с парой девочек, выполняющих парную работу»; *Pöydälläni makasi tänään poika, ehkä vuoden sinua nuorempi.* «Сегодня на моем

столе лежал мальчик, может, на год моложе тебя».

2.2. Глаголы физиологического состояния:

эрз. *Сынъ а беряньстэ эрпитъ.* «Они не плохо живут»; *Ды тосо сон вачочиде кулосъ.* «И там он от голода умер»;

фин. *Liikenteessä kuolee suuri määrä erikokoisia nisäkkäitä, matelijoita ja intuja, ja liikenteen päästöt ja melusaaste heikentävät eliöiden elinolosuhteita.* «В дорожном движении погибает большое количество млекопитающих, рептилий и насекомых разных размеров, а выбросы транспортных средств и шумовое загрязнение ослабляют условия жизни организмов»; *Saostumissa elää jopa tuhansia kertoja enemmän mikrobeja virtavaan veteen verrattuna.* «В осадках живет в тысячи раз больше микробов, чем в проточной воде».

3. Акциональные глаголы (обозначающие физические, интеллектуальные и ментальные действия лица)

3.1. Глаголы физического действия:

эрз. *Мейле сынст килей пряс понгавтнильть.* «Потом их вешали на березу»; *Сон таргась столь потсто еше вейке чашка, нуртясь чай ды айгизе сонзэ ёнов.* «Она достала из стола еще одну чашку, налила чаю и пододвинула ее в его сторону»; *Вармась виевстэ чавсь кораблятне эйсэ.* «Ветер сильно ударял по кораблям»;

фин. *Voisin ripustaa tinseliä huipulle.* «Я мог бы повесить мишуру сверху»; *Pilleriruiskuun vedetään vettä ja tabletti asetetaan ruiskun kärjessä olevaan halkioon.* «В шприц для таблеток набирается вода, и таблетка помещается в прорезь на кончике шприца»; *Tuonne se potkaisi pallon.* «Туда он пнул бы мяч».

3.2. Глаголы интеллектуального (речевого) действия:

эрз. *Венчень аштема таркастонть чийсь Маресь ды ёвтась, келя, Равганть верде уить ламо поки венчть.* «От места, где стояли лодки, прибежал Маресь и рассказал, что сверху по Волге плывет много больших лодок»; *Ладямонть, сэтъмечинть ванстомга сон мерсь тонавтнемс такачитнень вейсэ решамо ды витеме.* «Забываясь о перемирии и спокойствии, он велел учиться решать и исправлять слож-

ности вместе»; *Kolhozso яла кортыть конференциянь кувалт*. «В колхозе все говорят о конференции»;

фин. *Lisäksi järjestetään tapahtumia, joissa kerrotaan tuotteen historiallisesta ja sosiaalisesta merkityksestä alueen asukkaille*. «Кроме того, организуются мероприятия, на которых жителям района рассказывают об исторической и социальной значимости продукта»; *Perusteluissa puhutaan useaan otteeseen rahanpesun ja terrorismin rahoituksen torjunnasta*. «В обоснованиях неоднократно говорят о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма»; *Kyselyssä 80,5 % vastaajista ilmoitti, että heillä oli intubointivälineet käytettävissä*. «В ходе опроса 80,5 % респондентов заявили, что у них есть в наличии оборудование для интубации».

### Заключение

В проведенном исследовании раскрыты содержательные характеристики концепта «пространство» с опорой на научно-филологическое и мифологическое представления данного понятия. Описаны исторические изменения, происходившие в осознании и осмыслении учеными пространства, его содержания, структуры и типов.

В ходе исследования определено, что основой пространственных отношений являются понятия «перемещение» и «местонахождение». Это позволило авторам на иллюстративном материале таких дальнородственных языков, как эрзянский и финский, выделить в качестве централь-

ного лексического средства репрезентации концепта «пространство» глаголы. Специфика семантики выявленных глагольных лексем отражена в классификации, включающей три группы глаголов, каждая из которых содержит две подгруппы: 1) экзистенциальные глаголы, обозначающие местонахождение и наличие объекта в определенном месте: 1.1) собственно экзистенциальные глаголы, указывающие на наличие, существование предмета, явления в определенном месте; 1.2) специальные экзистенциальные глаголы; 2) позиционные глаголы, описывающие нестабильное, изменяемое состояние, положение предмета в пространстве: 2.1) глаголы, указывающие на положение в пространстве; 2.2) глаголы физиологического состояния; 3) акциональные глаголы, обозначающие физические, интеллектуальные и ментальные действия лица: 3.1) глаголы физического действия; 3.2) глаголы интеллектуального (речевого) действия.

Полученные результаты позволяют отметить некоторые перспективы дальнейшего изучения глагольной лексики с пространственной семантикой в различных, в том числе разноструктурных, языках. Материалы и выводы могут послужить частью теоретической и практической основы для дальнейших научных изысканий.

### УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

фин. – финский язык  
эрз. – эрзянский язык

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982. 222 с.
2. Водясова Л. П. Наречие как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в романе К. Г. Абрамова «Олячинть кисэ» («За волю») // SCI-ARTICLE: электрон. период. науч. журн. 2014. № 12. С. 62–67. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1407336493> (дата обращения: 09.06.2022).
3. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 6–27.

4. Горфункель А. Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М.: Мысль, 1977. 359 с.
5. Дмитриевская М. А. Трансформация мифологии мирового дерева у А. Платонова // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 420–429.
6. Карпова Л. Л., Кондратьева Н. В. Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты // Финно-угорский мир. 2014. № 3. С. 32–37.
7. Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: Теории и наблюдения. М., 1978. С. 369–380.
8. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2004. 206 с.
9. Лыскова Н. А. Семантика падежа в обско-угорских падежах. СПб.: Изд-во С.-Петербурга ун-та, 2003. 248 с.
10. Маковельский А. О. Досократики. Ч. 2. Элеатовский период: первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований: историко-критический обзор и перевод фрагментов, доксграфического и биографического материала Александра Маковельского. Казань: Издание Книжного магазина М. А. Голубева, 1915. 242 с.
11. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 5–15.
12. Мосина Н. М. Выражение темпоральности местными падежами в финском и эрзянском языках // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика. Йошкар-Ола, 2008. Ч. 5. С. 111–119.
13. Мосина Н. М. Система глубинных падежей в эрзянском языке: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 224 с.
14. Мосина Н. М. Эрзянская речь детей от 3 до 7 лет (морфологический и синтаксический анализ): моногр. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2002. 236 с.
15. Мосина Н. М., Мигунова А. С. Категория локативности в эрзянском и финском языках: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. 108 с.
16. Савостькина М. И., Натуральнова Г. А. Лексико-семантическая структура глаголов движения в мордовских (мокшанском, эрзянском) языках // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 2. С. 128–130.
17. Соловар В. Н. Семантическая классификация глаголов по способу осуществления движения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2016. № 4. С. 58–67.
18. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
19. Nuomo T. Lokatiivit lauseen semanttisessa tulkinnessa: Ajan, omistajan, paikan ja tilan adverbiaalien keskinäiset suhteet suomen kielessä. Turku: Painosalama Oy, 1997. 269 s.

Поступила 05.05.2022; одобрена 23.05.2022; принята 22.06.2022.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Н. М. Мосина** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, natamish@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>

**О. В. Рубцова** – старший преподаватель кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, rubtsova2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9947-8271>



# The scientific and philosophical presentation of the concept “space” and its explication in Erzya-Mordvin and Finnish languages

Natalya M. Mosina  
Olga V. Rubtsova

National Research Mordovia State University,  
Saransk, Russia

**Introduction.** The article discusses the concept of “space” from the point of view of scientific, philosophical and linguistic concepts, describes the historical genesis of this phenomenon, starting from ancient philosophy and mythology to the present. Content characteristics of space in the works of famous philosophers and linguists are given. The purpose of the article is to identify and describe one of the main lexical means of representing the concept of “space”, in this case, verbs, on the basis of two distantly related languages Erzya and Finnish, to reveal common features in the expression of spatial relations in these languages.

**Materials and Methods.** The material of the study was illustrative examples obtained as a result of continuous and partial sampling from texts of various genre and functional styles, including print media, publications of a scientific and educational nature, various dialect and folklore texts included in the linguistic corpus KORP. The main research methods were synchronous and comparative analysis, as well as the method of descriptive and complex analysis of linguistic material.

**Results and Discussion.** One of the central means of conveying spatial relations in the Erzya and Finnish languages are verbs. Along with verbs that have the semantics of movement and location, spatial meanings can express verbs of various semantic groups, such as speaking, non-directional action, state, physical action. The classification of Erzya and Finnish verbs is given, built on the principle of semantic characteristics and including three groups, each of which is represented by two subgroups.

**Conclusion.** The study made it possible to reveal the scientific, philosophical and linguistic essence of the concept of space, taking into account historical processes, as well as to identify ways of its explication on the material of verbal lexemes that have spatial semantics in the Erzya and Finnish languages.

**Keywords:** concept, space, spatial relations, semantics, verb, Erzya-Mordvin, Finnish language

**For citation:** Mosina NM, Rubtsova OV. The scientific and philosophical presentation of the concept “space” and its explication in Erzya-Mordvin and Finnish languages. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2022;14;3:274–283. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.274-283.

## REFERENCES

1. Akhundov MD. Concepts of space and time: origins, evolution, prospects. Moscow; 1982. (In Russ.)
2. Vodiasova LP. The adverb as a means of connecting the components of a complex syntactic whole in the novel by K. G. Abramov “Olyachint kise” (“For the will”). *SCI-ARTICLE: elektron. period. nauch. zhurn.* = *SCI-ARTICLE: electronic periodical scientific journal*. 2014;12:62–67. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1407336493> (accessed 09.06.2022). (In Russ.)
3. Gak VG. Functional-semantic field of localization predicates. *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Posesivnost'. Obuslovlennost'* = The theory of functional grammar. Locativity. Beingness. Possession. Conditioning. Saint-Petersburg; 1996:6–27. (In Russ.)
4. Gorfunkel' AKh. Humanism and natural philosophy of the Italian Renaissance. Moscow; 1977. (In Russ.)
5. Dmitrovskaia MA. Transformation of the mythologeme of the world tree by A. Platonov. *Logicheskii analiz iazyka: iazyki prostranstv* = Logical analysis of language: Languages of spaces. Moscow; 2000:420–429. (In Russ.)
6. Karpova LL, Kondrat'eva NV. The system of spatial cases in the modern Udmurt language: literary language vs dialects. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2014;3:32–37. (In Russ.)

7. Karter B. The coincidence of large numbers and the anthropological principle in cosmology. *Kosmologiya: Teorii i nabliudeniia* = Cosmology: Theories and Observations. Moscow; 1978:369–380. (In Russ.)
8. Kravchenko AV. Language and perception: Cognitive aspects of language categorization. Irkutsk; 2004. (In Russ.)
9. Lyskova NA. Case semantics in Ob-Ugric cases. Saint-Petersburg; 2003. (In Russ.)
10. Makovel'skii AO. Pre-Socratics. Eleatic period: the first Greek thinkers in their works, in the evidence of antiquity and in the light of the latest research: a historical and critical review and translation of fragments, doxographic and biographical material of Alexander Makovelsky. Kazan; 1915. (In Russ.)
11. Meshchaninov II. Conceptual categories in language. *Trudy Voennogo instituta inostrannykh iazykov* = Proceedings of the Military Institute of Foreign Languages. 1945;1:5–15. (In Russ.)
12. Mosina NM. Expression of temporality by local cases in Finnish and Erzya. *Materialy X Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov: Lingvistika* = Materials of the X International Congress of Finno-Ugric Studies: Linguistics. Yoshkar-Ola; 2008;5:111–119. (In Russ.)
13. Mosina NM. The system of deep cases in the Erzya language. Monograph. Saransk; 2013. (In Russ.)
14. Mosina NM. Erzya speech of children from 3 to 7 years old (morphological and syntactic analysis). Monograph. Saransk; 2002. (In Russ.)
15. Mosina NM, Migunova AS. The category of locativity in the Erzya and Finnish languages. Monograph. Saransk; 2021. (In Russ.)
16. Savost'kina MI, Natural'nova GA. Lexico-semantic structure of verbs of motion in Mordovian (Moksha, Erzya) languages. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2017;2:128–130. (In Russ.)
17. Solovar VN. Semantic classification of verbs according to the method of movement (on the material of the Kazym dialect of the Khanty language). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2016;4:58–67. (In Russ.)
18. Toporov VN. Space and text. *Tekst: Semantika i struktura* = Text: Semantics and structure. Moscow; 1983:227–284. (In Russ.)
19. Huumo T. Lokatiivit lauseen semanttisessa tulkinnessa: Ajan, omistajan, paikan ja tilan adverbiaalien keskinäiset suhteet suomen kielessä. Turku; 1997.

Submitted 05.05.2022; reviewing 23.05.2022; accepted 22.06.2022.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**N. M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University, natamish@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>

**O. V. Rubtsova** – Senior Lecturer, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University, rubtsova2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9947-8271>



## Прилагательное в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка

**Светлана Александровна Сажина**

*Институт языка, литературы и истории  
Коми научного центра Уральского отделения РАН,  
Сыктывкар, Россия*

**Введение.** Статья посвящена описанию грамматических и словообразовательных особенностей прилагательного в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка. Цели исследования – характеристика синтаксических связей прилагательного с определяемым словом; лингвистический анализ грамматических категорий прилагательного: рассмотрение образования и дистрибуции членов грамматических категорий степеней сравнения и степеней качества; выявление особенностей словообразования.

**Материалы и методы.** Исследование базируется на анализе лингвистических аудиоматериалов, собранных и зафиксированных на цифровые носители в ходе нескольких диалектологических экспедиций с участием автора в район проживания Кировских пермяков в период с 2002 по 2012 г. При написании работы использованы описательный и сравнительный методы.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В работе на основе полевого материала исследованы грамматические и словообразовательные особенности прилагательного в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка. В частности, рассмотрено функционирование данной части речи в роли определения и именного сказуемого; описаны случаи конгруэнции прилагательного в адъективной и предикативной функция; охарактеризованы грамматические категории степеней сравнения и степеней качества, представлены основные словообразовательные суффиксы.

**Заключение.** В результате исследования выявлено значительное влияние русского языка на образование атрибутивных синтаксических конструкций и грамматических форм прилагательного. Зафиксированы морфологические особенности, характерные в ареале коми диалектов лишь для исследуемого идиома.

**Ключевые слова:** коми язык, коми-пермяцкий язык, верхнекамское наречие, Кировские пермяки, диалектология, морфология, прилагательное

**Благодарности:** Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта ИЯЛИ FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

**Для цитирования:** Сажина С. А. Прилагательное в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 284–292. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.284-292.

### Введение

Исследование современных диалектов дает значимый материал для изучения истории и развития языка, междиалектных и межъязыковых контактов. В связи с этим представляется актуальным синхронное описание языка Кировских пермяков, традиционно именуемого верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка [1, 221–223]. Актуальность изучения данного идиома, бытующего в верховьях Камы, на территории Афанасьевского района Кировской области, обусловлена также необходимостью документации, изучения и сохранения ис-

чезающей разновидности коми языка, число носителей которой стремительно сокращается. Ситуация межъязыкового контакта на основе русского, продолжающаяся более четырех с половиной веков, и изолированность от других территориальных разновидностей коми языка привели к языковому сдвигу и переходу Кировских пермяков на русский язык. В настоящее время носителями наречия являются немногочисленные представители старшего и пожилого возрастов. Языковое поведение младшего и среднего поколений характеризует монолингвизм.

Предметом рассмотрения в данной работе выступают грамматические характеристики и специфика словообразования прилагательных.

### Обзор литературы

Язык кировских пермяков не был объектом монографического научного исследования. Его основные особенности кратко отражены в статье Г. А. Нечаева [11] и обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р. М. Баталовой [1, 221–223]. Лексика верхнекамского наречия нашла частичное отражение в рукописном труде «Материалы для сравнительного словаря зюдинского пермяцкого и глазовского вотсакого наречий и бесерменского говора», автор и время создания которого неизвестны<sup>1</sup>. В последнее время системное исследование языка кировских пермяков осуществляется Е. Н. Федосеевой [18; 19] и автором настоящей статьи [13–16] на основе полевого материала, собранного в экспедициях в Афанасьевский район Кировской области с 2002 по 2012 г. от носителей с высоким уровнем языковой компетенции.

Теоретической основой для подготовки статьи послужили научные труды В. М. Лудьковой, в которых имя прилагательное получило детальное освещение в коми языкознании [6–10; 21], а также исследования Д. А. Ефремова, посвященные рассмотрению морфологических, синтаксических и словообразовательных особенностей прилагательного в удмуртском языке<sup>2</sup> [2].

### Материалы и методы

В основе исследования – лингвистические материалы, собранные и проанализированные автором в ходе нескольких экспедиций в район проживания кировских пермяков. Материал в статье приводится в фонематической транскрипции на кириллической основе, принятой в коми диалектологии. При подготовке работы использованы описательный и сравнительный методы исследования.

<sup>1</sup> См.: Государственный архив Кировской области. Ф. 170. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 32.

<sup>2</sup> См.: Ефремов Д. А. Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. С. 11.

<sup>3</sup> См.: Дмитриева Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998. С. 81, 84.

<sup>4</sup> См.: Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. С. 158.

### Синтаксические особенности

Прилагательное в верхнекамском наречии функционирует в адъективной и предикативной функциях. Выполняя функцию именного сказуемого, оно занимает постпозитивное положение и согласуется с существительным либо местоимением в числе. Маркером множественности прилагательного при этом является суффикс *-öc'*: *чэл'ад' н'э бөбөс'* 'дети не глупые'; *н'иа ичэт'икöс'* 'они маленькие'.

В роли определения данная часть речи, как правило, предшествует определяемому слову и в большинстве случаев не согласуется с ним в числе и падеже, а примыкает к нему: *гырыс' т'эркайас* 'большие дома'. Однако в ряде случаев препозитивное прилагательное может согласовываться с определяемым словом во множественном числе, присоединяя суффикс *-öc'*: *пэстрэд'иннөйöс' дубасйас* 'холщовые сарафаны из пестряди'; *көз'ыдöс' оййас* 'холодные ночи'. Такие формы появляются в речи под влиянием русского языка и встречаются также в других коми-пермяцких диалектах и удмуртском языке: кп. *вильöсь луннэз* 'новые дни'<sup>3</sup>; удм. *наськытэсь урамьёс* 'широкие улицы'<sup>4</sup>. В коми-зырянских диалектах они не замечены. Конгруэнция препозитивного прилагательного с определяемым словом в числе свойственна также прибалтийско-финским языкам. Но, по мнению ученых, данное явление относится к числу поздних; для финно-угорского праязыка согласование не было характерно [20, 254].

В исследуемом идиоме нами зафиксированы довольно частые случаи нарушения исконного порядка слов в определительных конструкциях. Прилагательное может находиться в постпозиции по отношению к определяемому слову и согласовываться с ним в числе, падеже,

лично-притяжательной форме: *магаз'инö врод'э прин'имал'и картошкайассö косй'ассö* 'в магазине вроде бы принимали сухой картофель'; *пос'т'эл'айасысоломэнн'ийасыс* 'соломенные постели'; *кол'л'экт'ивйасыс пэрмй'ацк'ой'асыс пэс'н'айассö с'ы'лисö тожно* 'пермяцкие коллективы песни пели'; *годй'асыс л'утöв'ой'асыс* 'годы лютые', *йупкайас пэстрэд'инн'ой'ос'* *эд ноллимö* 'юбки пестрядинные ведь носили'.

По наблюдению В. М. Лудыковой, нарушение исконного порядка «определение + определяемое слово» среди финно-угорских языков в наибольшей мере характерно для коми-пермяцкого языка [6, 31]. Аналогичные примеры зафиксированы в среднечепецком диалекте удмуртского языка [5, 105].

### Категория степеней сравнения

Как и в других коми (пермяцких и зырянских) диалектах и литературных языках, в верхнекамском наречии прилагательному присуща трехчленная категория степеней сравнения: позитив (основная форма), компаратив (сравнительная степень) и суперлатив (превосходная степень). Прилагательное в форме позитива выражает качество, признак предмета без указания на меру и степень и не имеет специального показателя.

Компаративные формы образуются посредством суффикса **-джык/-жык**: *сийа мэс'а томжык вöлин* 'он моложе меня был'; *вöсн'ыд вөр – көз'ыд, а кыжжык – сийа шоныдджык* 'тонкоствольный лес – холодный (прим. для строительства дома), а потолще – теплее'; *ичöтджык нылыс да зоныс с'эрэд'н'ойыс Л'эн'инградын олönö* 'младшая дочь моя и средний сын мой живут в Ленинграде'. В статье Г. Нечаева, исследовавшего идиом в 1928–1929 гг., зафиксирован лишь один вариант компаративного показателя **-джык**: *йонджык* 'сильнее'; *куз'джык* 'длиннее'; *н'эбыджджык* 'мягче' [11, 12]. Р. М. Баталова, говоря о функциони-

ровании вариантов **-джык** и **-жык**, уточняла, что вариант с аффрикатой используется в словах с основой на согласные **т, д** [1, 222].

Отметим, что в языке Кировских пермяков наблюдается тенденция к сокращению функционирования аффрикат **дж, дз, тш** и их замене фрикативными согласными. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что в составе компаративного суффикса **-джык** аффриката **дж** сохраняется в позициях: 1) после гласного: *этиаджык* 'поменьше'; *прокаджык* 'сильнее'; 2) после согласного **д**, впоследствии ассимилируемого аффрикатой: *ыжыджджык* 'больше' < *ыжыд* 'большой'; *көз'ыджджык* 'холоднее' < *көз'ыд* 'холодный'; *эжыджджык* 'белее' < *эжыд* 'белый'; 3) после согласного **дз**: *одзджык* 'раньше'.

Суперлатив прилагательных в исследуемом идиоме образуется лишь аналитическим способом посредством заимствованной из русского языка частицы **самöй**: *самöй ыжыд* 'самый большой'; *самöй гырыс* 'самый крупный'. Аналогично суперлатив образуется в других финно-угорских языках и их диалектах: удмуртском<sup>5</sup>, мордовских<sup>6</sup>, вепсском<sup>7</sup>. Употребление частицы **самöй/самэй** для выражения значения превосходной степени распространено и в коми-зырянских диалектах<sup>8</sup>.

Исконные способы образования суперлатива посредством приставки **мэд-** и частицы **мэдс'а**, широко бытующие в зырянских диалектах, в наречии не зафиксированы. Не были отмечены они в языке Кировских пермяков и в 1930-е гг. во время исследования идиома Г. Нечаевым, что позволяет сделать вывод о вытеснении их из речи уже в тот период.

Превосходная степень прилагательного может быть выражена одновременно показателями суперлатива и компаратива: *самöй мичаджык* 'самый красивый (букв.: самый красивее)'; *самöй ыжыджджык т'эрка* 'самый большой (букв.: самый

<sup>5</sup> См.: Грамматика современного удмуртского языка. С. 139.

<sup>6</sup> См.: Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980. С. 186.

<sup>7</sup> См.: Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка: Фонетика и морфология. Л., 1981. С. 186.

<sup>8</sup> См.: Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 330.

больше) дом'. Сходные случаи не чужды и некоторым коми диалектам [12, 137].

В верхнекамских говорах встречается и синтаксический способ образования суперлатива посредством сочетания обобщенно-определяющего местоимения *быкӧб* 'все, всё', характерного в ареале коми диалектов только для исследуемого идиома, в форме преклюзива и прилагательного в компаративе: *ыжыджджык быкӧбс'а* 'больше всех'; *быкӧбс'а мичаджык* 'красивее всех'; *быкӧбс'а пӧрыс'жык* 'старше всех'.

### Категория степеней качества

Грамматическая категория степеней качества прилагательного включает степень полноты качества (позитив), степень неполноты качества (модератив), степень усиления качества (интенсив).

Степень полноты качества выражена основной формой прилагательного и указывает на признак, качество предмета, присущее ему в полной мере: *гӧрдыд* 'красный', *ыжыд* 'большой', *сад'тӧм* 'бестолковый'.

Степень неполноты качества, указывающая на недостаточность качества, признака в предмете, в идиоме чаще всего передается суффиксом *-сор/-сора*: *ул'сор* 'сыроватый'; *пӧнжак ичӧтсор вӧлин* 'пиджак маловат был'; *гӧрдыдсор* 'красноватый'; *чӧскыдсор* 'сладковатый'; *ичӧтсора* 'маловатый'; *куз'сора* 'длинноватый'.

Данный способ выражения степени неполноты качества нехарактерен для других коми диалектов и, вероятно, является инновацией верхнекамского наречия. Однако отмеченные модеративные формы обнаруживают сходство с широкоупотребительными в коми (пермяцких и зырянских) диалектах формами, такими как *лӧз сора* 'с примесью синего (цвета)', *гӧрд сора* 'с примесью красного (цвета)', *уль сора* 'с примесью сырого', *шӧвк сора* 'полушелковый', образованных от прилагательного в основной форме посредством лексемы *сора* 'примешанный, с примесью'<sup>9</sup>. Вероятно, в верхнекамском

наречии в результате процесса грамматикализации общекоми лексема *сора* 'примешанный, с примесью' перешла в разряд модеративных суффиксов.

Для наречия характерен также суффикс неполноты качества *-гӧм*: *эта мында куз'гӧм* 'вот настолько длинноватый'; *солагӧм* 'чуть пересоленный'; *ыжыдгӧм, ичӧджджыкӧс бы колӧ* 'большеватый, поменьше бы надо', *ичӧтгӧм пал'тоыс* 'пальто маловато'. Данный формант зафиксирован и в ряде зырянских диалектов, но наиболее активно функционирует в лузско-летском. Изоглосса суффикса *-гӧм// -гэм* имеет продолжение на территории удмуртских диалектов. Согласно исследованиям Д. А. Ефремова, в удмуртском языке суффикс *-гес (-гем)* наряду со своей основной компаративной функцией может выполнять и модеративную<sup>10</sup>.

Следует отметить, что общекоми (кз., кп., кя.) суффикс неполноты качества *-код'* в верхнекамском наречии не функционирует.

В коми диалектах наиболее распространенным способом выражения интенсификации является присоединение к основной форме прилагательного зависимого слова-усилителя/интенсификатора. Территориальные разновидности коми языка имеют богатый фонд специальных лексем, способных выступать в качестве интенсификаторов и выражать различные экспрессивные оценки говорящего. Они обнаруживают различия с точки зрения происхождения, территориального распространения и дистрибуции. В функции интенсификаторов могут выступать наречия образа действия и степени (*зэв* 'очень', *вывти* 'слишком', *йона* 'сильно' и др.), а также другие части речи, подвергшиеся функциональной транспозиции и десемантизации: существительные (*би* 'огонь', *ва* 'вода' и др.), прилагательные (*мича* 'красивый' и др.), числительные (*кык* 'два', *с'о* 'сто' и др.), местоимения (*сэтшиӧм* 'такой', *кутшиӧм* 'какой'), междометия (*ой-ой, ок* и др.) [8; 12, 145–149].

<sup>9</sup> См.: Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукӧр = Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000. С. 603.

<sup>10</sup> См.: Ефремов Д. А. Указ. соч. С. 11.

Наиболее распространенным способом образования формы интенсива в языке Кировских пермяков, как и в других коми-пермяцких диалектах<sup>11</sup>, является присоединение к основной форме прилагательного наречия меры и степени *öd'd'ön* 'очень': *öd'd'ön mичаöс' вөн'н'ас* 'очень красивые пояса'; *одз-джык öd'd'ön рукод'ил'нöйöс' народыс вöлинö* 'раньше народ очень рукодельным был'; *öd'd'ön важс'а пэс'н'а* 'очень старая песня'; *с'инйас с'öдöс' öd'd'ön* 'глаза очень черные'. Заметим, что усиленное слово может находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к прилагательному. Ареальными контактами и связями в прошлом объясняется функционирование данного интенсификатора и в южных коми-зырянских диалектах, верхнесысольском и лузско-летском: вс. *öd'd'ön лöс'ыдöс' кöлöкöлийаыс вöлиныс* 'очень хорошие колокола были'; лл. *Мужикыс пö öдийön бас'н'итöмик* 'Муж де очень неразговорчивый' [12, 148].

Для выражения высокой, избыточной степени качества/признака в исследуемом идиоме активно используется заимствованное из русского языка наречие *сл'ишком*: *сл'ишком гöрдыд* 'слишком красный'. Собственно коми лексема *вывтi* 'слишком', широко распространенная в зырянских и пермяцких диалектах в различных фонетических модификациях, в верхнекамском наречии не зафиксирована.

Высокую степень качества качественных прилагательных могут выражать местоимения *сэтшöм/сэшöм* 'такой' и *кытшöм/кышöм* 'какой': *вөн'ыс сэшöм пас'кыд!* 'пояс такой широкий!'; *сэшöм н'ил'öг нал'имыс!* 'налим такой скользкий!'; *Öх кытшöм мича!* 'Ох, какой красивый!'. Несомненно, в таких конструкциях большую роль в выражении значения интенсивности качества играет восклицательная интонация.

Специфические слова-усилители в верхнекамском наречии немногочислен-

ны. Вероятно, под влиянием русского языка они постепенно были вытеснены из речи. Удалось зафиксировать такие интенсификаторы, как *чиг*, *ин'итки*, *дрыз*: *чиг чистöй* 'совершенно чистый'; *ин'итки выл' т'эрка вöчимö* 'совершенно новый дом построили'; *дрыз код* 'очень пьяный'.

Характер повсеместного явления для выражения интенсива в коми диалектах имеет редупликация основ прилагательного. Замечена она и в исследуемом наречии, однако встречается очень редко. При редупликации либо прилагательные сочетаются в основной форме: *суслö котöртö*, *чöскыд-чöскыд* 'сусло бежит, вкусное-вкусное', либо предшествующее прилагательное принимает показатель элатива *-ыс'*: *с'öдыс' с'öд вэс' кругом* 'черным-черно все вокруг'.

### Словообразование

В словообразовании прилагательных описываемый диалект не обнаруживает значительных отличий от других коми диалектов. Основным способом образования является суффиксальный.

Качественные производные прилагательные образуются посредством непродуктивных суффиксов *-ыд* (*ыжыд* 'большой', *с'öкыд* 'тяжелый', *гöрдыд* 'красный'), *-ыс'* (*пöрыс'* 'старый', *гырыс'* 'крупный'). Продуктивными суффиксами относительных прилагательных являются *-а*, *-тöм*, *-öс'*, *-с'а*.

Значение качественной характеристики предмета/лица выражает общекоми суффикс *-а (-йа)*: *тагйа сур* 'пиво с хмелем'; *гöрдыд цвэта плат'т'э* 'платье с красивыми цветами'; *гöрба баба* 'женщина с горбом'. В некоторых случаях данное значение может передавать падежная форма инструментала с суффиксом *-öн*: *нылочка мича плат'т'öөн* 'девочка в красивом платье'; *морт куз' гун'аöн* 'человек в длинном пальто'; *сур тагöн* 'пиво с хмелем'; *трактор чуркаöн* 'трактор с чурками'. Как правило, инструментальная форма вместо суффикса

<sup>11</sup> См.: Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 92; Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. С. 30; Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупинского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. С. 109.

-а встречается в предикативной функции: *пэстрэд'ыс эд сийа эта кыз' мый-нибуд' кл'эткайасдн, с'акдй узорйасдн* 'пестрядь ведь она в клетку, со всякими узорами'; *одзджык эд сарафанйасыс стардййасыслдн проймайасдн* вdлин 'раньше ведь сарафаны у пожилых с проймами были'. Выражение значения социативного признака свойственно также удмуртскому и коми-пермяцкому примененному инструментально как в атрибутивной, так и в предикативной позиции<sup>12</sup>.

Относительные прилагательные со значением признака по отсутствию чего-либо образуются посредством суффикса **-тdм**: *т'эркаыс мис'тdм* 'дом некрасивый'; *состdм нас'ок* 'шубка без рукавов'; *сад'тdм* 'бестолковый'; *пыдdстdм вэдра* 'ведро без дна'; *ылdстdм* 'бестолковый'; *чdстdм* 'невкусный'.

Значение обладания тем или иным признаком, качеством предмета выражают прилагательные с суффиксом **-dс'**: *л'акdс' ныр* 'испачканный нос'; *бусdс' жоож* 'пыльный пол'; *н'атdс'* 'грязный'.

Прилагательные с суффиксом **-с'а** в основном характеризуют временные признаки предметов: *важс'а пэсн'а* 'старинная песня'; *гожымс'а лун* 'летний день'; *тdлс'а работа* 'зимняя работа'; *толунс'а лун* 'вчерашний день'.

К заимствованным из русского языка относятся суффиксы **-dй, -dвdй, -овскdй**. Русские прилагательные с окончаниями **-ый, -ий, -ой** передаются формой, обозначенной суффиксом **-dй**: *кл'эвэрндй н'ан'* 'клеверный хлеб'; *крутdй чой* 'крутая гора'; *пэрмйацкdй кыл* 'пермяцкий язык'.

Высокую продуктивность в исследуемом идиоме получил суффикс **-dвdй/-овdй**. Посредством него не только передаются русские прилагательные на **-овой, -овый** (*хоровdй* 'хоровой'; *бэр'озовdй* 'березовый', *dс'инdвdй* 'осиновый'), но и образуются прилагательные от исконных лексем, чаще всего существительных, реже причастий на **-ан**.

В верхнекамском наречии суффикс **-dвdй** выражает следующие значения:

1) признак по материалу/веществу, из которого сделан предмет: *вурынdвdй л'ак* 'мяч из шерсти'; *збрdвdй кис'эл'* 'кисель из овса'; *с'удdвdй снdпйас* 'снопы ржи'; *лукdвdй грэдд* 'гнездо лука'; *тшакодdвdй пирог* 'пирог с грибами'; 2) признак, указывающий на назначение предмета: *бал'dвdй, порс'dвdй кун'ушина* 'конюшня для овец, для свиней'; *мортdвdй тропиночка* 'пешая тропинка'; *йуанdвdй ва* 'питьевая вода'; *ужаланdвdй нас'кdм* 'рабочая одежда'; *солаланdвdй тшаак* 'грибы для засолки'. Замечено оформление данным суффиксом качественного прилагательного *кыз* 'толстый': *кызdвdй бумага* 'плотная бумага'. Аналогичное явление зафиксировано в коми-пермяцких, лузско-летском диалектах, юго-восточных говорах верхневычегодского диалекта: кп. *рудdвdй* 'серый', *вил'dвdй* 'новый' [1, 171]; лл. *пdрыс'dвdй* 'старый', *рочdвdй* 'русский' [4, 58]; вв. *гdрдэвэй с'ин* 'красные глаза', *пэмидэвэй лун* 'пасмурный день' [17, 87].

Рассматриваемый формант, образующий прилагательные от исконных лексем, в различных фонетических модификациях широко распространен во всех коми-пермяцких диалектах [1, 169–172], южных зырянских – верхнесыольском [3, 98] и лузско-летском [4, 58], в юго-восточных говорах верхневычегодского диалекта (с. Нижний Воч, д. Верхний Воч, д. Дзель) [17, 88].

### Заключение

Исследование позволяет резюмировать, что на формирование грамматических и словообразовательных особенностей прилагательного в рассматриваемом идиоме значительное воздействие оказал русский язык. Под его влиянием в верхнекамском наречии возникли случаи нарушения исконного порядка слов и конгруэнции постпозитивного прилагательного с определяемым словом в определительных конструкциях; был вытеснен исконный способ образования интенсива посредством частицы *мэдс'а* и приставки *мэд-*; получил высокую продуктивность

<sup>12</sup> См.: Некрасова Г. А. Категория падежа в пермских языках: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2021. С. 320.

займствованный словообразовательный суффикс *-õvõï*. В то же время зафиксированы морфологические особенности, характерные в ареале коми диалектов лишь для исследуемого идиома, например выражение значения неполноты качества суффиксом *-cop/-cора*.

## УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- вс. — верхнесысольский диалект коми языка  
 кз. — коми-зырянский язык  
 кл. — коми-пермяцкий язык  
 кя. — коми-язвинское наречие коми-пермяцкого языка  
 лл. — лузско-летский диалект коми языка  
 удм. — удмуртский язык

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Ефремов Д. А. Имя прилагательное в удмуртском языке. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. 122 с.
- Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
- Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка / отв. ред. Г. Г. Бараксанов. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту: [Б. и.], 1997. 224 с.
- Лудыкова В. М. Адъективные определения в агглютинативных языках (на материале коми языка): моногр. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2008. 179 с.
- Лудыкова В. М. Имя прилагательное в синтаксисе агглютинативных языков: функционально-коммуникативный аспект: моногр. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2010. 292 с.
- Лудыкова В. М. Интенсификация качества прилагательных в диалектах коми языка // Вопросы коми диалектологии. Сыктывкар, 2004. С. 54–66. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 65).
- Лудыкова В. М. Категория степеней сравнения прилагательного в коми языке // Пути развития пермских языков: история и современность: сб. ст. Сыктывкар, 2014. С. 86–99.
- Лудыкова В. М. Проблема выделения категории степеней качества прилагательных в финно-угорских языках // Вопросы коми филологии: сб. науч. тр. Сыктывкар, 2008. С. 19–31.
- Нечаев Г. Характеристика зюдинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. Вып. 1. С. 7–27.
- Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2014. 271 с.
- Сажина С. А. Послелого в языке кировских пермяков // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 3. С. 474–484. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-474-484.
- Сажина С. А. Реализация грамматических категорий глагола в языке кировских пермяков // Linguistica Uralica. 2018. Т. 54, № 1. С. 40–52. DOI: 10.3176/lu.2018.1.04.
- Сажина С. А. Указательные местоимения в языке кировских пермяков // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 68–76. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.068-076.
- Сажина С. А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 2. С. 40–48. URL: [http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/sazhina\\_s.\\_a.\\_40\\_48\\_2\\_12\\_2016.pdf](http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/sazhina_s._a._40_48_2_12_2016.pdf) (дата обращения: 22.09.2021).
- Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. 252 с.
- Федосеева Е. Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 октября 2008 г., г. Чебоксары). Чебоксары, 2008. С. 188–192.
- Федосеева Е. Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XII Междунар. симп. (21–22 окт. 2008 г., г. Ижевск). Ижевск, 2008. С. 338–342.
- Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майгинской; предисл. Б. А. Серебренникова. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- О́ня коми кыв. Морфология / под общ. ред. Г. В. Федюновой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 544 с.

Поступила 23.12.2021; одобрена 05.03.2022; принята 22.06.2022.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**С. А. Сажина** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, [sazinas@rambler.ru](mailto:sazinas@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4902-6415>



# Adjectives in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language

Svetlana A. Sazhina

*Institute of Language, Literature and History,  
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Syktyvkar, Russia*

**Introduction.** The paper deals with the description of grammatical and word-formation features of the adjectives in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language. The purpose of the study is to characterize the syntactic relations of an adjective with a defined word; linguistic analysis of grammatical categories of an adjective: consideration of the formation and distribution of members of grammatical categories of degrees of comparison and degrees of quality; identification of features of word formation.

**Materials and Methods.** The study is based on the analysis of linguistic audio materials collected and recorded on digital media during several dialectological expeditions with the participation of the author to the area of residence of the Kirov Permians in the period from 2002 to 2012. Descriptive and comparative methods were used in writing the article.

**Results and Discussion.** Based on the field material, the paper studies the grammatical and derivational features of the adjectives in the Upper Kama dialect of the Komi-Permian language. In particular, the functioning of this part of speech as a definition and nominal predicate is considered; cases of adjective congruence in adjective and predicative functions are described; the grammatical categories of degrees of comparison and degrees of quality are characterized, the main word building suffixes are presented.

**Conclusion.** The study revealed a significant influence of the Russian language on the formation of attributive syntactic constructions and grammatical forms of the adjective. The specific morphological features characteristic in the Komi dialect area only for the studied idiom are recorded.

**Keywords:** Komi language, Komi-Permian language, Upper-Kama dialect, Kirov Permians, dialectology, morphology, adjective

**Acknowledgments:** The publication is prepared as part of the implementation of the state assignment of the Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", the state registration number of the project is IYALI FUUU-2021-0008 "The Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals".

**For citation:** Sazhina SA. Adjectives in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2022;14;3:284–292. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.284-292.

## REFERENCES

1. Batalova RM. Komi-Permyak dialectology. Moscow; 1975. (In Russ.)
2. Efremov DA. Adjective in the Udmurt language. Izhevsk; 2009. (In Russ.)
3. Zhilina TI. Upper Sysola dialect of the Komi language. Moscow; 1975. (In Russ.)
4. Zhilina TI. Luza-Letka dialect of the Komi language. Moscow; 1985. (In Russ.)
5. Karpova LL. Phonetics and morphology of the Middle Cheptsá dialect of the Udmurt language. Tartu; 1997. (In Russ.)
6. Ludykova VM. Adjective attributive in agglutinative languages (based on the Komi language). Monograph. Syktyvkar; 2008. (In Russ.)
7. Ludykova VM. Adjective in the syntax of agglutinative languages: functional and communicative aspect. Monograph. Syktyvkar; 2010. (In Russ.)
8. Ludykova VM. Intensification of the quality of adjectives in the dialects of the Komi language. *Voprosy komi dialektologii = Issues of Komi dialectology*. Syktyvkar; 2004;65:54–66. (In Russ.)
9. Ludykova VM. Category of degrees of comparison of an adjective in the Komi language *Puti razvitiia permskikh iazykov: istoriia i sovremennost': sb. st. = Ways of development of Permian languages: history and modernity*. Collection of articles. Syktyvkar; 2014:86–99. (In Russ.)
10. Ludykova VM. The problem of identifying the category of degrees of quality of adjectives in the Finno-Ugric languages. *Voprosy*

- komi filologii: sb. nauch. tr.* = Questions of Komi Philology. Collection of scientific papers. Syktyvkar; 2008:19–31. (In Russ.)
11. Nechaev G. Characteristics of the Zyuzda dialect of the Komi language. *Sbornik komissii po sobiraniuu slovaria i izucheniiu dialektov komi iazyka* = Collection of the commission for collecting a dictionary and studying the dialects of the Komi language. Syktyvkar; 1930;1:7–27. (In Russ.)
  12. Popova RP, Sazhina SA. Phonetic and morphological features of the Komi dialects (comparative aspect of the study). Syktyvkar; 2014. (In Russ.)
  13. Sazhina SA. Postpositions in the language of the Kirov Permyaks. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2019;9;3:474–484. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-474-484.
  14. Sazhina SA. Implementation of the grammar categories of the verb in the language of the Kirov Permians. *Linguistica Uralica*. 2018;54;1:40–52. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2018.1.04.
  15. Sazhina SA. Demonstrative pronouns in the language of the Kirov Permians. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;2:68–76. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.068-076.
  16. Sazhina SA. Phonetic and morphological markers of the language of the Kirov Permians. *Tomskii zhurnal lingvisti-cheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* = Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2016;2:40–48. URL: [http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/sazhina\\_s.\\_a.\\_40\\_48\\_2\\_12\\_2016.pdf](http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/sazhina_s._a._40_48_2_12_2016.pdf) (accessed 22.09.2021).
  17. Sorvacheva VA, Sakharova MA, Guliaev ES. Upper Vychegda dialect of Komi language. Syktyvkar; 1966. (In Russ.)
  18. Fedoseeva EN. Lexical borrowings in the vocabulary of the Upper Kama Komi language. *Ashmarinskii chteniia: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (15–16 oktiabria 2008 g., g. Cheboksary)* = Ashmarin Readings. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (October 15–16, 2008, Cheboksary). Cheboksary; 2008:188–192. (In Russ.)
  19. Fedoseeva EN. Lexical features of the language of the Kirov Permians. *Permistika XII: Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami: materialy XII Mezhdunar. simp. (21–22 okt. 2008 g., g. Izhevsk)* = Permistics XII: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages. Proceedings of the XII International symposium (October 21–22, 2008, Izhevsk). Izhevsk; 2008:338–342. (In Russ.)
  20. Khaidu P. Uralic languages and peoples. Moscow; 1985. (In Russ.)
  21. Modern Komi language. Morphology. Syktyvkar; 2000. (In Komi)

Submitted 23.12.2021; reviewing 05.03.2022; accepted 22.06.2022.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**S. A. Sazhina** – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, [sazinas@rambler.ru](mailto:sazinas@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4902-6415>



## Школа в социокультурном и этнокультурном пространстве села (на примере школы с. Новые Верхиссы Инсарского района Мордовии в 1920–1980-е гг.)

Ольга Владимировна Кошина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,  
Саранск, Россия*

**Введение.** Актуальность темы обусловлена сложностью протекания современных образовательных процессов в условиях трансформации социокультурных и этнокультурных реалий. Сегодня школа как социальный институт ищет новые механизмы обучения, воспитания и социализации в динамично развивающемся информационном, социальном и этнокультурном пространстве.

**Материалы и методы.** Источниками для исследования послужили как неопубликованные материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия, так и опубликованные документы, в частности законодательные акты советской власти в сфере образования. Теоретической стратегией исследования стал социокультурный подход к истории школьного образования, микрообразовательные явления рассматривались на фоне макрообразовательных процессов. Школа изучалась как социальный институт. Антропологический ракурс исследования помог раскрыть особенности стратегий поведения и взаимоотношений конкретных людей в образовательной среде. Анализ осуществлялся в рамках «истории повседневности», в контексте «психологической реальности прошлого».

**Результаты исследования и их обсуждение.** Исследование показало, что особенности школьной жизни определялись социокультурными и этнокультурными реалиями эпохи: официальной идеологией, традиционной системой ценностей и взаимоотношений людей в полиэтничной среде. Школа была одним из важных социальных институтов, в котором осуществлялась преемственность поколений и проявлялась социальная солидарность.

**Заключение.** Советская школа была одним из ключевых институтов социокультурной и этнокультурной системы. Она способствовала социализации детей, сохраняла традиции трудового воспитания, семейный тип взаимоотношений между учениками и педагогами, преемственность поколений и национальные традиции.

**Ключевые слова:** школа, учитель, библиотека, социальный институт, ценности, идеология, авторитет, трудовое воспитание, социокультурный подход, национальные традиции

**Для цитирования:** Кошина О. В. Школа в социокультурном и этнокультурном пространстве села (на примере школы с. Новые Верхиссы Инсарского района Мордовии в 1920–1980-е гг.) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 293–303. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.293-303.

### Введение

Актуальность темы обусловлена неоднозначностью протекания современных образовательных процессов в условиях трансформации социокультурных и этнокультурных реалий. Школа как социальный институт ищет новые механизмы обучения, воспитания и социализации в динамично развивающемся информационном, социальном и этнокультурном пространстве. Небезынтересен опыт советской сельской школы, которая являлась

средством трансляции норм и ценностей, установок и представлений участников социокультурной системы и местом межнациональной коммуникации.

### Обзор литературы

Историографическую базу исследования составили сочинения по истории образования и педагогической мысли в СССР Л. Б. Бущика [3], Н. А. Константинова, Е. Н. Медынского, В. Г. Пряниковой,

В. Г. Торосян<sup>1</sup> и др. В монографии «Советская школа в 1950–1960-е годы» Г. М. Иванова рассматривает образовательную политику СССР и проблему «ученик и учитель в школе и дома» в контексте социальной истории [5]. В. А. Ракуновым раскрываются особенности становления общеобразовательной школы в СССР в 1920–1930-е гг. на основе законодательных документов советской власти [13]. Д. В. Колыхалов изучает этапы введения всеобщего обязательного начального обучения в Советской России в 1923–1941 гг. [7]. О. М. Тамбовский анализирует противоречивый путь развития советской школы: «от надежд и утопических мечтаний первых послереволюционных дней через экспериментаторство 1920-х гг. к восстановлению академических начал в 1930–1960-е гг.» [16, 339]. Е. Ю. Быкова раскрыла организационные и идеологические аспекты реформирования системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг. [4]. И. И. Логвинов проанализировал современные психолого-педагогические проблемы в контексте истории российской школы [10].

В анализе региональных аспектов развития школьного образования были полезны исследования по истории образования в Мордовии Г. А. Куршевой и Р. А. Шепелева [8; 17].

В работах названных выше исследователей не раскрыт полностью вопрос о роли школы в социокультурном и этнокультурном пространстве села, что и определило цель настоящей статьи. Задачами работы стали анализ роли школы в трансляции официальной идеологии; исследование ее места в поддержании социальной солидарности и преемственности поколений; изучение функций школы в сохранении родного языка и традиций, семейных ценностей и трудовой этики.

Источниками для исследования послужили как неопубликованные материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия (Ф. р-139 «Протоколы заседаний исполкома сельсовета с. Новые Верхиссы»; Ф. р-1988 «Фонд Инсарского РОНО»), так и опубликованные документы, в частности законодательные акты советской власти в сфере образования<sup>2</sup>.

Ценная информация об истории нововерххиссенской школы (фотографии учителей, учеников, фото здания школы; приказы по школе; протоколы заседаний педсовета) получена из музея МБОУ «Нововерххиссенская средняя общеобразовательная школа». Атмосферу времени, особенности взаимоотношений учителей и учеников, подробности повседневной школьной жизни в 1920–1980-е гг. помогли реконструировать воспоминания жителей села, записанные авторами коллективной монографии «Село Новые Верхиссы: 300 лет в истории России» в ходе полевых исследований в 2019 г. [15].

Теоретическую базу исследования составил социокультурный подход к истории образования. Сформировать его помогли монографии и статьи по социокультурной динамике [1; 6] и по «истории повседневности» [2; 9; 11; 12; 14]. В русле данного подхода школа выступает социальным институтом, который играет ключевую роль в социализации детей, служит инструментом формирования ценностных установок, площадкой межнационального взаимодействия.

Образовательные явления в конкретной сельской школе рассматривались на фоне образовательных процессов в стране в целом. С помощью полевых исследований (опрос 2019 г. жителей и уроженцев Новых

<sup>1</sup> См.: Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики: учеб. для студентов пед. ин-тов. М., 1982; Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. М., 1952; Народное образование в СССР / под ред. М. А. Прокофьева и др. М., 1967. URL: <http://www.detskiysad.ru/ped/narod.html>; Пряникова В. Г. История образования и педагогической мысли. М., 1995; Торосян В. Г. История образования и педагогической мысли. М., 2003.

<sup>2</sup> См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения: Вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний ЦК и ЦКК ВКП(б) / сост. А. Я. Подземский. 3-е изд., пересм. и доп. М.: Л., 1931; Комсомол Мордовии в документах и материалах: 1918–1991 гг. / Н. М. Арсентьев, Г. И. Григорьева, Н. Н. Терешина и др.; под ред. чл.-корр. РАН Н. М. Арсентьева. Саранск, 2018; Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: сб. док. 1917–1973 гг. М., 1974; Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. М., [1919]–1920.

Верхисс о школе) был осуществлен анализ в рамках «истории повседневности» в контексте «психологической реальности прошлого».

Антропологический ракурс исследования позволил глубже проникнуть в систему отношений между субъектами образования, раскрыть особенности стратегии поведения конкретных людей в рамках образовательной парадигмы, представить человека в качестве главного участника, творца и потребителя системы образования.

### Результаты исследования и их обсуждение

Согласно архивным документам, уже в 1895 г. в мокшанском селе Новые Верхиссы в церковной сторожке работала церковно-приходская школа. Однако датой официального открытия школы назван 1910 г.<sup>3</sup> К этому времени было построено специальное деревянное здание для школы и она была отделена от церкви.

Советская власть с первых лет существования прилагала усилия к развитию массового школьного образования. Положение о единой трудовой школе РСФСР 1918 г. вводило девятилетнюю школу двух ступеней: первая ступень – для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс обучения), вторая – для детей от 13 до 17 лет (4-летний курс обучения)<sup>4</sup>. По данным за 1925 г., «в селе Новые Верхиссы работает школа первой ступени, в которой учительствуют 2 женщины: русская и мордовка»<sup>5</sup>.

Положение о единой трудовой школе подтвердило ранее принятые декреты о совместном обучении, бесплатной светской школе и провозглашало всеобщее обязательное обучение. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» обязывал все население от 8 до 50 лет обучаться грамоте на родном или русском языке<sup>6</sup>.

В 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении»<sup>7</sup>. Оно вводилось для детей 8–10 лет в объеме 4 классов. Из отчетов школ Инсарского района за 1934 г. известно, что в школе первой ступени в Новых Верхиссах учились дети с 1 по 4 класс. Школа имела два здания: специализированное и приспособленное. Школьная библиотека насчитывала 720 книг. Октябрят, пионеров, комсомольцев в школе не было. Преподавание велось на мокшанском языке<sup>8</sup>.

В 1920–1930-е гг. национальная политика Советского государства была направлена на сохранение и развитие национальных традиций, языка и культуры народов СССР. С 1924 г. массовыми тиражами стали издаваться учебники для мордовских, марийских, татарских и чувашских школ [8, 4]. С образованием в 1934 г. Мордовской АССР в селах с мордовским населением вводилось обучение на родном языке.

В 1934 г. в нововерхиссенской школе обучалось 123 ребенка. За год из стен учебного заведения выбыли 19 чел., на второй год остался 21 чел. Бюджет школы составлял 8 362,5 руб., в том числе 70 руб. собственных средств (от мастерской и хозяйства). Имелось оборудование на сумму 15 руб. На питание учащихся тратилось 70 руб. На заработную плату учителей уходило 5 612,5 руб.<sup>9</sup>

Школа в Новых Верхиссах иллюстрирует типичные проблемы сельской школы 1930-х гг. Выбывшие и оставшиеся на второй год ученики составляли почти треть всего состава обучающихся. Трудности сельского быта, необходимость помогать родителям по хозяйству и уходу за младшими детьми снижали успеваемость и вынуждали многих детей оставлять школу. Наличие мастерской и собственного хозяйства – тоже обычное явление для сельского учебного заведения в эти годы. Дети с ранних лет приучались к труду, а школа имела

<sup>3</sup> ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. р-139. Оп. 1. Д. 4. Л. 108 об.

<sup>4</sup> См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 148.

<sup>5</sup> ЦГА РМ. Ф. р-139. Оп. 1. Д. 4. Л. 108 об.

<sup>6</sup> См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 150.

<sup>7</sup> Там же. С. 304.

<sup>8</sup> ЦГА РМ. Ф. р-1988. Оп. 1. Д. 78. Л. 104 об. – 105.

<sup>9</sup> Там же. Л. 105 об.

возможность получать небольшой доход от реализации произведенного в мастерской и в собственном хозяйстве. Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 13 июля 1936 г. сельским школам выделялись пришкольные участки для проведения практических занятий, экскурсий и ботанических опытов<sup>10</sup>.

В 1935 г. население Новых Верхисс составляло 1 560 чел. (280 дворов). Школа была прикреплена к колхозу. В колхозном амбаре для нее лежали: овес – 2 пуда 32 фунта, просо – 2 пуда 32 фунта, пшено, соль, лук и растительное масло<sup>11</sup>. В то время в школе работали 6 учителей: мужчин и женщин поровну. Трое педагогов имели среднее педагогическое образование, двое проработали в школе более 10 лет. Мордвы было большинство – 5 чел., русских – 1; крестьян – 5, прочих – 1. Ударников, членов ВКП(б), ВЛКСМ среди учителей не было. Библиотека располагала 1 136 учебниками и 130 книгами для чтения. Педагогическая библиотека содержала 25 книг на русском языке, детская – 48 на мокшанском и 21 на русском языке<sup>12</sup>.

Преподавание в школе велось на мокшанском языке. 212 учеников с трудом размещались в трех классных комнатах, поэтому 2 и 3 классы учились во вторую смену. Все дети получали горячие завтраки. В школе в эти годы не было ни рекреационного зала, ни учительской, ни раздевалки. На два школьных здания приходились 6 печей, погреб и конюшня площадью 4 кв. м. При школе имелся земельный участок в 2 га, но сельскохозяйственного инвентаря и скота не было<sup>13</sup>.

В акте обследования Нововерхиссенской школы за 1935 г. приводятся такие данные: «Детей колхозников – 141 человек, детей единоличников – 71. Комсомольцев и октябрят нет, пионеров – 42 человека. Ударников учебы – 10, второгодников – 10 человек». Членами Общества содействия обороне были 25 чел., ячейки МОПР (Мордовское общество помощи

рабочим) – 22; физкультурного кружка – 28 чел.<sup>14</sup>

Из документов следует, что в селе не завершилась коллективизация: треть детей были из семей единоличников. Сократилось число второгодников. Школа стала проводником официальной идеологии через общественно-политические организации. В 1936 г. она получила статус государственной начальной школы.

В первый послевоенный 1946 г. в школу отправилось всего 43 ребенка. С 1 по 4 класс насчитывалось 5 классов-комплектов. В 1953/54 учебном году их было уже 12. На примере конкретной школы можно видеть рост количества учеников в результате подъема рождаемости в послевоенный период.

В начале 1950-х гг. в Новых Верхиссах произошло важное событие, во многом определившее будущее села и судьбы многих его уроженцев: открылась 10-летняя средняя школа, для которой было построено новое деревянное здание. Для сельской местности того времени это было не рядовое событие. Во всем Инсарском районе школы-десятилетки были только в четырех селах.

Выписка из протокола № 23 от 23 июня 1952 г. заседания исполкома Инсарского районного Совета депутатов трудящихся МАССР сообщает: «В связи с тем, что новое здание Староверхиссенской средней школы строится в селе Новые Верхиссы Нововерхиссенского сельсовета, Исполком просит Совет Министров МАССР переименовать Староверхиссенскую среднюю школу в Нововерхиссенскую среднюю. На месте прежней дислокации Староверхиссенской средней школы в селе Старые Верхиссы открыть семилетнюю школу». Первым директором новой 10-летней школы стал Павел Павлович Дербеднев<sup>15</sup>.

Обстоятельства строительства новой школы отражают «психологическую реальность прошлого»: атмосферу, настроения и ценности сельских жителей послевоен-

<sup>10</sup> См.: Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа. С. 422.

<sup>11</sup> ЦГА РМ. Ф. р-1988. Оп. 1. Д. 27.

<sup>12</sup> Там же. Д. 78. 1934. Л. 106.

<sup>13</sup> Там же. Д. 27. 1935.

<sup>14</sup> Там же. Д. 30. Л. 119–121.

<sup>15</sup> Материалы музея МБОУ «Нововерхиссенская средняя общеобразовательная школа».

ной поры. По масштабам того времени это была огромная стройка. Строительный лес на быках приходилось возить за 20–30 км. Наравне с мужчинами упрямыми животными управляли женщины и девушки. Каждый житель села оказывал посильную помощь. Дети носили землю в подпол для утепления здания<sup>16</sup>.

1 сентября 1953 г. нововерхиссенская школа распахнула двери перед 274 учениками. Это были дети не только из Новых Верхисс, но и из множества ближайших сел, таких как Старые Верхиссы, Кашаево, Новлей, Яндовище, Усыкино, Тумола, Липлейка, Васина Поляна, Сиалеевская Пятина, Языкова Пятина, Нижняя Вязера, Выселки, Семеновка, Шадымо-Рыскино, Новый и Старый Трехсвятск, Губарево. Учащиеся говорили на трех языках: русском, мокшанском и татарском. Школа стала местом межкультурной коммуникации.

Выпускница нововерхиссенской школы Елена Дмитриевна Кирдянкина вспоминает: «Мы были поражены красотой школы: потолок белый “как во дворце”, свежие бревна, чистота. В одном классе учились не только одноклассники: многие были постарше, поскольку вынуждены были бросить школу в годы войны. Время было тяжелое: у кого лаптей нет, у кого портянок, одежды не хватало. Часто в семье на несколько человек была одна фуфайка, ее по очереди надевали, чтобы пойти в школу»<sup>17</sup>. Коренная нововерхиссенка Вера Федоровна Фирстова рассказывает, как после случившегося у нее в школе «замора» (обморока) директор Николай Матвеевич Волгаев стал покупать ей гематоген для поддержания сил<sup>18</sup>. Эти жизненные истории сельчан свидетельствуют о наличии социальной солидарности в 1950–1960-е гг., о семейном типе отношений между педагогами и учениками.

Трудности деревенского быта формировали специфику школьной жизни в селе. Чернильницы и ручки с перьями дети

оставляли в классе, чтобы не потерять. Во время половодья на две-три недели пойма Иссы превращалась в море. Дети из соседних сел подолгу жили в Новых Верхиссах на квартирах, потому что не могли добраться домой. В протоколах педагогического совета в начале 1970-х гг. можно встретить такую запись: «Родительское собрание не провели с родителями нашего куста. Они отрезаны половодьем. В целях безопасности детей во время половодья создать спасательную команду из учителей»<sup>19</sup>.

В 1948 г. для советской школы была разработана и в 1949 г. введена единая школьная форма на основе дореволюционного гимназического платья. Мальчики должны были носить синие гимнастерки, брюки и фуражки, девочки – классические коричневые платья с черным и белым фартуками. Обязательным атрибутом стали комсомольские значки и пионерские галстуки. Однако, как вспоминают нововерхиссенцы (дети послевоенной поры), в сельской местности в эти трудные годы школьной формы не было, ученики ходили в повседневной одежде. У девочек не было бантов, они заплетали косы и укладывали на голове «в корзиночку». Пионерские галстуки тоже были далеко не у всех, их сложно было купить даже в городе<sup>20</sup>.

Школьные документы сохранили сведения о порядках в сельской школе: «Уход за лошадей возложить на завхоза Кечкина Степана Владимировича и сторожа Ломачкина Игната Степановича. Топить печи с 15 октября». Уборщицы ежедневно грели в печи воду для мытья полов и заправляли керосином лампы. Санэпидемстанция, проверявшая школу в 1971 г., обнаружила «разбитое стекло, отсутствие умывальника и тазов для мытья стаканов. Мальчики не подстрижены. Во время уборки картофеля посещаемость в школе плохая. Дети не раздеваются в школе. В школе холодно. Галстуки не носят или мнут в кармане»<sup>21</sup>.

<sup>16</sup> Полевые материалы автора (далее – ПМА). Воспоминания Е. Д. Кирдянкиной.

<sup>17</sup> ПМА. Воспоминания Е. Д. Кирдянкиной.

<sup>18</sup> ПМА. Воспоминания В. Ф. Фирстовой.

<sup>19</sup> Протокол заседаний педсовета № 6 от 26 марта 1971 г. // Материалы музея МБОУ «Нововерхиссенская средняя общеобразовательная школа».

<sup>20</sup> ПМА. Воспоминания Е. Д. Кирдянкиной.

<sup>21</sup> Приказ по школе № 13 от 4 сентября 1971 г. // Материалы музея МБОУ «Нововерхиссенская средняя общеобразовательная школа».

Одной из приоритетных задач советской школы было трудовое воспитание. Сельский уклад жизни делал трудовое воспитание не просто лозунгом или формальностью. Оно было суровой необходимостью сельского быта и органично вплеталось в традиции села. Детей в Новых Верхиссах приучали к самообслуживанию: старшеклассники сами мыли полы<sup>22</sup>. На огороде при школе дети с учителями сажали репу, лук, просо, картофель, цветы. В составе трудовых бригад школьники выращивали кукурузу, наравне со взрослыми участвовали в социалистическом соревновании<sup>23</sup>. В 1964 г. школьный учебно-опытный участок составлял 0,5 га. На закреплённой за школой колхозной земле (5 га) ежегодно сеяли овес (2 га), картофель (2 га). Ученическая бригада при колхозе состояла из 80 чел.<sup>24</sup> Помощь хозяйству оказывали все дети начиная с 4 класса. За школой были закреплены 100 цыплят, классы делились на звенья, и каждое звено по очереди ухаживало за птицей<sup>25</sup>.

В 1958 г. по закону «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» был увеличен срок обязательного обучения с семи до восьми лет<sup>26</sup>. Реформа предполагала слияние общего и профессионального образования. Дважды в неделю школьники должны были работать в учебных мастерских, на заводах, фабриках, в колхозах и в итоге вместе с аттестатом зрелости получить свидетельство о рабочей квалификации. В начале 1960-х гг. средняя общеобразовательная школа с. Новые Верхиссы стала трудовой политехнической школой с производственным обучением, готовившей полеводов-механизаторов.

Многие исследователи советского образования полагают, что реформа 1958 г. не оправдала себя: школа и общество не были готовы к первичной профессиональной подготовке учащихся. В 1964–1966 гг.

произошел возврат к прежней системе обучения, трудовое обучение ограничилось уроками труда. Однако в сельской местности трудовое воспитание продолжало занимать одно из главных мест в школьном образовании. Тесная связь школы с производственными нуждами колхоза сохранялась и в 1970-е гг. В Новых Верхиссах школьники и учителя привлекались к заготовке веточного корма. Приказ № 13 от 2 июля 1971 г. по школе гласил: «На основе приказов райкома КПСС, райкома комсомола и Инсарского РОНО заготовить 40 тонн веточного корма. Нормы заготовок: учителям-женщинам – по 2 тонны, учителям-мужчинам – по 2,5 тонны; ученикам 3–5 классов – по 200 кг; ученикам 6–7 классов – по 400 кг; ученикам 8–9 классов – по 600 кг»<sup>27</sup>.

Школа в советские годы была центром социокультурной жизни села, местом досуга сельчан и развития детей. Уроженцы села вспоминают, как в школе по праздникам в голодные послевоенные годы проводились вечера, в которых участвовали не только дети, но и все колхозники. Учителя, старшеклассники, сельская молодежь танцевали допоздна. Когда в 1960-е гг. в селе был построен клуб, оказалось, что он стоит слишком далеко, и по привычке молодежь устраивала танцы в школе.

Дети 1950-х гг. вспоминают, как на переменах всем классом пели мокшанские, русские народные, советские песни, причем они делали это не с подачи учителя – им нравилось так проводить время между уроками. Практически весь день дети находились в школе, поскольку родители трудились в колхозе. Работала группа продленного дня. В районе был хорошо известен школьный хор Новых Верхисс, он занимал второе место после Инсарского, хотя готовились в эти годы к выступлениям без музыки (в школе не было музыкального инструмента).

<sup>22</sup> ЦГА РМ. Ф. р-1988. Оп. 1. Д. 78. Л. 105 об.

<sup>23</sup> См.: Комсомол Мордовии в документах и материалах. С. 117.

<sup>24</sup> ЦГА РМ. Ф. р-1988. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.

<sup>25</sup> Приказ № 12 по Нововерхиссенской школе от 22 мая 1959 г. // Материалы музея МБОУ «Нововерхиссенская средняя общеобразовательная школа».

<sup>26</sup> См.: Народное образование в СССР / под ред. М. А. Прокофьева и др.

<sup>27</sup> Приказ № 13 по Нововерхиссенской школе от 2 июля 1971 г. // Материалы музея МБОУ «Нововерхиссенская средняя общеобразовательная школа».

На поле у реки дети и подростки играли в футбол. Ездили на велосипедах или ходили пешком на товарищеские матчи в соседние села. За победу в одном таком матче футбольная команда Новых Верхисс получила премию и перечислила ее в Фонд мира (в помощь воюющему Вьетнаму) [15, 171].

В послевоенные годы в школе не было спортзала, физкультура проводилась в широких коридорах школы, а в теплое время года – на улице. Молодая увлеченная своим делом учительница физкультуры организовала кружок гимнастики, в котором занимались 7 девочек. В Новых Верхиссах под руководством учителя дети выполняли акробатические номера, строили «пирамиды» и «живые фигуры», как на парадах физкультурников 1950-х гг.

В школьной библиотеке были книги и на русском, и на мокшанском языке. В середине 1970-х гг. она содержала 5 400 книг, из них 1 320 учебников<sup>28</sup>. Просветительная миссия советской школы не ограничивалась передачей базовых знаний фундаментальных наук. В 1950–1980-е гг. в нововерхиссенской школе работали многочисленные кружки: машиноведения и электротехники; животноводства и обучения работе на тракторе; фотографии; «Умелые руки»; хоровой; драматический; автомобильный; химический; стрелковый; математический; «Юный физик»; «Юный техник»; литературный; физкультурный; краеведческий; внеклассного чтения; танцевальный<sup>29</sup>. В середине 1960-х гг. была создана мастерская по деревообработке и по металлу на 20 чел. с токарным, сверлильным, фуговальным станками<sup>30</sup>. В 1970–1980-е гг. появились киноаппарат, ламповый радиоприемник, две швейные машинки, телевизор и магнитофон<sup>31</sup>.

Кружки восполняли недостаток культурно-просветительных учреждений в сельской местности. Педагоги не только передавали детям знания и навыки, но и делились своим социальным опытом, рас-

ширяли кругозор детей, являлись трансляторами культуры и просвещения. Многие учителя в Новых Верхиссах были молодыми, в село приезжали по распределению, они искренне дружили с детьми, катались вместе с ними на лыжах, к праздникам сами шили костюмы.

Из приведенных ниже воспоминаний выпускников видно, что школа была одним из важных социальных институтов, в котором осуществлялась преемственность поколений и проявлялась социальная солидарность. Физрук ветеран Иван Тимофеевич часто рассказывал ребятам о войне. Учительница начальных классов Анна Ивановна Парваткина, красивая интеллигентная женщина из семьи священника, жила в квартире при начальной школе с мамой и тремя детьми. Мама Анны Ивановны на машинке «Зингер» обшивала не только своих внуков, но и многих детей из школы<sup>32</sup>. Агафья Федоровна Базаева, тоже преподававшая в начальной школе, угощала учеников пирогами и невиданными фруктами – апельсинами, которые ей из города привозил сын. Физик Николай Александрович Кижаяев учил ребят пользоваться кинопроектором, знакомил с тонкостями фотографии<sup>33</sup>.

Между педагогами и учениками складывался семейный тип отношений, лишенный формализма. Однако при этом беспрекословно соблюдалась субординация, авторитет учителей был непререкаем, к ним относились с особым уважением и даже пиететом.

В 1970-е гг. в Новых Верхиссах работал «консультпункт» – вечерняя школа для 9, 10 и 11 классов. Там обучалась молодежь от 16 до 30 лет без 8-летнего среднего образования. Чтобы увеличить посещаемость вечерней школы, учителя нередко проводили занятия и консультации на дому ученика. Коренная нововерхиссенка Вера Федоровна Фирстова (Ларькина) вспоминает, как учителя супруги Чекаш-

<sup>28</sup> ЦГА РМ. Ф. р-1988. Оп. 2. Д. 39. Л. 18.

<sup>29</sup> Там же. Д. 74. Л. 6.

<sup>30</sup> Там же. Д. 1. Л. 7.

<sup>31</sup> Там же. Д. 74. Л. 21 об.

<sup>32</sup> ПМА. Воспоминания З. И. Акимовой.

<sup>33</sup> ПМА. Воспоминания М. П. Сайгашкиной.

кины уговаривали ее, уже замужнюю и беременную, окончить вечернюю школу<sup>34</sup>.

Школа являлась и главным средством идеологического воспитания детей и молодежи. Один из протоколов педсовета за 1966 г. содержит призыв: «Жить так, как учит моральный кодекс строителя коммунизма». Ежегодно в апреле в школе проводились мероприятия под названием «Лениниана»; организовывались вечера под знакомыми с детства старшему и среднему поколению лозунгами: «Мы делу Ленина и партии верны», «Ленин и искусство»<sup>35</sup>.

Документы школьного музея и ЦГА РМ позволили проследить динамику количества учеников нововерхиссенской школы с конца XIX в. до 1980 г.: 1895 г. – 32 чел.; 1934 – 123; 1935 – 212; 1946 – 43; 1953 – 274; 1954 – 269; 1959 – 184; 1964 – 240; 1966 – 295; 1970 – 198; 1974 – 148; 1980 г. – 111 чел. Эта динамика наглядно отражает закономерности социально-экономического развития советского села в 1920–1980-е гг.: рост количества учеников в 1930-е гг., в период борьбы за всеобщее начальное образование; сокращение числа детей в годы войны; всплеск рождаемости в послевоенные годы; «второе эхо войны» в конце 1950-х – начале 1960-х гг.; новый прирост количества учеников во второй половине 1960-х и сокращение количества детей в поздний советский период из-за оттока молодежи в город. С 1954 по 1998 г. школа с. Новые Верхиссы выпустила 961 ученика [15, 206].

### Заключение

На основе изложенного выше нарратива «повседневности» одного из сельских учебных заведений республики можно сформулировать вывод о том, что социокультурное пространство села в 1920–1980-е гг. во многом формировалось школой. Для села школа была центром культуры и просвещения, местом досуга детей и местных жителей. Школьные учителя составляли основу сельской интеллигенции. Школьная библиотека была главным источником знаний для всех сельчан. Школьные меро-

приятия были прочно вплетены в спортивную, праздничную и трудовую жизнь села.

Специфика школьной жизни, в свою очередь, во многом определялась социокультурными и этнокультурными реалиями эпохи: смыслами советской идеологии, системой ценностей и взаимодействий между людьми в полиэтничной среде. Стиль и ритм сельской жизни, хозяйственные занятия, культурные и национальные традиции оказывали влияние на жизнедеятельность сельской школы.

Место современной школы в социокультурном пространстве трансформируется. Она в большей степени становится местом получения знаний и в меньшей – местом социокультурной коммуникации, поскольку эти задачи выполняют другие социальные институты и цифровая среда. Индивидуализация личного пространства, снижение ценностей трудовой этики, сложности межпоколенной коммуникации меняют место и роль школы в социальном пространстве.

На примере истории нововерхиссенской школы в 1920–1980-е гг. было показано, что школа являлась местом трансляции норм и ценностей участников социокультурной системы. Большое место в социализации детей занимало трудовое воспитание – и как жизненная необходимость в условиях сурового сельского быта, и как часть семейной этики, и как составляющая системы ценностей советской эпохи.

Многонациональный состав населения региона определил этнокультурные особенности школьной жизни. В послевоенные годы в нововерхиссенской школе обучались дети трех национальностей: русские, мордва и татары. Школа являлась местом межнациональной коммуникации.

«Устная история», зафиксированная в воспоминаниях уроженцев с. Новые Верхиссы, дала возможность наблюдать «психологическую реальность прошлого», увидеть, как школа воспроизводила семейный тип коммуникации между учениками и учителями при сохранении субординации и авторитета педагога. Со-

<sup>34</sup> ПМА. Воспоминания В. Ф. Фирстовой (Ларькиной).

<sup>35</sup> Материалы музея МБОУ «Нововерхиссенская средняя общеобразовательная школа».

циальные нормы, которые транслировала школа, совпадали с моделями семейной жизни. Это позволяло сохранять преемственность поколений и поддерживать социальную солидарность.

Школа, с одной стороны, была продуктом социокультурных и этнокультурных реалий, а с другой – одним из важнейших социальных институтов, в которых эти реалии формировались.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). В 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 806 с.
2. Безгин В. Б. История сельской повседневности. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 88 с. URL: <https://tstu.ru/book/elib/pdf/2008/bezgin-1.pdf> (дата обращения: 06.02.2022).
3. Бушик Л. Б. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 540 с.
4. Быкова Е. Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 179–189. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000457928> (дата обращения: 06.02.2022).
5. Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд «Моск. время». 2018. 432 с.
6. Кошина О. В. К вопросу о применении социокультурного подхода к истории образования второй половины XIX – начала XX века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 27–28 сент. 2011 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 437–443.
7. Колыхалов Д. В. Введение всеобщего обязательного начального обучения в Советской России в 1923–1941 гг. // Палладиум. 2010. URL: <https://pspa.uscoz.ru/publ/3> (дата обращения: 06.02.2022).
8. Куршева Г. А. Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х – 1930-е гг. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007. 368 с.
9. Лебедева Л. В. Повседневная жизнь российской деревни в 20-е гг. XX в.: традиции и перемены. М.: РОССПЭН, 2009. 183 с.
10. Логвинов И. И. Об истории нашей школы и ее сегодняшних бедах // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2008. № 1. С. 46–64. URL: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_15113656\\_10614907.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_15113656_10614907.pdf) (дата обращения: 06.02.2022).
11. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125–132.
12. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
13. Ракунов В. А. Государственная политика в сфере школьного образования в 1920–30-х годах // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 1 (январь-февраль). URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/1/Rakunov\\_Formal\\_Education/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/1/Rakunov_Formal_Education/) (дата обращения: 06.02.2022).
14. Сенявский А. С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества: материалы Междунар. интернет-конф., проходившей 20.03–14.05.2001 на информ.-образоват. портале [www.auditorium.ru](http://www.auditorium.ru). М., 2001. С. 25–34.
15. Село Новые Верхиссы: 300 лет в истории России / З. И. Акимова, В. М. Арсентьев, Н. М. Арсентьев и [др.]; под ред. чл.-корр. РАН Н. М. Арсентьева. Саранск: Изд. Центр Ин-СтИтут, 2019. 296 с.
16. Тамбовский О. М. Опыт истории советской школы в свете необходимости создания национальной российской школы // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 338–340.
17. Шепелев Р. А. Из истории школьного образования Мордовской АССР (по материалам научно-исследовательской экспедиции Научно-исследовательского педагогического института национальностей 1935 г.) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. Т. 17, № 4. С. 43–62. DOI: 10.15507/2478-9823.040.017.201704.043-062.

Поступила 13.02.2022; одобрена 20.03.2022; принята 22.06.2022.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**О. В. Кошина** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, [koshinaolga@rambler.ru](mailto:koshinaolga@rambler.ru), <http://orcid.org/0000-0001-9558-4173>



# School in the socio-cultural space of the village (on the example of a school in the village of Novyye Verkhissy of Insarsky district of the Republic of Mordovia in 1920–1980)

**Olga V. Koshina**

*National Research Mordovia State University,  
Saransk, Russia*

**Introduction.** The relevance of this topic is due to the ambiguity of the course of modern educational processes in the context of the transformation of socio-cultural realities. The school as an educational and social institution is looking for new mechanisms of education and upbringing in a dynamically developing information, social and cultural space.

**Materials and Methods.** The sources for the study were both unpublished materials of the Central State Archive of the Republic of Mordovia and published documents, in particular, legislative acts of the Soviet government in the field of education. The theoretical strategy of the study was a sociocultural approach to the history of secondary school education, micro-educational phenomena were considered against the background of macro-educational processes. The school was studied as a social institution. The anthropological perspective of the study helped to reveal the features of behavioral strategies and relationships of specific people in the educational environment. The analysis was carried out within the framework of the "history of everyday life", in the context of the "psychological reality of the past".

**Results and Discussion.** The study showed that the features of school life were determined by the socio-cultural and ethno-cultural realities of the era: the official ideology, the traditional system of values and relationships between people in a multi-ethnic environment. The school was one of the important social institutions which carried out the continuity of generations and manifested social solidarity.

**Conclusion.** The Soviet school translated the norms and values of the socio-cultural system. It contributed to the socialization of children, preserved the traditions of the education based on values of labor, the family type of relationships between pupils and teachers, the continuity of generations and national traditions.

**Keywords:** school, teacher, library, social institution, values, education, ideology, authority, labor education, socio-cultural approach

**For citation:** Koshina OV. School in the socio-cultural space of the village (on the example of a school in the village of Novyye Verkhissy of Insarsky district of the Republic of Mordovia in 1920–1980). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;3:293–303. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.293-303.

## REFERENCES

1. Akhiezer AS. Russia: Criticism of Historical Experience: (Social and Cultural Dynamics of Russia). Novosibirsk; 1997;1. (In Russ.)
2. Bezgin VB. History of rural everyday life. Tambov; 2008. URL: <https://tstu.ru/book/elib/pdf/2008/bezgin-1.pdf> (accessed 06.02.2022). (In Russ.)
3. Bushchik LB. Essay on the development of school history education in the USSR. Moscow; 1961. (In Russ.)
4. Bykova Elu. The school system reform in the USSR in 1917–1930: organizational and ideological aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2011;1;179–189. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000457928> (accessed 06.02.2022). (In Russ.)
5. Ivanova GM. Soviet school in the 1950s–1960s. Moscow; 2018. (In Russ.)
6. Koshina OV. On the question of applying the sociocultural approach to the history of education in the second half of the XIX – early XX centuries. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniia: materialy Desiatoi iubileinoi Vseros. nauch. konf., Ekaterinburg, 27–28 sent. 2011 g.: v 2 t.* = Ural industrial. Bakunin readings. Materials of the Tenth Anniversary

- All-Russian Scientific Conference, Ekaterinburg, September 27–28, 2011. Ekaterinburg; 2011;2:437–443. (In Russ.)
7. Kolykhalov DV. The introduction of universal compulsory primary education in Soviet Russia in 1923–1941. *Palladium* = Palladium. 2010. URL: <https://pspa.ucoz.ru/publ/3> (accessed 06.02.2022). (In Russ.)
  8. Kursheva GA. Society, power and education in the conditions of modernization in the USSR: late 1920s – 1930s. Saransk; 2007. (In Russ.)
  9. Lebedeva LV. Daily life of the Russian village in the 20s. 20th century: tradition and change. Moscow; 2009. (In Russ.)
  10. Logvinov II. About the history of our school and its current troubles. *Novoe v psikhologopedagogicheskikh issledovaniiax* = New in Psychological and Pedagogical Research. 2008;1:46–64. URL: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_15113656\\_10614907.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_15113656_10614907.pdf) (accessed 06.02.2022). (In Russ.)
  11. Poliakov IuA. Man in everyday life (historical aspects). *Otechestvennaia istoriia* = National history. 2000;3:125–132. (In Russ.)
  12. Pushkareva NL. The scope and methods of the study of everyday life history. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2004;5:3–19. (In Russ.)
  13. Rakunov VA. State policy in the field of school education in the 1920s–1930s. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"* = Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill". 2011;1. URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/1/Rakunov\\_Formal\\_Education/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/1/Rakunov_Formal_Education/) (accessed 06.02.2022). (In Russ.)
  14. Seniavskii AS. Everyday life as a methodological problem of micro- and macro-historical research (on the materials of the Russian history of the XX century). *Istoriia v XXI veke: istoriko-antropologicheskii podkhod v prepodavanii i izuchenii istorii chelovechestva: materialy Mezhdunar. internet-konf., prokhodivshei 20.03–14.05.2001 na inform.-obrazovat. portale www.auditorium.ru* = History in the XXI century: a historical-anthropological approach in teaching and studying the history of mankind. Materials of the International Internet Conference, held on 20.03–14.05.2001 on the information and educational portal [www.auditorium.ru](http://www.auditorium.ru). Moscow; 2001:25–34. (In Russ.)
  15. Akimova ZI, Arsent'ev VM, Arsent'ev NM, et al. The village of Novye Verkhissy: 300 years in the history of Russia. Saransk; 2019. (In Russ.)
  16. Tambovskii OM. Experience of the Soviet school history in the light of the need creation of a national Russian school. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Scientific Notes of Orel State University. Series "Humanities and social sciences". 2015;1:338–340. (In Russ.)
  17. Shepelev RA. From the history of school education of the Mordovian ASSR (materials of the expedition of the Research Pedagogical Institute of Nationalities, 1935). *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2017;17:4:43–62. (In Russ.). DOI: 10.15507/2478-9823.040.017.201704.043-062.

Submitted 13.02.2022; reviewing 20.03.2022; accepted 22.06.2022.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**O. V. Koshina** – Candidate Sc. {History}, Associate Professor, Department of Russian History, National Research Mordovia State University, [koshinaolga@rambler.ru](mailto:koshinaolga@rambler.ru), <http://orcid.org/0000-0001-9558-4173>



## Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людиков

**Сергей Андреевич Минвалеев**

*Институт языка, литературы и истории*

*Карельского научного центра РАН,*

*Петрозаводск, Россия*

**Введение.** Автор обращается к религиозно-мифологическим представлениям о смерти одной из малоизученных этнических групп – карел-людиков. Цель исследования – выявить компоненты, из которых складывался мировоззренческий комплекс людиков, связанный с понятиями «душа», «смерть», «иной мир», включая приметы и символы.

**Материалы и методы.** Исследование основывается на архивных и полевых материалах, а также фольклорных текстах, словарях, образцах речи. Основной метод – сравнительно-исторический с применением этнолингвистического подхода.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Людики и карелы в целом кончину определяли как акт отделения души от тела (*heng lähtöu* 'душа выходит', *heng lendau* 'душа улетает'), который происходит по воле предков (*syndyd*). С воззрениями финно-угорских народов о существовании второй души-тени у людиков связан термин *iče* (в начальном значении 'тень, душа'), а также представление о «родимчике» как предсмертном заболевании. К предвестникам смерти людики относили кукушку, дятла, петуха и курицу, необычное поведение которых (удар в окно, стук в стену дома) служило приметой скоропостижной смерти члена семьи. Русским влиянием можно объяснить христианские представления о том свете – месте воссоединения человека с Богом и православных праздниках как «благоприятных» датах для умирания.

**Заключение.** Как показал комплексный сравнительно-исторический анализ источников по похоронно-поминальной обрядности карел-людиков, в представлениях данной этнической группы о смерти и загробном мире выделяются компоненты прибалтийско-финского происхождения, общие финно-угорские и собственно карельские. При этом влияние славянских представлений о смерти на людиковские в рассматриваемых материалах прослеживается слабо, несмотря на длительность контакта русских и карел-людиков.

**Ключевые слова:** карелы-людики, похоронно-поминальная обрядность, загробный мир, смерть, приметы смерти

**Благодарности:** Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 121070700119-5).

**Для цитирования:** Минвалеев С. А. Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людиков // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 304–314. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.304-314.

### Введение

Похоронно-поминальная обрядность карел основывается на комплексе древних представлений о потустороннем мире и силах, связанных со смертью, взаимопроникновении мира живых и мира мертвых, душе и ее преображении. Традиционные взгляды на смерть у разных карельских этнических групп (ливвиков, людиков и т. д.) имели специфические черты, что обосновывается историей формирования данных общностей и их этнокультурными контактами. В этом

плане интерес вызывают карелы-людики<sup>1</sup>, чья традиционная культура в работах фольклористов и этнографов долгое время не дифференцировалась и рассматривалась в рамках южнокарельской культуры. Формирование людиковской группы происходило в процессе длительного взаимодействия карельских и

<sup>1</sup> Согласно современному административному делению людики проживают в Кондопожском, Прионежском, Пряжинском и Олонецком районах Республики Карелия.

вепских племен в XI–XIV вв. Первые контакты предков людиков со славянами относятся к XIII в., а в XVIII в. на севернолудиковской территории стала развиваться металлургическая промышленность, в результате чего русское население начало стягиваться в ареал проживания карел-людиков, активно оказывая влияние на их быт и культуру. По сведениям финляндских исследователей, количество носителей лудиковского наречия к 2020 г. оценивалось в 150 чел. и оно продолжает сокращаться из года в год [21, 124]. Многие элементы обрядов и верований карел-людиков до сих пор мало изучены, поэтому исследования такого плана являются актуальными.

В настоящей статье рассматривается мировоззренческий комплекс карел-людиков, связанный с понятиями «душа», «смерть» и «иной мир», а также с приметами, предзнаменующими скорое наступление смерти. Цель исследования – определить этнические компоненты, из которых складывались религиозно-мифологические представления людиков о смерти и переходе в иной мир.

### Обзор литературы

Исследование базируется на комплексе источников, в который вошли как опубликованные работы по рассматриваемой теме, так и архивные и полевые материалы. Из литературных источников непосредственно лудиковской похоронно-поминальной обрядности касаются заметка краеведа Н. Лескова о погребальных ритуалах святозерских людиков<sup>2</sup> и статья А. П. Конкка, сфокусированная на описании лудиковских кладбищ и их типологизации [7]. Помимо этого имеются общие труды по семейным обрядам карел конца XIX – начала XX в. (работы Ю. Ю. Сурхаско [17], У. С. Конкка [9], А. П. Конкка [8] и др.), но в них, как правило, лудиковские похоронные обряды

не выделяются из общекарельского массива.

Сравнительным материалом послужили работы по похоронно-поминальной обрядности других локальных групп карел<sup>3</sup> [11; 13] и соседних народов: вепсов<sup>4</sup>, русских (и шире – славян) [1; 4; 5; 12; 19], финно-угорских народов в целом<sup>5</sup> [10; 14; 16; 18].

### Материалы и методы

В качестве основных материалов были использованы полевые отчеты и рукописи российских и финляндских исследователей, хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ) и Фольклорном архиве Финского литературного общества (SKS), а также полевые материалы различных собирателей, в том числе самого автора. Последние охватывают почти все крупные населенные пункты проживания карел-людиков: села Михайловское (Олонецкий район), Святозеро (Пряжинский район), Кончезеро, Спасская Губа (Кондопожский район). Аудиозаписи экспедиций хранятся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ФА ИЯЛИ)<sup>6</sup>.

Ключевым методом работы стало сравнительно-историческое описание изучаемых явлений с опорой на указанные выше источники. Основная стратегия сравнительно-исторического анализа обращена на выявление сходных и отличительных черт некрокультуры карел-людиков и соседних народов (русских, вепсов) и других этнических групп карел Республики Карелия в определенный период, датируемый концом XIX–XX в. В исследовании применялся также этнолингвистический подход, заключавшийся в определении соотношений и связей изучаемых явлений в прибалтийско-финских языках, в частности в карельских наречиях. Для этого в качестве дополнительных источников были привле-

<sup>2</sup> См.: Лесков Н. Ф. Погребальные обряды кореляков // Живая старина. 1894. Вып. 3–4. С. 511–514.

<sup>3</sup> См.: Петров К. Похороны и поминки // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 15. С. 53–54.

<sup>4</sup> См.: Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энцикл. Петрозаводск, 2015.

<sup>5</sup> См.: Изгибаева Г. М. Похоронно-поминальные обряды марийцев Республики Башкортостан: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2018.

<sup>6</sup> Аудиофонды Фонограммархива экспедиций к карелам-людикам: № 3804–3827 (Олонецкий и Пряжинский районы Республики Карелия, 2012 г.), № 3804–3827 (Кондопожский район Республики Карелия, 2016 г.).

чены данные диалектных и этимологических словарей<sup>7</sup>, сборников фольклорных текстов<sup>8</sup> и образцов людиковской речи финляндского лингвиста П. Виртаранта<sup>9</sup>.

### Результаты исследования и их обсуждение

#### Представления карел-людиков о душе, смерти и загробном мире

В карельских, в том числе людиковских, причитаниях кончина понимается как воля предков (*syndyd*), которые призывали к себе человека [9, 36]. В них отражаются представления народа о том, что после смерти душу покойного встречают прародители (как и в свадебных причитаниях, к ним применяется эпитет «белые»): «*Vastattihgo valgedad syndyd?*» «Встретили ли тебя белые предки?»<sup>10</sup>.

Смерть у людиков обозначалась двумя синонимичными терминами прибалтийско-финского происхождения: *surt* и *kuolend* (ср.: соб. кар. *šurta*, ливв. *surmi*, вепс., эст. *surt*, вод., фин. *surma*; соб. кар. *kuolota*, ливв. *kuolendu*, вепс. *kolend*, фин. *kuolema*)<sup>11</sup>. Кончина воспринималась народом как акт отделения души от тела, а сам момент смерти обозначался следующими выражениями: *heng lähtöu* ‘душа выходит’; *hengi läht’i iäreht ristikaazas* ‘душа покинула человека’; *heng lendau* ‘душа улетает’; *piäz iäre hengi* ‘оставила душа’<sup>12</sup>. Аналогично исход души именовали финны и собственно карелы – *hengenlähtö* (‘букв.: уход души’) [9, 38], а также вепсы – *heng l’äks’* (‘душа ушла’)<sup>13</sup>. Смерть людики констатировали словами *henged eule* ‘нет души’, а местонахождением души (*hengen*

*koht*) считали подложечную область<sup>14</sup>. Это общекарельское представление о нахождении души и ее отделении от тела находит подтверждение в словах жителя карельского Сегозерья, побывавшего в переходном состоянии между жизнью и смертью в результате черепно-мозговой травмы: «не-что поднимающееся от солнечного сплетения к горлу» [13, 253].

Попадание в загробный мир (кар., фин. *Manala, Tuonela*) карелы и финны, как и многие другие народы, связывали с преодолением душой умершего различных препятствий, стоящих на его пути [8, 195–196; 10, 23]. В некоторых людиковских поселениях бытовала традиция собирать и хранить выпавшие волосы, служившие после смерти человека наполнителем подушки для гроба<sup>15</sup>. По общекарельским представлениям, волосы и ногти, которые собирались при жизни и помещались после смерти в гроб, должны были помочь душе умершего совершить тяжелый путь в загробный мир, преодолеть крутые горы и перебраться через глубокие ущелья [8, 195]. В южных районах Карелии известны рассказы о прохождении душой каменной (или стеклянной) горы, в Беломорской Карелии – о переходе водной или огненной преграды [7, 229–230]. В сообщении уроженца севернолудиковской деревни Галлезеро (Кондопожский район) Степана Годарева река потустороннего мира была именно огненной<sup>16</sup> – этот нарратив свойствен мифологическим представлениям собственно карел о царстве мертвых. Специфический карельский термин, обозначающий загробный мир у людиков, в рассматриваемых материалах не удалось обнаружить. Жите-

<sup>7</sup> См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеевой и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007; Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944; Tanner S., Chonstedt M. *Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 7: Sanahakemisto*. Helsinki, 1981. S. 1908–2293.

<sup>8</sup> См.: Карельские причитания / сост. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976; Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 1. Похоронные причитания; Pahomov M. *Kondan Kalndan: Kujärven lüüdin rahvhansana*. Helsingi; Võro, 2012.

<sup>9</sup> См.: Virtaranta P. *Lyydiläisiä tekstejä. Osa 3*. Helsinki, 1964.

<sup>10</sup> Лесков Н. Ф. Указ. соч. С. 513.

<sup>11</sup> См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь. С. 142; Kujola J. *Op. cit.* S. 171, 410; Tanner S., Chonstedt M. *Op. cit.* S. 2001, 2019, 2056.

<sup>12</sup> ФА ИЯЛИ. № 3830/13, 3844/11, 3846/12; Kujola J. *Op. cit.* S. 68, 171, 410.

<sup>13</sup> См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 48.

<sup>14</sup> См.: Kujola J. *Op. cit.* S. 68.

<sup>15</sup> НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 279. Л. 66.

<sup>16</sup> См.: Virtaranta P. *Op. cit.* S. 207.

ли д. Лижмы (Пряжинский район) говорят про умершего, что он находится «с Богом» (*Jumalot'kera*)<sup>17</sup>, – это можно трактовать как влияние христианских воззрений.

В традиционном мировоззрении финно-угорских народов были распространены представления о двух и более душах у человека: у коми *орт* ‘душа-тень, двойник человека’ и *лов* ‘дыхание, жизнь’; у удмуртов *урт* ‘душа-двойник’ и *лул* ‘душа-дыхание’; у марийцев *орт* ‘бестелесный двойник человека’, *чон* ‘жизненная сила’, *шўлыш* ‘дыхание, с которым при последнем выдохе выходила и душа *чон*’ и т. д. [10, 6; 16, 125]<sup>18</sup>. У людиков зафиксировано только одно название для обозначения души, с последним вздохом покидающей тело человека, – *heng*. Аналогичное название встречается у других прибалтийско-финских народов: фин. *henki*, соб. кар. *henki*, ливв. *hengi*, вепс. *heng*, эст. *heng*<sup>19</sup>. В финском языке помимо своего основного значения ‘дух, душа’ оно имеет еще и значение ‘воздух’ в выражении *haukkoa henkeä* ‘глотать воздух’<sup>20</sup>. Дело в том, что душа, *heng*, связана с дыханием человека: слова *heng* ‘душа’ и *hengittada* ‘дышать’ являются однокоренными как в людиковском наречии, так и в других прибалтийско-финских языках<sup>21</sup>. У людиков был распространен обычай ставить у изголовья умирающего сосуд с водой – своеобразное водное пространство, через которое, по народным верованиям, осуществлялись переход души и ее очищение<sup>22</sup>. Похожие действия были распространены среди остальных карел, а также среди финно-угорских, тюркских и восточнославянских народов [12, 358; 14, 484; 18, 207]<sup>23</sup>. Душа, выйдя из тела, должна была ополоснуть-

ся в «холодной подушке»; при этом, как утверждали святозерские людики, поверхность воды чуть колыхалась<sup>24</sup>.

Карелы верили в возможность прихода покойника в мир живых, но, по народным убеждениям, это был уже не прежний живой человек, а часть враждебного загробного мира, воплощенная во второй подвижной душе-тени [8, 197]. В финно-угорской концепции множественности душ были развиты верования в существование души-тени, которая могла покидать тело человека во время сна, представлять самого человека или его «эго» и возвращаться к живым после смерти в виде призрака. У хантов эта душа называлась *is*, у мордвы – *es*, у саамов – (*j*)*ies*, у финнов – *itse*<sup>25</sup>. Данные наименования второй души скорее всего имеют общее прафинно-угорское происхождение. Например, лингвист А. А. Волкова доказала, что эрзя-мордовское местоимение *es* ‘грамматикализовано из допермского \*ič'e, означавшее ‘тень, дух, душа’ [3, 547].

В настоящее время в финском, карельском и вепсском языках местоимение *itse/iče* означает ‘сам, сама, само’<sup>26</sup>. В вепсском языке *iče* входит составной частью в наименования заболеваний *ičhiin'e* ‘эпилепсия’ и *ičeze pahuz'* ‘родимчик’, сопровождающихся потерей сознания, самоконтроля, что И. Ю. Винокурова рассматривает как след былых представлений финно-угорского происхождения о душе-тени *iče*<sup>27</sup>. Возможно, отголосок данных воззрений сохранился и у жителей обрусевшего к XX в. села Шуя (Прионежский район), которые полагали, что у каждого человека перед смертью «случается родимчик»<sup>28,29</sup>.

<sup>17</sup> ФА ИЯЛИ. № 3824/6.

<sup>18</sup> См. также: Изибаева Г. М. Указ. соч. С. 48.

<sup>19</sup> См.: Сопоставительно-ономазиологический словарь. С. 144; Tanner S., Chonstedt M. Op. cit. S. 2027.

<sup>20</sup> См.: Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2007. С. 107.

<sup>21</sup> См.: Сопоставительно-ономазиологический словарь. С. 99.

<sup>22</sup> См.: Лесков Н. Ф. Указ. соч. С. 511.

<sup>23</sup> См. также: Изибаева Г. М. Указ. соч. С. 49; Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края // Этнографическое обозрение. 1890. № 1, кн. 4. С. 49; Петров К. Указ. соч. С. 53.

<sup>24</sup> См.: Лесков Н. Указ. соч. С. 511.

<sup>25</sup> См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 48.

<sup>26</sup> См.: Сопоставительно-ономазиологический словарь. С. 79; Kujola J. Op. cit. S. 93.

<sup>27</sup> См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 48.

<sup>28</sup> По общекарельским представлениям, данное заболевание является причиной большинства детских смертей [15, 27].

<sup>29</sup> Шуя, июнь 1929: быт севернорусской деревни / сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2006. С. 55.

**Приметы, связанные со смертью и душой человека**

С представлениями о душе и ее воплощениях связаны и разнообразные приметы, предсказывающие смерть человека. Многие из них касаются необычного поведения птиц. Карелы, как и соседние вепсы и русские, считали, что любая птица, которая ударилась в окно, постучала в него или в стену дома, являлась вестником смерти для кого-либо из членов семьи<sup>30</sup> [12, 424]<sup>31</sup>. Эти приметы до сих пор бытуют у людиков повсеместно<sup>32</sup>.

В плачах народов Европейского Севера, в частности карельских, отразилось древнее мировоззрение, согласно которому душа умершего воплощается в образах летающих представителей фауны: птицы (воробья, кукушки, утки; у людиков – ласточки, чайки) или бабочки либо в совмещенном образе «птички-бабочки» (люд. *liipoi-linduine*)<sup>33</sup> [8, 197]<sup>34</sup>. Дело в том, что карелы, как и вепсы, бабочку относили к классу птиц<sup>35</sup>. Этот образ встречается в людиковских похоронных плачах, в просьбе к умершему «прилететь хоть птичкой-бабочкой», чтобы навестить своих родственников, развеселить, приласкать или успокоить горюющих<sup>36</sup>.

Карелы-людики со смертью связывали поведение таких птиц, как кукушка, дятел, петух и курица. Плохим предзнаменованием было кукование кукушки около дома. Единичные сообщения из Михайловского свидетельствуют о том, что поверья о кукушке имеют позитивный характер: «В одно время говорили, что хорошее сообще-

ет, в другое время стали уже говорить, что *kägöi* если *kukkuu*<sup>37</sup> около дома – значит, опять будет что-то связано со смертью»<sup>38</sup>; «Кукушка кукует, если ты на улице, в первый раз кукует, то говорят: очень хорошо. А когда в доме услышишь, то это уже похуже»<sup>39</sup>. По мнению И. Ю. Винокуровой, в вепсской традиции кукушка – предсказательница, причем в основном плохих событий: неурожая, бед, болезней, смерти, пожара, но в то же время богатства и бедности, денег и их отсутствия<sup>40</sup>. В карельской эпической традиции и в эпосе «Калевала» распространен более жизнеутверждающий символизм кукушки – связь с солнцем, образ предвестницы весны и лета, богатства [2, 257]. Возможно, в людиковских сообщениях отразилось переплетение вепсских (или славянских [5, 705–706]) и карельских традиций. У многих народов по крику кукушки проводились гадания о числе оставшихся лет жизни. У михайловских людиков обнаружена характерная для карел связь кукушки с солнцем – символом жизни: если кукушка кукует со стороны восхода солнца, то проживешь еще долго, а если с захода, то оставшийся срок жизни будет небольшим<sup>41</sup>.

Дурным предзнаменованием считалось также, если дятел стучал в стену дома: *pokoinikaks om d'atel* ‘дятел к покойнику’<sup>42</sup>. Такая примета является универсальной, о чем свидетельствует ее география: сходные представления были распространены у вепсов, восточнославянских народов, а также в Норвегии, Финляндии [5, 714–715]<sup>43</sup>.

Петух и курица – домашние птицы, занимающие особое место в атрибутике

<sup>30</sup> Ю. С. Шанина интерпретирует стук в доме как представляемый живыми людьми коммуникативный акт мертвых с домочадцами (душа покойного скрипит половицами, птица стучит в окно и т. д.), связанный со страхом и оповещением о случившейся смерти или скорой кончине кого-то из жителей дома [20].

<sup>31</sup> См. также: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 20; Карельские причитания. С. 418; SKS. Läiho 1942, № 6692.

<sup>32</sup> ФА ИЯЛИ. № 3820/7, 3834/20, 3845/25, 3846/13.

<sup>33</sup> Ср.: у обских угров душа-дыхание *лил* представлялась в виде птицы (кукушки, утки, сокола, чайки, куро-патки) или комара [18, 208].

<sup>34</sup> См. также: Лесков Н. Ф. Указ. соч. С. 511.

<sup>35</sup> См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 247.

<sup>36</sup> См.: Карельские причитания. С. 410–431.

<sup>37</sup> Кукушка если кукует (перевод автора).

<sup>38</sup> ФА ИЯЛИ. № 3822/24.

<sup>39</sup> Там же. № 3834/20.

<sup>40</sup> См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 224.

<sup>41</sup> ФА ИЯЛИ. № 3807/14.

<sup>42</sup> Там же. № 3807/12.

<sup>43</sup> См. также: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 432.

похоронно-поминальной обрядности у многих народов [4, 56]<sup>44</sup>. В людиковской деревне Сопоха (Кондопожский район) умершего от сыпного тифа хоронили вместе с живым петухом, олицетворяющим это заболевание, в гробу, который заколачивали гвоздями, пытаясь таким образом остановить распространение заболевания<sup>45</sup>. Обычай захоронения больных с живым петухом (вариант – с кошкой) был распространен среди карел и других народов бывшего СССР<sup>46</sup>. В Галлезере про старого человека, передвигавшегося с палкой в руках, говорили: “*Täll on d’o asteged lühettu kui kukuoil, t’ämä ei hät’ked nügüde elä*” («Его шаги уже укорачиваются, как у петуха, ему недолго теперь жить»)<sup>47</sup>. Среди михайловских людиков существовало поверье, что курица, запевшая петухом, – к смерти<sup>48</sup>. У жителей Михайловского и Галлезера бытовала примета о том, что вечером или ночью петух поет перед покойником<sup>49</sup>. Идентичная примета зафиксирована у вепсов: крик петуха в «непоказанное» время (днем или вечером) предвещал плохие вести для обитателей дома<sup>50</sup>.

Вестницей смерти у людиков считалась залетевшая в дом бабочка. Народ часто воспринимал ее как визит умершего: насекомому нельзя было ни в коем случае причинять вред, тем более убивать его. Следовало открыть все двери дома настежь и помахать каким-нибудь предметом, чтобы бабочка сама нашла путь на волю<sup>51</sup>. Сходное сакральное отношение к залетевшим в дом бабочкам, особенно во время похорон или поминок, обнаруживается у карел-ливвиков Пряжинского района, русских, вепсов и марийцев [19, 51]<sup>52</sup>. Еще Е. В. Барсов в 1872 г. отмечал, что ба-

бочку в Олонецкой губернии положительно называют «чьей-нибудь душенькой»<sup>53</sup>.

Сон как пограничное состояние между жизнью и смертью часто представляется пространством соприкосновения с иным миром. Михайловские людики предсказывали скоростижную смерть кого-нибудь из сородичей, если во сне видели человека<sup>54</sup>, плывущего на белой лодке в сторону кладбища<sup>55</sup>. Визит во сне умершего близкого родственника был еще одним способом контакта с живыми. В людиковских причитаниях часто звучал призыв к покойнику явиться во сне (например, в том же образе «птички-бабочки») и «рассказать о житье на том свете», передать «свежие весточки» покойным родственникам:

*Ala d’o siä mindaa unohta,  
tule d’o siä minun no uniiš,  
sanu siä, kutt siga eloižed.  
Miä roskažin silii kaiken  
oman eluižen, oman obidaižen.*

«Ты уже меня не забудь,  
приди уже ко мне во сне,  
скажи ты, как там жизньюшка.  
Я расскажу тебе все  
о своей жизньюшке,

о своей обидушке» (с. Михайловское)<sup>56</sup>;

*Opi sulembil sanaizil, sulgaizeni,  
suladelta häntä,  
eigo hod’liipoi-linduižinnu tule da sigi-unuižih  
hod’uinonnet, ga ozutelda da sanele siuleis.*

«Постарайся, мое перышко, приласкать  
его ласковыми словами,  
не прилетит ли он хоть птицей-бабочкой,  
И как заснешь крепким сном,  
так не покажется ли во сне и не поговорит  
ли с тобой» (с. Святозеро)<sup>57</sup>.

У многих народов отмечается отождествление дерева с человеком и его жиз-

<sup>44</sup> См. также: Изгибаева Г. М. Указ. соч. С. 113.

<sup>45</sup> НА КарНЦ, Ф. 1. Оп. 32. Д. 1. Л. 3.

<sup>46</sup> Там же. Д. 15. Л. 24.

<sup>47</sup> Virtaranta P. Op. cit. S. 202.

<sup>48</sup> SKS. Laiho 1942, № 6696.

<sup>49</sup> Там же. № 6691, 6697; Virtaranta P. Op. cit. S. 202.

<sup>50</sup> См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 198–199.

<sup>51</sup> ФА ИЯЛИ. № 3823/14, 3844/12, 3834/20.

<sup>52</sup> Там же. № 3841/10; Изгибаева Г. М. Указ. соч. С. 37.

<sup>53</sup> См.: Причитания Северного края. С. 13.

<sup>54</sup> Судя по архивному источнику, это не обязательно мог быть родственник или знакомый сновидца, а просто образ человека.

<sup>55</sup> SKS. Klemola 1957, № 18422.

<sup>56</sup> Pahomov M. Op. cit. S. 128.

<sup>57</sup> Карельские причитания. С. 413, 423.

ненным циклом, в том числе со смертью. Мифологические представления карел о ели как дереве предков проявляются в выборе еловых рощ для старинных кладбищ [6, 117–118]. Падение ели или другого хвойного дерева предвещало скорейшую смерть кого-либо из родственников. Так, информант 1928 г. р. из д. Палнаволок (Олонецкий район) сообщила, что перед смертью ее сына дерево у их дома обвалилось в результате непогоды. Это дерево она несколько раз назвала сначала *ped'* ('сосна'), а потом по-русски ёлкой, что, видимо, говорит о сходных сакральных свойствах данных деревьев<sup>58</sup>. В Спасской Губе записано сообщение, что падение любого дерева предсказывает гибель кого-нибудь из односельчан<sup>59</sup>. Данную примету можно отнести к общекарельским<sup>60</sup>.

Определенные дни в году и природные явления считались благоприятными для отхода в мир иной. Желанной была смерть в Пасху (у михайловских людиков – в любой православный праздник) – душа в таком случае обязательно попадает в рай<sup>61</sup>, что связано с христианским учением [1, 180]. У северных карел-людиков хорошим знаком было появление радуги в момент смерти<sup>62</sup>. По всей вероятности, людики, как и прионежские вепсы, считали радугу своеобразным мостом, по которому покойники переправляются в место вечного пребывания. Аналогичные представления о радуге существуют и у народов германской языковой группы, их источником служат древние скандинавские мифы<sup>63</sup>.

### Заключение

Таким образом, сравнительно-исторический анализ мифологических представлений людиков о смерти, переходе в иной мир и образов предвестников кончины позволил выделить несколько этнических компонентов, из которых сформировался

данный комплекс в среде людиковской группы.

Как известно, похоронно-поминальной обрядности свойственна наибольшая консервативность пронизывающих ее ритуалов по сравнению с другими обрядами жизненного цикла [8, 195]. Это позволило сохраниться в ней многим компонентам общего прибалтийско-финского происхождения. Кончину людики определяли как акт отделения души от тела, который происходит по воле предков (*syndyd*). Аналогичные представления о наступлении смерти были известны остальным карелам, финнам, вепсам. По всей вероятности, они относятся к общеприбалтийско-финскому периоду. Компонентами прибалтийско-финского происхождения (и шире – финно-угорского) можно считать отголоски верований о существовании второй души-тени, выраженные в термине *iče*, и о предсмертном заболевании – родимчике. Прибалтийско-финский пласт включает также лексику: *heng* 'душа', *surm*, *kuolend* 'смерть', *heng lähtöu* 'душа выходит', *heng lendau* 'душа улетает' и т. д.

У людиков прослеживаются и общекарельские воззрения о местонахождении души (*hengen kohti*) в подложечной области и связи разных пород деревьев со смертью человека: предсказания смерти при падении сосны, ели (Михайловское) или любого дерева (Спасская Губа). У михайловских людиков обнаружены характерные для карел представления о связи кукушки с солнцем; у кондопожских – о преодолении душой огненной реки, свойственные северным карелам.

Некоторые аналогии обнаруживаются с финно-угорскими и индоевропейскими народами, это касается связи дятла или курицы (петуха) со смертью, сакрального отношения к залетевшей бабочке, символизирующей визит души умершего, пред-

<sup>58</sup> ФА ИЯЛИ. № 3812/1.

<sup>59</sup> Там же. № 3834/20.

<sup>60</sup> Например, сямозерские ливвики причиной преждевременной смерти считали намеренное срубание деревьев, которым приписывался особый общедеревенский статус (например, места, где собиралась молодежь) или чьих-нибудь именных деревьев [11, 291].

<sup>61</sup> ФА ИЯЛИ. № 3805/12, 3810/3, 3813/26, 3844/13.

<sup>62</sup> Там же. № 3830/16/

<sup>63</sup> См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 148; Энциклопедия суеверий: по материалам британского и русского фольклора / сост. Э. и М. А. Рэдфорд, Е. Миненко; пер. с англ. Д. Гайдук. М., 1998. С. 363–364.

ставления о радуге – мосте в иной мир. Эти и другие древние воззрения карел-люди-ков (например, о нахождении загробного мира за водой или другой преградой, пре-одолении душой сложного пути к нему) являются универсальными, характерными для многих народов.

Несмотря на длительные контакты с русским населением, собственно славян-ский комплекс представлений о смерти выражен у карел-люди-ков слабо. Влияние русской культуры проявилось главным образом через христианские понятия о суще-ствовании рая (душа находится «с Богом») и о православных праздниках (Пасха) как «благоприятных» датах для умирания.

## УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вепс.</i> –	вепсский язык
<i>вод.</i> –	водский язык
<i>кар.</i> –	карельский язык
<i>ливв.</i> –	ливвиковское наречие карельского языка
<i>люд.</i> –	люди-ковское наречие карельского языка
<i>НА</i>	Научный архив Карельско-го научного центра РАН
<i>КарНЦ</i> –	
<i>соб. кар.</i> –	собственно карельское на-речие карельского языка
<i>ФА</i>	Фонограммархив Института язы-ка, литературы и истории Карель-ского научного центра РАН
<i>ИЯЛИ</i> –	
<i>фин.</i> –	финский язык
<i>эст.</i> –	эстонский язык
<i>SKS</i> –	Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto (Фольклор-ный архив Общества финской литературы, г. Хельсинки)

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петерб. востоковедение, 2000. 395 с.
2. Винокурова И. Ю. Мифологические пред-ставления о птицах в вепсской традиции и карело-финском эпосе // «Калевала» в кон-тексте региональной и мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 251–259.
3. Волкова А. А. Синтаксические особен-ности возвратных местоимений в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы: сб. ст. М., 2012. С. 543–590.
4. Голубкова О. В. Орнитоморфная символика похоронного обряда в локальных вариантах славянских культовых традиций // Проблемы духовной культуры народов Евро-пейского Севера и Сибири: сб. ст. памяти Юго Юльевича Сурхаско. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 2. С. 55–65.
5. Гура А. В. Символика животных в славян-ской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
6. Конкка А. П. Ель с золотой вершиной, или Дерево предков (материалы по карельской мифологии и обрядности) // Ученые за-писки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7. С. 113–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.238.
7. Конкка А. П. Материалы похоронной об-рядности и типологии сельских кладбищ люди-ковского ареала // История и традици-онная культура народов Карелии и опре-дельных областей в свете новых источни-ков, методов и подходов (памяти Р. Ф. Ни-кольской). Петрозаводск, 2017. С. 219–237.
8. Конкка А. П. Похоронно-поминальная об-рядность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 194–209.
9. Конкка У. С. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 295 с.
10. Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1998. 128 с.
11. Логинов К. К. Семейная обрядность. Похоронно-поминальная обрядность // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 291–300.
12. Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Петрозаводск: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 424 с.
13. Логинов К. К., Краснопольская Т. В. Будни и праздники. Семейные обряды // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 237–256.
14. Мокшин Н. Ф. Языческие верования морд-вы и ее христианизация // Мордва. Очерки

- по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 475–497.
15. Пашкова Т. В. Испуг как причина и способ лечения заболеваний в народной медицине карел // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 5. С. 26–29.
  16. Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. 231 с.
  17. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел, конец XIX – начало XX в. / отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 172 с.
  18. Федорова Е. Г. Представления о смерти, мире мертвых и погребальный обряд обских угров // Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: этногр. очерки. СПб., 2007. С. 198–219.
  19. Чухина А. А. Свадьба, родины и похороны в Каргополье // Живая старина. 2004. № 2. С. 49–51.
  20. Шанина Ю. С. Акустический код кладбища д. Родома Лешуконского района // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. М., 2015. С. 162–181.
  21. Nakala H. Lyydin verkkosanakirja valmistui // Karjalan Heimo. 2020. No. 7–8. S. 124–126.

Поступила 05.06.2022; одобрена 19.06.2022; принята 22.06.2022.

### **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**

**С. А. Минвалеев** – младший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, minvaleevs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1079-4604>



# Ludians' harbingers of impending death and their representations of transition to the underworld

Sergei A. Minvaleev

*Institute of Linguistics, Literature and History,  
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,  
Petrozavodsk, Russia*

**Introduction.** The author studies religious and mythological representations regarding the death of one of a little-studied ethnic groups which are Ludian Karelians. The purpose of the study is to identify the components that formed the worldview complex of the Ludians associated with the concepts of "soul", "death", "underworld", including signs and symbols.

**Materials and Methods.** The research is based on the archives and field studies as well as folklore texts, dictionaries, speech samples. It employs the comparative-historical method and the ethnolinguistic approach.

**Results and Discussion.** In general, the Ludians as well as the Karelians defined death as an act of separation of the soul from the body (*heng lähtöu* 'the soul leaves', *heng lendau* 'the soul flies away'), and it occurs upon the will of the ancestors (*syndyd*). Among the Ludians the term *iče* (in the initial meaning 'shadow, soul') is associated with the representations of the Finno-Ugric people of the existence of the second shadow-soul as well as the idea of "rodimchik" as the terminal illness. Ludian believed that unusual behavior of a cuckoo, a woodpecker, a rooster and a chicken (knocking at the window, knocking on the wall of the house) can be interpreted as the impending death of a family member. The Russian influence on Ludians is associated with Christian ideas about the underworld as the place of the reunion of a human being with God and Orthodox holidays as "favorable" dates for dying.

**Conclusion.** According to a comprehensive comparative-historical analysis of the sources of the funeral and memorial rites of Ludian Karelians, the components of the Baltic-Finnish, common Finno-Ugric and Karelian origin can be distinguished in the representations of Ludians of the death and the underworld. At the same time, the influence of Slavic ideas of the death on Ludians is traced weakly in the materials under consideration, despite the length of contact between Russians and Ludian Karelians.

**Keywords:** Karelians, Ludians, funeral and memorial rites, underworld, death, harbingers of death

**Acknowledgments:** The article was prepared under state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (project 121070700119-5).

**For citation:** Minvaleev SA. Ludians' harbingers of impending death and their representations of transition to the underworld. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;3:304–314. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.304-314.

## REFERENCES

1. Bernshtam TA. Youth in the Symbolism of the Transitional Rites of the Eastern Slavs: The Teaching and Experience of the Church in Folk Christianity. Saint-Petersburg; 2020. (In Russ.)
2. Vinokurova IYu. Mythological ideas about birds in the Vepsian tradition and the Karelian-Finnish epic. "*Kalevala*" v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 160-letiiu poln. izd. "*Kalevaly*" = "*Kalevala*" in the context of regional and world culture. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the complete edition of "*Kalevala*". Petrozavodsk; 2010:251–259. (In Russ.)
3. Volkova AA. Syntactic features of reflexive pronouns in the Finno-Ugric languages. *Finno-ugorskie iazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody: sb. st.* = Finno-Ugric languages: fragments of a grammatical description. Formal and functional approaches. Collection of articles. Moscow; 2012:543–590. (In Russ.)
4. Golubkova OV. Ornithomorphic symbolism of the funeral rite in local variants of Slavic cult traditions. *Problemy dukhovnoi kul'tury narodov Evropeiskogo Severa i Sibiri: sb. st. pamiati Iugo Iul'evicha Surkhasko. Gumanitarnye issledovaniia* = Problems of spiritual culture of the peoples of the European North

- and Siberia. Collection of articles in memory of Yugo Yulievich Surhasko. Humanitarian research. Petrozavodsk; 2009;2:55–65. (In Russ.)
5. Gura AV. The symbolism of animals in the Slavic folk tradition. Moscow; 1997. (In Russ.)
  6. Konkka AP. Spruce with golden top or Tree of ancestors (materials on Karelian mythology and ceremonial rites). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2018;7:113–121. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2018.238.
  7. Konkka AP. Materials of funeral rites and typology of rural cemeteries of the Ludikov area. *Istoriia i traditsionnaia kul'tura narodov Karelii i sopredel'nykh oblastei v svete novykh istochnikov, metodov i podkhodov (pamiati R. F. Nikol'skoi)* = History and Traditional Culture of the Peoples of Karelia and adjacent regions in the light of new sources, methods and approaches (in memory of R. F. Nikolskaya). Petrozavodsk; 2017:219–237. (In Russ.)
  8. Konkka AP. Funeral and memorial rites. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:194–209. (In Russ.)
  9. Konkka US. Poetry of sorrow: Karelian ritual laments. Petrozavodsk; 1992. (In Russ.)
  10. Limerov PF. Mythology of the underworld. Syktyvkar; 1998. (In Russ.)
  11. Loginov KK. Family ritual. Funeral and memorial rites. *Istoriia i kul'tura Siamozher'ia* = History and culture of Syamozero. Petrozavodsk; 2008:291–300. (In Russ.)
  12. Loginov KK. Traditional life cycle of Russian Vodlozero: rituals, customs and conflicts. Moscow; Petrozavodsk; 2010. (In Russ.)
  13. Loginov KK, Krasnopol'skaia TV. Weekdays and holidays. Family rituals. *Derevnia Iukoguba i ee okrug* = The village of Yukoguba and its surroundings. Petrozavodsk; 2001:237–256. (In Russ.)
  14. Mokshin NF. Pagan beliefs of the Mordovians and its Christianization. *Mordva: ocherki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda* = Mordva. Essays on the history, ethnography and culture of the Mordovian people. Saransk; 2004:475–497. (In Russ.)
  15. Pashkova TV. Fear as a cause and method of treating diseases in Karelian folk medicine. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2016;5:26–29. (In Russ.)
  16. Sadikov RR. Traditional religious beliefs and rituals of the Zakama Udmurts (history and modern development trends). Ufa; 2008. (In Russ.)
  17. Surkhasko IuIu. Family rituals and beliefs of the Karelians, late XIX – early XX centuries. Leningrad; 1985. (In Russ.)
  18. Fedorova EG. Ideas about death, the world of the dead and the funeral rite of the Ob Ugrians. *Mifologiya smerti: Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri: etnogr. ocherki* = The mythology of death: The structure, function and semantics of the funeral rite of the peoples of Siberia. Ethnographic essays. Saint-Petersburg; 2007:198–219. (In Russ.)
  19. Chukhina AA. Wedding, homeland and funeral in Kargopol. *Zhivaia starina* = Living antiquity. 2004;2:49–51. (In Russ.)
  20. Shanina IuS. Acoustic code of the cemetery of the village of Rodoma, Leshukonsky district. *Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoi kul'ture* = Memento Mori: Funeral Traditions in Modern Culture. Moscow; 2015:162–181. (In Russ.)
  21. Hakala H. Lyydin verkkosanakirja valmistui. *Karjalan Heimo*. 2020;7–8:124–126.

Submitted 05.06.2022; reviewing 19.06.2022; accepted 22.06.2022.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**S. A. Minvaleev** – Junior Research Fellow, Department of Ethology, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, minvaleevs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1079-4604>



## Особенности формирования и продвижения имиджа главы региона: на примере Республики Мордовия (1995–2021)

Ирина Геннадьевна Напалкова  
Роман Владимирович Маньчев

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,  
Саранск, Россия*

**Введение.** Конструктивный имидж территории в современном мире определяет ее конкурентоспособность и возможность различных преференций в виде дотаций федерального центра, инвестиций со стороны бизнеса, увеличивающегося туристического потока и т. п. Формирование имиджа – сложный процесс интерференции эволюционно-исторического развития и существующего бэкграунда. Визуальный облик региона и его трансформация связаны с образом главы/губернатора, выступающего одновременно субъектом и объектом имиджмейкинга.

**Материалы и методы.** В основу методологии были положены историко-эволюционный, аксиологический и герменевтический подходы, компаративный, системный и структурно-функциональный анализ. В качестве прикладного метода выступил интернет-мониторинг публикаций региональных СМИ.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В статье рассматривается проблема эволюционирования и преемственности в формировании и продвижении имиджа главы региона на современном этапе развития государства и общества. Показана роль персонализированной составляющей в региональном имидже. В качестве кейса для анализа выбрана Республика Мордовия, которая находится в состоянии трансформации властных элит.

Проанализированы имиджевые типажии глав региона с 1995 по 2020 г., составлена имидж-карта врио Главы Республики Мордовия А. А. Здунова, в рамках которой исследованы основные линии имиджевого персоно-позиционирования, а также актуализированные им векторы продвижения территории.

**Заключение.** Авторы приходят к выводу, что в Республике Мордовия промутируется имиджевый типаж «лидер-пожарный», востребованный сложным социально-экономическим положением региона. Расширение образа осуществляется посредством дополнительного типа «хозяйственник» за счет принадлежности к партии власти и личностных характеристик. Идет активная отстройка от имиджа предыдущих руководителей региона: усиливается работа по формированию общественного мнения, демонстрируются информационная активность и оперативное реагирование на современные вызовы развития.

**Ключевые слова:** имидж, имиджология, политические технологии, регион, лидер, позиционирование, продвижение, Республика Мордовия, Глава Республики Мордовия, Н. И. Меркушкин, В. Д. Волков, А. А. Здунов

**Для цитирования:** Напалкова И. Г., Маньчев Р. В. Особенности формирования и продвижения имиджа главы региона: на примере Республики Мордовия (1995–2021) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 315–331. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.315-331.

### Введение

Одним из исторических социально-управленческих феноменов России исследователи называют «оторванность власти от населения» [15, 543]. Подобный ценностный разрыв затрудняет переход процессов демократизации и консолидации на новый уровень, снижает эффективность партнерских отношений между государством и гражданским обществом. Для повышения продуктивности государственного управления власть стремится быть

более открытой для общественности, выстраивать оперативную политическую коммуникацию. Инструментами для решения этих задач являются формирование и продвижение имиджа главы региона, который во многом ассоциирован с имиджем территории. Конструктивный имидж территории – «мягкая сила», которая дает возможность повышать ее конкурентоспособность, инвестиционный потенциал, обеспечивать преференции федерально-

го центра, что позитивно сказывается на уровне социально-экономического развития, и т. д.

Изучение эволюции и специфики имиджевой региональной персонификации позволяет аккумулировать опыт и выработать рекомендации по ее коррекции.

### Обзор литературы

Современные научные разработки в области изучения имиджа политических лидеров представлены рядом исследовательских направлений.

Во-первых, теоретико-методологические исследования сущности и содержания политического имиджа, а также его соотношения со смежными понятиями «образ», «личностный бренд», «репутация», «политический стиль», «политический дизайн», «архетип» отражены в работах Е. В. Григорьева [5], К. В. Складенко [17], М. М. Темирбулатовой, Г. Б. Овчаровой [18], Л. В. Чернышовой [20] и др. Спектр коннотаций достаточно широк и зависит от детерминирующих факторов, положенных в их основу. В качестве детерминант преимущественно выступают личностные характеристики индивида, черты лидера, взятые в единстве политических, мировоззренческих качеств, резонирующих в предпочтениях электората. К таким чертам относятся физические, психофизиологические особенности, характер, тип личности, индивидуальный стиль принятия решений, образ мышления, речь, манера поведения и т. д. Большинство исследователей политического имиджа подчеркивают эффект его стереотипизации: «приписывание желаемых черт политическим лидерам без достаточных на то оснований», когда «люди, исходя из своих социальных ожиданий, склонны достраивать преподносимый им образ» [6, 234]. Также имидж власти эмоционально окрашен субъективными представлениями населения, «не всегда отражающими ее реальную деятельность» [15, 543].

Во-вторых, техники и технологии продвижения имиджа рассмотрены в исследованиях Э. С. Куркемовой [9], Л. Г. Мchedлидзе [11], И. В. Перепечаева, Г. Н. Немца [14] и др. Особый интерес вы-

зывает изучение опыта трансляции образа политика в социальных сетях и стратегий сетевой коммуникации, так как интернет-технологии стали значимым инструментом имиджирования, обеспечивая преимущества политическим акторам по сравнению с традиционными средствами передачи информации. Нередко публичный образ политиков строится на основе «концепции трансмедийного нарратива» [23], констатирующей преобладание информационно-развлекательной среды и размывание границ политического контента.

В-третьих, выраженным исследовательским вектором является анализ гендерной специфики политического имиджа. К вопросам интеграции мужского и женского в политику, гендерного политического дресс-кода, роли гендерного фактора в формировании властных элит обращаются Д. Бек [22], Д. Гева [24], А. Кругстад, А. Е. Сторвик [25], Т. Б. Рябова, О. В. Рябов [16] и др. Исследователи констатируют преобладание маскулинности в медийных образах женского политического руководства [22], неоднозначность восприятия женщин-политиков и наличие их стереотипного портрета [1], в который часто оказывается включена категория «некомпетентность», а также смысловые маркеры политика/семья/дети и их восприятие как несочетаемых.

В-четвертых, имидж региональных российских лидеров и личные бренды политиков актуализированы в публикациях С. А. Баркова, О. В. Дорохиной, А. В. Маркеевой, А. А. Максимова [2], А. С. Ватропина, М. С. Семиной [3], Л. А. Недыхалова [13], Н. Н. Розановой [15] и др. Исследователи отмечают, что профессиональное продвижение позитивного имиджа главы влияет на повышение доверия населения государственным институтам. Для губернаторов важно постоянно взаимодействовать с целевой аудиторией, демонстрируя открытость и осведомленность о текущих актуальных проблемах, включенность в их разрешение и урегулирование. При профессиональном подходе к персональному имиджированию складывается позитивная репутация политического актора и постепенно формируется его персональ-

ный бренд, являющийся «сильной формой социального капитала» [21, 121].

Республику Мордовия с позиции; имиджевой персонифицированной составляющей рассматривали Л. А. Зайцева [7], М. Н. Казакова, И. Г. Напалкова, К. В. Курочкина [8; 12] и др.

Несмотря на значительное число работ в области политического имиджмейкинга, данная тема остается востребованной вследствие динамичности общественно-политических процессов, требующих коррекции коммуникационных стратегий и тактических приемов личной репрезентации.

Цель данной публикации – изучение имиджевого дизайна регионального политического лидера на примере Республики Мордовия.

### Материалы и методы

Основой исследования стал историко-эволюционный подход, который дал возможность проследить особенности и закономерности имиджевого позиционирования глав региона в постсоветской Мордовии. Использовался компаративный анализ, объектом изучения которого выступает имидж как социально-коммуникативный феномен. Также применялись системный и структурно-функциональный анализ, аксиологический и герменевтический подходы, позволившие комплексно рассмотреть имидж политического лидера. Создание персоно-образа опиралось на парадигму, включающую позиции: самоимидж, контекст политической ситуации, компоненты и продвижение имиджа, тип лидера, заповедь, антиобраз и компромат [8, 84]. Наполнение позиций имидж-карты осуществлялось на основе интернет-мониторинга региональных СМИ. В частности, были проанализированы интернет-публикации за 2020–2021 гг. изданий, вошедших в топ-5 СМИ Республики Мордовия в Рейтинге СМИ Приволжского федерального округа по цитируемости в соцмедиа, составленного системой мониторинга Brand Analytics: «Столица С», «Известия Мордовии», «МордовМедиа».

<sup>1</sup> В указанный период А. А. Здунов – временно исполняющий обязанности Главы Республики Мордовия, с 29 сентября 2021 г. – официально избранный Глава РМ.

Образ Республики Мордовия тесным образом связан с имиджем главы региона, который одновременно выступает и объектом, и субъектом имиджмейкинга. С 1995 по 2012 г. данный пост занимал Н. И. Меркушкин («эпоха созидания»), с 2012 по 2020 – В. Д. Волков («период преемственности»), с 2020 г. по сентябрь 2021 г. – А. А. Здунов<sup>1</sup> («период ревизии»).

Время руководства Николая Ивановича Меркушкина ассоциировано с лозунгом «Согласие. Порядок. Созидание», поэтому в научно-публицистической литературе и информационных изданиях фигурирует апеллятив «эпоха созидания». В этот период сложились основные тематические направления имиджевого позиционирования республики, декларирующиеся и в настоящее время: «территория спорта», «этническая самобытность», «инвестиционная привлекательность», «инновационное развитие», «регион устойчивого развития сельских территорий». Линиями дополнительного имиджирования стали «публичная лояльность федеральному центру», «отсутствие острых внутриэлитных конфликтов» и «гармоничность межнациональных отношений» (что выгодно выделяло республику на фоне других национальных субъектов).

К компонентам имиджа Н. И. Меркушкина можно отнести следующие: «консервативный стиль мышления, внешне подтянут, одевается сдержанно, классические костюмы, опытный руководитель, манеры уравновешенные и обдуманые, поведение спокойное, уверенное» [8, 89]. Первоначальным имиджевым типом был «лидер-пожарный», что предопределялось сложным социально-экономическим и политическим развитием региона. После стабилизации ситуации имидж был перепозиционирован в «хозяйственника». Мифологической составляющей имиджа стал образ «героя-избавителя» (спасителя), коммутированный с легендой о Тюште. Стиль публичных выступлений – бюрократический. Продвижение имиджа

осуществлялось традиционным способом через пресс-службу Главы РМ.

В 2012 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин назначил Н. И. Меркушкина исполняющим обязанности губернатора Самарской области. Врио Главы Республики Мордовия стал Владимир Дмитриевич Волков, который был членом команды бывшего главы, занимая в 1995–2012 гг. пост Председателя Правительства РМ. Лейтмотивом назначения явилась категория «преемственность власти». Так, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе М. В. Бабич, выступая на инаугурации В. Д. Волкова, отметил, что «Владимир Путин, принимая решение о кандидатуре Владимира Волкова, исходил из... необходимости сохранения опытной команды руководителей»<sup>2</sup>.

Продвижение образа В. Д. Волкова происходило через закон сложения имиджей. Многие имиджевые характеристики, в том числе типаж «успешный хозяйственник», принадлежность к партии «Единая Россия», были сохранены. Добавочным мифологическим образом стал «профи» (Владимир Дмитриевич долго находился в политике, причем занимаемые должности позволяли ему быть специалистом в самых разных областях регионального развития, он равномерно сочетал «думанье и деланье»). Если в 2012 г. данный подход позволил В. Д. Волкову сохранить высокую степень доверия жителей к исполнительной власти региона, то постепенно, с ухудшением имиджа Н. И. Меркушкина, негатив начал также суммироваться.

Кейс 2020–2021 гг. интересен тем, что исследуемый период характеризуется сменой руководителя региона, выстраиванием нового политического поля при необходимости сохранения управляемости субъекта и поиском новых драйверов развития социально-экономической сферы.

При этом сценарий отставки В. Д. Волкова в Мордовии отличался от, например, прекращения полномочий Н. И. Меркушкина в Самарской области, В. П. Шанцева в Нижегородской области, В. Ф. Басаргина в Пермском крае, В. В. Наговицына в Республике Бурятия, где отставку предпрещали «существенные разногласия с элитами возглавляемых регионов, где против них же активно выступали местные финансово-промышленные или партийные группы»<sup>3</sup>. Официально прошение об отставке В. Д. Волкова объяснялось необходимостью «давать дорогу молодым». Однако эксперты-политологи оценивают такое решение через призму «неудовлетворенности федерального центра итогами работы уходящего руководителя», «его низкой активностью на своем посту в последние годы»<sup>4</sup>, из-за чего экономика Мордовии оказалась в кризисном состоянии и накопилась масса нерешенных проблем, прежде всего большой объем государственного долга, безработица и бедность населения. Текущий апеллатив – «период ревизии».

Впервые Президентом РФ руководителем Мордовии был назначен не ее уроженец, а «политический варяг» – А. А. Здунов. Данный феномен, как отмечает А. В. Кынев, проявляется в ослаблении влияния региональных элит и снижении политической самостоятельности самого главы региона, «лишенного в нем персональной опоры и вынужденного полагаться, прежде всего, на ресурс и легитимность назначившей его внешней силы» [10, 126]. В Мордовии таким образом был запущен механизм трансформации властной элиты, эволюция которой до недавнего времени характеризовалась как достаточно предсказуемая.

*Самоимидж.* Артём Алексеевич Здунов родился 18 мая 1978 г. в г. Казани Татарской АССР. По национальности – мордвин-эрзя.

<sup>2</sup>Госсобрание Мордовии единогласно поддержало преемника Николая Меркушкина // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1933863> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>3</sup>Эксперты оценили эффективность руководителей регионов // Век. URL: <https://wek.ru/yeksperty-ocenili-yeffektivnost-rukovoditelej-regionov-chast-1> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>4</sup>Новая гвардия: отставка главы Мордовии не стала неожиданностью // Известия IZ. URL: <https://iz.ru/1088848/maksim-khodykin/novaia-gvardiia-otstavka-glavy-mordovii-ne-stala-neozhidannosti> (дата обращения: 22.12.2021).

В 2000 г. окончил Казанский государственный финансово-экономический институт (КГФЭИ) по специальности «Финансы и кредит», в 2004 – аспирантуру КГФЭИ, в 2011 г. – магистратуру Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по специальности «Государственно-общественное управление». Является выпускником первого потока программы подготовки кадрового управленческого резерва государственной службы (так называемая школа губернаторов, запущенная в 2017 г. как один из проектов Высшей школы государственного управления). Кандидат экономических наук<sup>5</sup>.

Начал свою карьеру в 2000 г. специалистом по страхованию, внутренним аудитором открытого акционерного страхового общества «Промышленная страховая компания». Работал преподавателем на кафедре макроэкономики и экономической теории КГФЭИ (2004–2006 гг.), занимал должность заместителя директора по науке Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (2006–2010 гг.).

С 2010 по 2018 г. работал в Министерстве экономики Республики Татарстан (2010–2014 гг. – заместитель министра; 2014–2018 гг. – министр экономики). В это время при его участии была разработана Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан (проект «Татарстан-2030»), которая получила положительные отзывы экспертного сообщества и сделала возможным «прорыв в сфере туризма», хотя скептические и критические оценки также присутствовали.

В 2018 г. был переведен в Республику Дагестан на должность заместителя председателя правительства. Под его патронажем в регионе был запущен и успешно реализован кадровый конкурс «Мой Дагестан», победители которого были

включены в кадровый резерв республики, а некоторые из них заняли должности во властных структурах. В то же время данный период можно считать самым противоречивым в его управленческой карьере. Так, некоторые дагестанские СМИ отмечали, что на многие ключевые должности назначались коллеги из Республики Татарстан и заключалось множество договоров с компаниями из Татарстана<sup>6</sup>.

18 ноября 2020 г. указом Президента Российской Федерации В. В. Путина назначен на должность временно исполняющего обязанности Главы Республики Мордовия вплоть до выборов, которые состоялись 19 сентября 2021 г.

В целом профессионально-должностное продвижение А. А. Здунова можно характеризовать как поступательное вертикальное.

*Контекст ситуации.* Деятельность А. А. Здунова на посту врио Главы Республики Мордовия была определена актуальными проблемами в социально-политической и экономической жизни региона. Фоном отставки предыдущего Главы РМ В. Д. Волкова было сложное социально-экономическое положение региона:

– рост государственного долга республики. Результаты проверки формирования государственного долга Республики Мордовия Счетной палатой РФ за 2017–2019 гг. показали, что «при сокращении общего объема госдолга субъектов Российской Федерации в этот период в Республике Мордовия он увеличился на 27 %» и на 1 января 2020 г. составил 51 088,7 млн руб. В структуре государственного долга РМ преобладают бюджетные кредиты (более 50 % объема государственного долга региона), допускаются случаи несоблюдения норм Бюджетного кодекса<sup>7</sup>. По результатам данной проверки было сделано заключение, что «Мордовия не справляется с управлением госдолгом»;

<sup>5</sup> См.: Биография А. А. Здунова // Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия. URL: <https://e-mordovia.ru/glava-rm/biografiya> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>6</sup> См.: Трутнев будет выдавливать татарский бизнес из Дагестана // Будни Кавказа. URL: <https://kavcomment.ru/novosti/trutnev-budet-vydvavlivat-tatarskij-biznes-iz-dagestana/> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>7</sup> См.: Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка формирования государственного долга Республики Мордовия и Псковской области за 2017–2019 годы» // Счетная палата Российской Федерации. 2020. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/87f/87ff59821597fb245b4e7505bd5f3725.pdf> (дата обращения: 22.12.2021).

*Таблица. Позиции Республики Мордовия по отдельным показателям рейтинга регионов по качеству жизни\**

*Table. Positions of the Republic of Mordovia on individual indicators of the Rating of Regions by quality of life*

Показатели / Indicators	Место / Rating		
	2019	2017	2015
Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг / Monetary income of the population to the cost of a fixed set of consumer goods and services	76	78	76
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума / Share of the population with incomes below the subsistence level	73	69	71
Естественный прирост (убыль) населения / Natural increase (decrease) of the population	68	70	72
Абсолютный объем производства товаров и услуг / Absolute output of goods and services	59	61	60
Объем инвестиций в основной капитал на одного жителя / The volume of investments in fixed assets per inhabitant	62	52	32
Оборот малых и микропредприятий и индивидуальных предпринимателей в расчете на одного жителя / Turnover of small and micro enterprises and individual entrepreneurs per inhabitant	76	71	74
Суммарный оборот малых и микропредприятий и индивидуальных предпринимателей / Total turnover of small and micro enterprises and individual entrepreneurs	68	50	67
Доля автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального и местного значения, отвечающих нормативным требованиям / The share of public roads of regional or intermunicipal and local significance that meet regulatory requirements	74	74	
Число преступлений на 10 000 чел. населения / Number of crimes per 10,000 people	12	11	14

\* Таблица составлена по: Рейтинг регионов России по качеству жизни – 2019.

– неэффективность управления, допущенная в условиях пандемии. Республика испытывала нехватку в коечных местах, лекарственных средствах, каретах скорой медицинской помощи. В Мордовии в условиях пандемии не были предусмотрены дополнительные меры поддержки для физических лиц в отличие от ряда других регионов. Например, в Ульяновской области был разработан пакет мер адресной поддержки семей с детьми, который дополнил федеральный; в Санкт-Петербурге всем детям, получающим финансовую помощь из городского бюджета, выделялись дополнительные денежные средства на приобретение масок, в Мурманской области была введена ежемесячная региональная выплата на детей от 3 до 7 лет и т. д. В республике были предусмотрены меры по поддержке малого и среднего бизнеса, включающие продление сроков уплаты налогов и предоставления отчетности, за-

прет на проверки, взыскания и санкции со стороны Федеральной налоговой службы и других органов контрольно-надзорной деятельности, мораторий на налоговые санкции, снижение тарифов по страховым взносам; предоставлялись беспроцентные кредиты на выплату заработной платы, была расширена программа льготного кредитования малого и среднего бизнеса, вводилась отсрочка по взносам, кредитам и аренде и др.<sup>8</sup> Однако принятые меры, несмотря на их внушительный список, имели весьма спорный эффект, так как многие предприятия оказались на грани банкротства, особенно в условиях продления режима самоизоляции;

– отсутствие позитивных изменений и снижение уровня жизни населения региона по ряду показателей. По данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг», в 2019 г. Мордовия занимала 51-е место среди регионов по качеству жизни<sup>9</sup>, в

<sup>8</sup> См.: Меры поддержки бизнеса в условиях сложной эпидемиологической обстановки // Минэкономики Республики Мордовия. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/support-measures-of-the-republic-of-mordovia/index.php> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>9</sup> См.: Рейтинг регионов России по качеству жизни – 2019 // РИА Рейтинг. URL: [http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life\\_2019.pdf](http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2019.pdf) (дата обращения: 22.12.2021).

2018 – 44-е, в 2017 – 46-е, в 2016 – 45-е, в 2015 – 48-е, в 2014 г. – 49-е. Позиции региона в 2019 г. по отдельным показателям, учитываемым при расчете данного рейтинга, представлены в таблице.

Согласно представленным данным, произошло снижение большинства позиций. Стабильно позитивные показатели фиксируются в группе «Безопасность проживания», в частности по числу преступлений на 10 000 чел. населения, низкие показатели – в группах «Уровень доходов населения», «Демографическая ситуация», «Уровень экономического развития», «Уровень развития малого бизнеса»;

– стабильно низкий уровень заработных плат в Мордовии. В 2019 г. республика занимала 82-е место в Рейтинге российских регионов по уровню зарплат (РИА Рейтинг), при этом «доля работающих с зарплатой выше 100 000 руб. в месяц» составляла 0,9 %; «доля работающих с заработной платой ниже 15 000 руб. в месяц» – 22,6; самые распространенные зарплаты в регионе варьировались в диапазоне от 15 000 до 30 000 руб.<sup>10</sup> В подобном рейтинге в 2018 г. Мордовия стояла на 80-м месте. По данным Росстата «О размере средней заработной платы» по регионам ПФО, Мордовия занимала последнюю позицию с суммой 25 888 руб. Также в число аутсайдеров вошли Саратовская область – 26 047 руб., Чувашия – 26 271 руб. и Марий Эл – 26 938 руб. Лидером оказался Татарстан, средняя заработная плата в котором составляла 34 407 руб.<sup>11</sup>;

– напряжение на рынке труда из-за коронакризиса. В 2020 г. незначительно, но увеличилось количество безработного населения: Мордовия заняла 46-е место в Рейтинге регионов по уровню безработи-

цы (РИА Рейтинг) с показателем 4,7 %<sup>12</sup>. Изменение к аналогичному периоду 2018–2019 гг. составило 0,2 пункта. Ухудшение ситуации на рынке труда в регионе, как и во многих других субъектах, было связано с пандемией COVID-19. Так, в Государственной программе развития рынка труда и улучшения условий труда в Республике Мордовия среди прочих проблем отмечается сокращение спроса на рабочую силу. Если в 2019 г. численность вакансий, заявленных работодателями в службу занятости, составляла 71,4 тыс. ед., то в 2020 г. – 58,9 тыс. ед. По сравнению с 2019 г. количество вакансий уменьшилось на 17,4 %, а численность зарегистрированных безработных с января по сентябрь 2020 г. увеличилась в 4 раза<sup>13</sup>;

– высокая миграционная убыль населения. В Демографическом рейтинге регионов – 2021 (РИА Рейтинг) Мордовия вошла в число аутсайдеров, заняв 81-е место (из 85): убыль населения за 2018–2020 гг. составила 3,2 % (за 2017–2019 гг. – 2,3 %), естественный прирост населения – 15,9 тыс. чел. (за 2017–2019 гг. – 12,6 тыс. чел.), миграционный прирост – 9,6 тыс. чел. (за 2017–2019 гг. – 5,4 тыс. чел.)<sup>14</sup>;

– проблемы, связанные с реализацией национальных проектов. Не все национальные проекты выполнялись на должном уровне. Было отмечено нецелевое использование бюджетных средств. В 2019 г. в рамках государственной программы «Развитие автомобильных дорог» и соответствующих региональных проектов в Саранске было отремонтировано несколько объектов на сумму 9 млн руб., хотя их финансирование не предусматривалось; следствием стало возбуждение уголовно-

<sup>10</sup> См.: Рейтинг российских регионов по уровню зарплат – 2019 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191202/1561756977.html> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>11</sup> См.: Средняя зарплата по регионам России в 2019 году // Курс денег. URL: <https://kurs.com.ru/novost/41817-srednjaja-zarplata-po-regionam-rossii-v-2019-godu> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>12</sup> См.: Рейтинг регионов РФ по уровню безработицы – 2020 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200317/630157723.html> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>13</sup> См.: Государственная программа развития рынка труда и улучшения условий труда в Республике Мордовия (в ред. Постановления Правительства Республики Мордовия от 30.04.2021 № 188) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/438849071> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>14</sup> См.: Демографический рейтинг регионов – 2021 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210405/naselenie-1603926231.html> (дата обращения: 22.12.2021).

го дела<sup>15</sup>. За 2020 г. по проекту «Безопасные и качественные автомобильные дороги» не было освоено 243 млн руб., данные средства были возвращены в федеральный бюджет<sup>16</sup>;

– проблемы в спортивной сфере, низкая эффективность использования наследия чемпионата мира по футболу 2018 г., в частности стадиона «Мордовия Арена». Одно из традиционных направлений позиционирования региона – «Мордовия – территория спорта». Властями предпринимались усилия по формированию спортивной инфраструктуры для популяризации массового спорта, продвигался спорт высоких достижений, практиковалось проведение разноуровневых, в том числе всероссийских и международных, спортивных соревнований. Однако негативные имиджевые факторы нивелировали данную работу. Во-первых, это допинговые скандалы в спортивной ходьбе, долгое время являвшейся символом региона, массовая дисквалификация ведущих спортсменов-ходоков и пожизненная дисквалификация заслуженного тренера России, почетного гражданина Республики Мордовия В. М. Чегина. Во-вторых, банкротство футбольного клуба «Мордовия» из-за отсутствия финансирования; команда клуба периодически выступала главным ньюсмейкером спортивной общестственности в связи с задолженностями по зарплатам футболистам. В-третьих, признание экспертами стадиона «Мордовия Арена» «самым бессмысленным зданием в России» и «неподъемным наследием ЧМ-2018», так как сооружение не смогло выйти на самоокупаемость;

– коррупционные скандалы. Рост преступлений коррупционной направленности отмечается в регионе с 2010 г. Так, если в 2005 г. Министерством внутренних дел по Республике Мордовия было выявлено 210 таких преступлений, то в 2010 – 288, в 2011 – 361, в 2012 г. – 505 [19]. В

2019 г., по данным Генеральной прокуратуры РФ, Мордовия совместно с Чувашей и Камчатским краем вошла в тройку самых коррупционных регионов России. В местных СМИ данный факт интерпретировался как свидетельство «активной и скоординированной работы правоохранительных органов по выявлению подобного рода преступлений». Однако федеральными СМИ Мордовия стала позиционироваться как «коррупционный центр страны».

Первоочередные меры врио Главы Республики Мордовия были сосредоточены на решении вопросов государственного долга: началось активное взаимодействие с федеральным центром по вопросу долговой реструктуризации, в частности прорабатывалась возможность полного рефинансирования коммерческого долга республики за счет бюджетных кредитов. Предложения А. А. Здунова были поддержаны Президентом РФ В. В. Путиным, который отметил, что «проблема [закредитованности] известна, досталась в наследство... Ограничения, которые с этим связаны, конечно, носят искусственный характер»<sup>17</sup>. Как результат – были сняты обязательства по единовременной выплате республикой 15,8 млрд руб. за нарушение бюджетного законодательства предыдущих периодов, сохранен «комфортный» график выплаты по кредитам до 2029 г., с 5,3 млрд до 3,7 млрд руб. сокращена просроченная кредиторская задолженность, с 8,5 до 5,25 % снижена ставка по части коммерческих кредитов. Были внесены изменения в государственную программу повышения эффективности управления государственными финансами в Республике Мордовия, в частности утверждены такие подпрограммы, как «Эффективное использование бюджетного потенциала», «Управление государственным долгом Республики Мордовия», «Повышение эффективности

<sup>15</sup> См.: В Мордовии из-за ремонта дорог по нацпроекту возбуждено уголовное дело // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/3279225.html> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>16</sup> См.: Артём Здунов отправил в отставку Правительство Мордовии // Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия. URL: <https://e-mordovia.ru/glava-rm/novosti/artem-zdunov-otpravil-v-otstavku-pravitelstvo-mordovii> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>17</sup> Путин пообещал помочь Мордовии решить проблему закредитованности // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12160855> (дата обращения: 22.12.2021).

межбюджетных отношений», «Управление государственным имуществом Республики Мордовия».

По итогам 2020 г. доходы республики возросли с 24,0 млрд до 25,1 млрд руб. Она заняла 8-е место среди регионов России, в которых бюджет был исполнен с максимальным профицитом, составившим 1,8 млрд руб., или 3 % к доходной части. Была поставлена задача сократить в 2021 г. проценты и платежи на 30 %<sup>18</sup>.

В порядке усиления мер по защите здоровья граждан и борьбе с коронавирусной инфекцией был увеличен коечный фонд, ускорились темпы вакцинации, стабилизировалась обстановка с лекарственными средствами.

Важным направлением работы нового руководства стала оптимизация административного аппарата. 26 февраля 2021 г. указом Главы Республики Мордовия было отправлено в отставку правительство республики с формулировкой, озвученной на очередной сессии Государственного Собрания РМ: «Председатель правительства, отдельные представители профильных министерств практически самоустранились от решения накопленных проблем. Правительство республики не имеет плана выхода из создавшегося положения»<sup>19</sup>. 15 апреля 2021 г. был подписан указ об объединении Администрации Главы РМ и Аппарата Правительства РМ с целью оптимизации органов государственной власти и исключения дублирования функций.

Взято направление на обновление региональных органов власти через активизацию системы социальных лифтов. Для этого Администрацией Главы РМ совместно с платформой автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» был инициирован республиканский кадровый проект «Моя Мордовия», ориентированный на привлечение в государственное управление высокопрофессиональных кадров из разных сфер деятельности и формирование результативных управленческих команд.

40 победителей проекта составили так называемый региональный кадровый резерв, из которого производятся назначения на посты в органы исполнительной власти разного уровня. Например, министром лесного, охотничьего хозяйства и природопользования РМ был назначен А. А. Ларькин, заместителем министра юстиции РМ – А. П. Назаров и т. д.

Продолжила развиваться широкая антикоррупционная кампания, затронувшая и экс-руководителей региональных органов власти и управления, а также местного самоуправления.

Для комплексного решения проблем республики А. А. Здунов представил Президенту РФ В. В. Путину предложения по оздоровлению финансовой системы региона. Одно из них касалось совместной с Правительством РФ разработки отдельной программы социально-экономического развития по примеру Кемеровской области.

Проведена ревизия и взят курс на апгрейд традиционных направлений имиджевого позиционирования региона. Так, образ «спортивный регион» ориентирован на возрождение популярных в республике видов спорта: спидвея, футбола. Заявлено о возобновлении проведения ряда спортивных мероприятий, например малых Олимпийских игр Республики Мордовия. Предложено отказаться от «гигантомании» в строительных программах в целом и в строительстве спортивных сооружений в частности.

В развитии отраслей перспективной экономической специализации сделан акцент на развитие туризма посредством разработки туристических маршрутов для жителей республики и внешних целевых групп, отвечающих современным критериям, улучшение инфраструктуры гостеприимства, активное включение в работу органов местного самоуправления и привлечение частного капитала. Так, на территории Темниковского района республики продолжено развитие паломническо-туристического кластера

<sup>18</sup> См.: Путин согласился на новую реструктуризацию долгов регионов // РБК. 2021. 21 апр. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/04/2021/607fe7299a79470399740d5e> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>19</sup> Артём Здунов отправил в отставку Правительство Мордовии.

«Саранск – Темников – Санаксарь», который в 2021 г. вошел в состав действующего проекта «Арзамас – Дивеево – Саров». В Атяшевском районе за счет привлечения частных инвестиций открыт горнолыжный комплекс «Каменка». Активно ведется работа по налаживанию конструктивного взаимодействия в сфере туризма с другими регионами. В частности, в 2021 г. подписано соглашение о сотрудничестве с губернатором Нижегородской области Г. С. Никитиным.

Особое внимание уделяется привлечению внешних инвестиций в регион и созданию дополнительных рабочих мест для населения республики.

*Компоненты имиджа.* В целом имидж А. А. Здунова консервативен. Поведение спокойное, уравновешенное. Артём Алексеевич предпочитает официально-деловой стиль одежды и практичный casual: классические приталенные брюки, однотонную рубашку, пиджак, иногда галстук, черные туфли. Визитной карточкой политика стал пиджак в клетку. Речь грамотна, тщательно подготовлена. Не наблюдается существенной разницы между спланированной и спонтанной коммуникацией. Отмечается верное дикционное произношение, в речи практически не используются нелегитимные слова. В вербальной составляющей акцентируются темы деятельности во благо региона, улучшения его социально-экономического состояния, выхода из кризиса.

Имеет спортивное телосложение, любит играть в хоккей, футбол. Может выполнить нестандартное действие для политика, например провести экскурсию для школьников, поработать на комбайне, сняться в ролике для «ТикТока» с активистами Российского движения школьников и др. Также позиционируется готовность главы к диалогу с гражданским обществом, в том числе в формате «один на один».

*Продвижение и сопровождение имиджа.* Артём Алексеевич является актив-

ным пользователем социальных сетей, он имеет аккаунты в «Телеграме»<sup>20</sup>, «ВКонтакте»<sup>21</sup>, «Одноклассниках»<sup>22</sup>.

Контент аккаунта в «Телеграме» самый разноплановый: новостной, информационный, вовлекающий, эпидейктический, личный и др. Практически ежедневно выставляются посты о достижениях и успехах региона, личных встречах с другими политическими и общественными деятелями, поездках по районам и посещении различных предприятий и учреждений, проводимых мероприятиях и соревнованиях и др. Периодически публикуются фотографии с рядовыми горожанами. На телеграм-аккаунт главы подписан 2 281 пользователь<sup>23</sup>. А. А. Здунов в отличие от предшественников выступает лидером общественного мнения региона, публично озвучивая свою позицию относительно актуальных для республики тем.

В социальной сети «ВКонтакте» новости публикуются ежедневно, открыты комментарии, которые позволяют постоянно взаимодействовать с аудиторией. На страницу А. А. Здунова подписаны 4 289 пользователей. Информация дублируется в сети «Одноклассники», где у главы 257 подписчиков.

Институционально продвижением имиджа руководителя региона занимается пресс-служба, которая относится к Администрации Главы РМ и Правительства РМ. Оперативную информацию о действиях А. А. Здунова можно получить на официальном портале органов государственной власти Республики Мордовия<sup>24</sup>. В среднем на странице Главы РМ выкладывается 5–6 новостей в день (присутствуют колебания в диапазоне 13–3), что свидетельствует об информационной стабильности и регулярности. Весь контент тщательно проработан, отвечает требованиям оперативности освещения события. Дни со значимыми информационными поводами (например, рабочий визит заместителя Председателя Прави-

<sup>20</sup> <https://t.me/zdunov>.

<sup>21</sup> [https://vk.com/artem\\_zdunov](https://vk.com/artem_zdunov).

<sup>22</sup> <https://ok.ru/profile/101025516952>.

<sup>23</sup> Здесь и далее данные по социальным сетям приводятся на 1 сентября 2022 г.

<sup>24</sup> <https://e-mordovia.ru>.

тельства Российской Федерации Т. А. Голиковой) сопровождаются более частыми публикациями.

Новостная повестка довольно разнообразна: от официальных встреч с представителями федеральных органов власти и управления, до инспектирования благоустройства дворовых территорий. Благодаря этому формируется образ открытого, внимательного к проблемам республики и отдельного гражданина профессионала, которому интересны разные сферы общественной жизни.

Для анализа позиционирования врио Главы РМ в республиканских СМИ был проведен мониторинг интернет-публикаций в изданиях «Столица С»<sup>25</sup>, «Известия Мордовии»<sup>26</sup>, «МордовМедиа»<sup>27</sup>. Всего с 18 ноября 2020 г. до 18 сентября 2021 г. о деятельности А. А. Здунова было опубликовано 2 525 статей (1 427 материалов в «Столице С», 616 – в «Известиях Мордовии», 482 – в «МордовМедиа»), в среднем 60 статей в месяц, большинство из них имеют нейтрально-информационный контекст.

С руководителем региона существует обратная связь – прежде всего через интернет-приемную на официальном портале органов государственной власти Республики Мордовия<sup>28</sup>, где можно составить обращение. Также можно оставить комментарий под новостями в социальной сети «ВКонтакте». Развивается и такой механизм обратной связи, как организация прямых линий. Например, в августе 2021 г. врио Главы РМ ответил на вопросы жителей Мордовии в прямом эфире, транслируемом пабликами «Республика Мордовия» в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Задать вопрос можно было в личных сообщениях в официальных группах или в комментариях прямого эфира.

Таким образом, А. А. Здуновым достаточно активно используются интернет-технологии для имиджевого пози-

ционирования. Они являются хорошим политическим инструментом для его популяризации и организации связи с общественностью.

*Тип лидера.* Имидж, который создается А. А. Здунову, характеризуется как «лидер-пожарный» (по М. Херманн): он быстро реагирует на актуальные проблемы, способен действовать в сложных условиях. Это обосновано контекстом складывающейся ситуации и необходимостью оперативной работы по решению социально-экономических проблем региона. Позиционируемый лидерский стиль активно-позитивный (по Дж. Барберу). Архетип – «чудотворец», демонстрирующий способность быть защитником нуждающихся, решать практически неразрешимые вопросы, связанные, например, со снижением долговой нагрузки региона, повышением уровня жизни населения, ростом заработных плат, сокращением миграционного оттока молодежи и т. п. Это один из выигрышных для электората типажей, потому что для многих привлекательно «одномоментное светлое будущее»<sup>29</sup>. С другой стороны, неисполнение обещаний в краткосрочной перспективе приведет к разочарованию избирателей.

Расширение положительного образа осуществляется:

а) за счет личного расширения: формируется дополнительный положительный образ «хозяйственник» (по А. Максиму), являющийся распространенным для региональных политиков;

б) через отождествление, т. е. поддержку известных персон, организаций как местного уровня, так и федерального. В качестве лидеров мнений в разное время выступали Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, митрополит Саранский и Мордовский Зиновий, космонавт Герой Российской Федерации В. Дежуров, учредитель Фонда помощи хосписам «Вера» А. Федермессер, режиссер Т. Бекмамбетов, актер С. Дужни-

<sup>25</sup> <https://stolica-s.su>.

<sup>26</sup> <https://izvmor.ru>.

<sup>27</sup> <https://www.mordovmedia.ru>.

<sup>28</sup> <https://e-mordovia.ru/internet-priemnaya/feedback>.

<sup>29</sup> Казарин П. Зеленский – заложник имиджа «чудотворец» // Обозреватель. URL: <https://news.obozrevatel.com/politics/zelenskij-zalozhnik-imidzha-chudotvortsya.htm> (дата обращения: 22.12.2021).

ков, президент Российского футбольного союза А. Дюков, руководитель сборной России по астрономии и астрофизике Б. Эскин, футболисты Д. Аленичев и Е. Титов, мордовские борцы С. Емелин и А. Сурков и др.;

в) посредством выстраивания открытого диалога с гражданским обществом: организуются встречи, брифинги с представителями бизнеса, некоммерческих организаций, журналистами и др., в том числе неформальные;

г) за счет применения проблемно-адресного подхода: «чудотворец» решит все проблемы, потому что он знает как и умеет. В данный контекст вписывается и кандидатская степень: специалист в области экономических наук сможет профессионально разобраться в экономических проблемах региона и найти способы их решения;

д) через принадлежность к «своим»: позиционируется, что А. А. Здунов по национальности мордвин, его предки – выходцы из с. Лобаски Атяшевского района Республики Мордовия. Данное расширение подкрепляется визуальным рядом: периодически в личных аккаунтах в различных социальных сетях публикуются архивные фотографии. В выступлениях часто используется обобщения «мы», «наша республика», «наши предки», «нашим детям здесь жить» и т. п.;

е) через неполитическое расширение образа (семья, увлечения, хобби): транслируется информация об участии в различных спортивных и общественных мероприятиях, акциях, праздниках, неформальных встречах с представителями общественности, например: «вышел на “Лыжню России”», «сыграл в настольный теннис в Больших Березниках», «сыграл в футбол за сборную Мордовии в товарищеском матче с любительским клубом “Амкал”», «в День здоровья сыграл в хоккей и катался на коньках вместе со своей семьей», «принял участие во Всероссийской акции #сохранимлес», «посетил фермер-

скую ярмарку в Саранске», «на субботнике в Экопарке», «встречи за утренним кофе с экспертами клуба “Моя Мордовия”» и т. д.

В начале деятельности на посту врио Главы РМ отсутствовало политическое расширение за счет партийной принадлежности. Не транслировался ожидаемый многими сценарий принадлежности к партии власти, характерный для многих российских регионов. Однако в июне 2021 г. пресс-службой Главы РМ было распространено сообщение, что Артём Алексеевич «принял решение... возглавить список кандидатов от партии “Единая Россия” на выборах в Госсобрание»<sup>30</sup>. Таким образом появилась возможность использовать в избирательной кампании все ресурсы партии, показать, что врио главы готов к налаживанию отношений внутри политической элиты. В то же время эксперты интернет-газеты «Бизнес Online» считают, что данный факт сыграет роль в усилении фундаментализации проблемы доверия населения Мордовии власти<sup>31</sup>.

Дополнительной линией позиционирования является типаж «человек власти», который активно использовался и предыдущими руководителями региона. А. А. Здунов имеет хороший контакт с федеральным центром, в частности с Президентом РФ. Согласно закону сложения имиджей положительный имидж Президента России втянет в орбиту и усилит образ Главы Республики Мордовия.

*Миф.* Используется образ «герой-спаситель», являющийся традиционным для политической мифологии и считающийся наиболее выигрышным для политика: «борец во имя справедливости, приносящий свою жизнь в жертву во имя идеалов» [4, 52]. Через данный образ можно показать незаурядные способности хорошего управленца, высокие моральные качества, позволяющие «любить и защищать свой народ». Вспомогательным выступает архетип «слуга народа», что четко прослеживается в высказываниях А. А. Здунова:

<sup>30</sup> Врио главы Мордовии Здунов заявил, что пойдет на выборы от ЕР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210615/zdunov-1738300903.html> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>31</sup> См.: Хуже всех – Артёму Здунову: ждать ли сюрпризов от джонины губернаторских выборов? // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/517097> (дата обращения: 22.12.2021).

«Нужно сделать так, чтобы люди ощущали чуткое отношение к себе»<sup>32</sup> и т. п.

*Антиобраз.* Основными элементами отстройки от имиджа А. А. Здунова являются «путинский ставленник», «политический варяг». Еще одной коннотацией антиобраза является слабая привязка к категории «свой». Ряд экспертов и представителей властных элит делают акцент на том, что глава не родился в Мордовии, не учился и не работал в ней до своего назначения, а потому «он не знает специфических черт региона, не знает его особенностей и колорита». Осложняет данные антиобразы эффект так называемого «кадрового гастролерства», выраженного в том, что А. А. Здунов приводит с собой собственную команду. Например, Л. Ф. Сабиров, бывший советник Председателя Правительства Республики Дагестан по вопросам здравоохранения и социальной политики, стал заместителем Руководителя Администрации Главы Республики Мордовия и Правительства Республики Мордовия; И. Р. Хайруллин, в прошлом первый заместитель министра транспорта и дорожного хозяйства Республики Татарстан, заместитель Председателя Правительства Республики Дагестан, стал исполняющим обязанности заместителя Председателя Правительства Республики Мордовия.

*Заповедь.* В высказываниях А. А. Здунов ориентирован на конкретные дела: «Делами, а не призывами, мы сможем вернуть подорванное доверие людей к власти»<sup>33</sup>. Присутствует понимание поэтапности достижений: «Высокие результаты у нас еще впереди! Мы только начинаем работать»<sup>34</sup>, проявляется ориентация на активное взаимодействие с населением: «...поближе к людям будьте... В этой жизни нет мелочей, особенно если речь идет о людях, об их комфортном проживании»<sup>35</sup>.

Персонифицированная составляющая имиджа Мордовии прежде всего связана с имиджем и деятельностью Н. И. Меркушкина, В. Д. Волкова, А. А. Здунова на посту высшего должностного лица республики. Контекст социально-экономической ситуации начала «эпохи созидания» по ряду параметров сходен с текущим моментом: проблемы в экономической сфере, дефицит бюджета, низкий уровень жизни населения и др. Похожи и типажи имиджей Н. И. Меркушкина и А. А. Здунова: «лидер-пожарный» – управленец, эффективно действующий в сложных условиях и оперативно реагирующий на вызовы и проблемы.

Позиционирование В. Д. Волкова определялось базовой установкой «пре-емственность»: «Меркушкин и Волков – одна команда». Вначале позиция имиджевого суммирования была целесообразной и гармоничной, но после широкой информационной кампании, направленной против Н. И. Меркушкина как губернатора Самарской области, данная корреляция стала восприниматься отрицательно и негативно влиять на имидж В. Д. Волкова.

Образ А. А. Здунова является оптимальным и достаточно эффективным, так как не противоречит действующим политическим мифам, сформировавшейся в обществе системе ценностей, текущим интересам и потребностям людей.

В целом формирование имиджа А. А. Здунова происходит прежде всего на основе технологий использования социально-психологического феномена «контраста»: транслируются кардинальное отличие нового лидера от предшественников и «эффект новизны» для региональной политики (активен, жесток в кадровой по-

<sup>32</sup> Артём Здунов: «Чтобы люди ощущали чуткое отношение к себе» // Комсомольская правда. Пенза. URL: <https://www.penza.kp.ru/online/news/4105727> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>33</sup> «Единая Россия» выдвинула Артёма Здунова кандидатом на пост Главы Мордовии // Известия Мордовии. URL: <https://izvmor.ru/novosti/politika/edinaya-rossiya-vydvynula-artyoma-zdunova-kandidatom-na-post-glavy-mordovii> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>34</sup> Артём Здунов: «Я – трудоголик!» // Известия Мордовии. URL: <https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/artyom-zdunov-ya-trudogolik/> (дата обращения: 22.12.2021).

<sup>35</sup> Артём Здунов: «Гигантомания Мордовии не по карману. И людям она не нужна!» // Известия Мордовии. URL: <https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/artjom-zdunov-na-soveshchani-po-stroitelnoj-otrasli-gigantomaniya-mordovii-ne-po-karmanu-i-lyudyam-ona-ne-nuzhna> (дата обращения: 22.12.2021).

литике, оперативен в принятии решений, открыт для контакта с населением, в частности через социальные сети, и др.). Кроме того, применяются разнообразные инструменты политической мобилизации: целевая аудитория гетерогенная, при этом для каждой возрастной и социальной группы используются свой PR-инструментарий и достаточно широкий спектр техник мобилизации. Наконец, персональные характеристики (в том числе внешность, возраст, активность, энергичность, темперамент,

стиль принятия решений, умение произвести впечатление сильного, уверенного в себе человека, вызвать доверие и т. п.) и символические параметры (биография, совокупность воззрений на вопросы развития региона и т. п.) ориентированы на ожидания населения региона. Все это позволило создать задел для формирования персонального бренда А. А. Здунова как «народного губернатора», нацеленного на сотрудничество с гражданским обществом.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакина Ю. В., Товкес М. Ю. Лингвистические средства конструирования образа женщины-политика (на материале микроблога Твиттер) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16, вып. 3. С. 381–399. DOI: 10.21638/spbu09.2019.304.
2. Барков С. А., Дорохина О. В., Маркева А. В., Максимов А. А. Династии и фамильные бренды в политической сфере постиндустриального общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2020. № 4. С. 801–820. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-801-820.
3. Вагоропин А. С., Семина М. С. Имидж главы субъекта РФ как лидера общественного мнения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 2. С. 77–80.
4. Воеводина Л. Н. Структура мифологического образа и социальная драматургия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1. С. 50–55.
5. Григорьев Е. В. Актуальные вопросы изучения политического имиджа: проблемы и методология // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 2. С. 79–84.
6. Загайнов А. В. Понятие имиджа политического лидера: сущность и подходы к определению // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, кн. 3. С. 227–240.
7. Зайцева Л. А. Лидеры мнений как средство репрезентации образа Республики Мордовия (2012–2019 гг.) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20, № 4. С. 402–414. DOI: 10.15507/2078-9823.52.020.202004.402-414.
8. Казакова М. Н., Напалкова И. Г. Имидж главы региона как элемент имиджа территории (на примере Республики Мордовия) // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 2. С. 81–104.
9. Куркемова Э. С. Стратегии формирования и трансляции имиджа политиков в сети Интернет // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1. С. 84–89. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-084-089.
10. Кынев А. В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации. Опыт 1991–2018 гг. // Политика. 2019. № 2.

- С. 125–150. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-125-150.
11. Мчедлидзе Л. Г. Современные технологии «черного PR» во внутренней и внешней политике // Молодой ученый. 2018. № 26. С. 136–140.
  12. Напалкова И. Г., Курочкина К. В. Исторический и современный персоно-образ как элемент символического этнонационального капитала Республики Мордовия (2014–2019 гг.) // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 42–61.
  13. Недыхалов Л. А. Оценка эффективности SERM-технологий в формировании имиджа и репутации (на примере губернатора Краснодарского края В. И. Кондратьева) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 1. С. 170–179. DOI: 10.51965/2076-7919\_2021\_1\_1\_170.
  14. Перепечасев И. В., Немец Г. Н. Технологии разработки и продвижения имиджа как PR-продукта // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2019. № 8. С. 67–74.
  15. Розанова Н. Н. Приоритетные ценностные характеристики персонального бренда губернатора (на примере Смоленской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2017. Т. 17, № 4. С. 542–554. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-542-554.
  16. Рябова Т. Б., Рябов О. В. «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 5–13. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.
  17. Скляренко К. В. Политический имидж: к исследованию понятия // Экономика и социум. 2020. № 11. С. 1307–1311.
  18. Темирбулатова М. М., Овчарова Г. Б. Современные подходы к определению содержания понятия «политический имидж» // Теория и практика современной науки. 2017. № 4. С. 792–795.
  19. Трифонова Ю. А., Лизина О. М. Полифакторный анализ коррупции в Республике Мордовия // Контентус. 2017. № 6. С. 1–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polifatornyy-analiz-korrupsii-v-respublike-mordoviya/viewer> (дата обращения: 22.12.2021).
  20. Чернышова Л. В. Некоторые подходы к исследованию понятий политический имидж и сетевой имидж // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2020. № 3. С. 79–84. DOI: 10.17122/2541-8904-2020-3-33-79-84.
  21. Щеглатов А. А. Изучение персонального бренда с позиции социального капитала // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 5. С. 120–123.
  22. Beck D. Old traps and new prospects: Gendered media images of leading female politicians in Germany as evidence for a contested modernization of gender knowledge // The Psychology of Political Communicators: How Politicians, Culture, and the Media Construct and Shape Public Discourse. London, 2018. P. 185–203.
  23. Durántez-Stolle P., Martínez-Sanz R. Politainment in the transmedia construction of the image of politicians // Communication & Society. 2019. Vol. 32, no. 2. P. 111–126.
  24. Geva D. A double-headed hydra: Marine Le Pen's charisma, between political masculinity and political femininity // NORMA. 2020. Vol. 15, no. 1. P. 26–42.
  25. Krogstad A., Storvik A. E. Reconsidering politics as a man's world: Images of male political leaders in France and Norway // Historical Reflections. 2010. Vol. 36, no. 3. P. 19–38.

Поступила 13.01.2022; одобрена 15.02.2022; принята 22.06.2022.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**И. Г. Напалкова** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, [zamisi@yandex.ru](mailto:zamisi@yandex.ru), <http://orcid.org/0000-0003-3896-1600>

**Р. В. Маньчев** – научный сотрудник НОЦ «Политический анализ территориальных систем» Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, [r.manchev@yandex.ru](mailto:r.manchev@yandex.ru), <http://orcid.org/0000-0002-7655-6721>



# Features of the formation and promotion of the image of the head of the region: on the example of the Republic of Mordovia (1995–2021)

Irina G. Napalkova  
Roman V. Manchev

National Research Mordovia State University,  
Saransk, Russia

**Introduction.** The constructive image of a territory in the modern world determines its competitiveness and the possibility of various preferences in the form of subsidies from the federal center, investments from business, an increasing tourist flow, etc. Building the image is a complex process of interference of evolutionary and historical development and the existing background. The visual appearance of the regions and its transformation are associated with the images of the head/governor who acts both as the subject and the object of image-making.

**Materials and Methods.** The methodology was based on historical-evolutionary, axiological and hermeneutic approaches, comparative, systemic and structural-functional analysis. As an applied method, the Internet monitoring of regional media publications was performed for 2020–2021.

**Results and Discussion.** The article considers the evolution and continuity in the formation and promotion of the image of the head of the region at the present stage of development of the state and society. The role of the personified component in the regional image is shown. The Republic of Mordovia, which is in a state of transformation of power elites, was chosen for a case study. It analyzed the image types of the heads of the region from 1995 to 2020 were analyzed an image map of the Acting Head of the Republic of Mordovia A. A. Zdunov was compiled, within which the main lines of image person-positioning were studied, as well as the vectors of territory promotion updated by him.

**Conclusion.** The authors come to the conclusion that the image type “leader-firefighter” is being promoted in the Republic of Mordovia, which is demanded by the difficult socio-economic situation of the region. The expansion of the image is carried out by means of a type of “business executive”, due to belonging to the party of power and personal characteristics. There is also an active detuning from the image of the previous leaders of the region. In particular, the work on the formation of public opinion has been strengthened, information activity and prompt response to modern development challenges are demonstrated.

**Keywords:** image, imageology, political technologies, region, leader, positioning, promotion, Republic of Mordovia, Head of RM, N. I. Merkusshkin, V. D. Volkov, A. A. Zdunov

**For citation:** Napalkova IG, Manchev RV. Features of the formation and promotion of the image of the head of the region: on the example of the Republic of Mordovia (1995–2021). *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2022;14;3:315–331. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.315-331.

## REFERENCES

- Balakina JV, Toykes MYu. Linguistic means of constructing the image of a female-politician (on the example of the microblog Twitter). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura = Vestnik of Saint-Petersburg University. Language and Literature*. 2019;16;3:381–399. (In Russ.). DOI:10.21638/spbu09.2019.304.
- Barkov SA, Dorokhina OV, Markeeva AV, Maximov AA. Dynasties and brand names in the political sphere of the post-industrial society. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*. 2020;4:801–820. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-801-820.
- Vatoropin AS, Semina MS. Image of a regional governor in Russian Federation as a public opinion leader. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series “Social Sciences and the Humanities”*. 2015;15;2:77–80. (In Russ.)
- Voevodina LN. The structure of the mythological image and social dramaturgy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2012;1:50–55. (In Russ.)
- Grigoriev EV. Current issues in the study of the political image: problems and methodology. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby = The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2012;2:79–84. (In Russ.)
- Zagainov AV. Concept and essence of definition the image of the political leader. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.:*

- Gumanitarnye nauki* = Proceedings of Kazan University. Humanities Series. 2007;149;3:227–240. (In Russ.)
7. Zaytseva LA. Public opinion leaders as a means of representing the image of the Republic of Mordovia. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2020;20;4:402–414 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.052.020.202004.402-414.
  8. Kazakova MN, Napalkova IG. The image of the head region as an element of the image of the territory (on the example of Republic of Mordovia). *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniia* = Humanitarian, political and legal studies. 2019;2:81–104. (In Russ.)
  9. Kurkemova ET. Strategies for shaping and broadcasting the image of politicians on the Internet. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2021;1:84–89. (In Russ.). DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-084-089.
  10. Kynev AV. Phenomenon of governors-“outsiders” as indicator of recentralization. Experience of 1991–2018 years. *Politiia* = Politeia. 2019;2:125–150. (In Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-125-150.
  11. Mchedlidze LG. Modern technologies of “black PR” in domestic and foreign policy. *Molodoi uchenyi* = Young Scientist. 2018;26:136–140. (In Russ.)
  12. Napalkova IG, Kurochkina KV. Historical and modern personality and image as an element of symbolic ethnonational capital of the Republic of Mordovia (2014–2019). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;1:42–61. (In Russ.)
  13. Nedykhalov LA. Estimation of SERM technologies efficiency in the formation of the image and reputation (on the example of the Governor of Krasnodar Region V. I. Kondratiev). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* = Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev. 2021;1;1:170–179. (In Russ.). DOI: 10.51965/2076-7919\_2021\_1\_1\_170.
  14. Perepechayev IV, Nemets GN. Technologies for the development and promotion of the image as a PR product. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* = Scientific Works of the Kuban State Technological University. 2019;8:67–74. (In Russ.)
  15. Rozanova NN. Priority value characteristics of the governor’s personal brand (on the example of the Smolensk Region). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya* = RUDN Journal of Sociology. 2017;17;4:542–554. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-542-554.
  16. Riabova TB, Riabov OV. “Not a boy, but a man”: on the gender-age stereotypes in politics. *Zhen-shchina v rossiiskom obshchestve* = Woman in Russian Society. 2020;4:5–13. (In Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.
  17. Skliarenko KV. Political image: to the study of concepts. *Ekonomika i sotsium* = Economy and society. 2020;11:1307–1311. (In Russ.)
  18. Temirbulatova MM, Ovcharova GB. Modern approaches to the definition of the content of the concept of “political image”. *Teoriia i praktika sovremennoi nauki* = Theory and practice of modern science. 2017;4:792–795. (In Russ.)
  19. Trifonova IuA, Lizina OM. Multifactor analysis of corruption in the Republic of Mordovia. *Kontentus* = Kontentus. 2017;6:1–12. (In Russ.)
  20. Chernyshova LV. Some approaches to the study of concepts political image and network image. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika* = Bulletin of the Ufa State Oil Technical University. Science, education, economics. Series: Economy. 2020;3:79–84. (In Russ.). DOI: 10.17122/2541-8904-2020-3-33-79-84.
  21. Scheglatov AA. Study of personal brand from the position of social capital concept. *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava)* = Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy (Baikal National University of Economics and Law). 2011;5:120–123. (In Russ.)
  22. Beck D. Old traps and new prospects: Gendered media images of leading female politicians in Germany as evidence for a contested modernization of gender knowledge. *The Psychology of Political Communicators: How Politicians, Culture, and the Media Construct and Shape Public Discourse*. London; 2018:185–203.
  23. Duránte-Stolle P, Martínez-Sanz R. Politainment in the transmedia construction of the image of politicians. *Communication & Society*. 2019;32;2:111–126.
  24. Geva D. A double-headed hydra: Marine Le Pen’s charisma, between political masculinity and political femininity. *NORMA*. 2020;15;1:26–42.
  25. Krogstad A, Storvik AE. Reconsidering politics as a man's world: Images of male political leaders in France and Norway. *Historical Reflections*. 2010;36;3:19–38.

Submitted 13.01.2022; reviewing 15.02.2022; accepted 22.06.2022.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**I. G. Napalkova** – Candidate Sc. {History}, Associate Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, zamisi@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3896-1600>

**R. V. Manchev** – Research Fellow, Reserach and Educational Center “Political Analysis of Territorial Systems”, National Research Mordovia State University, r.manchev@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7655-6721>



## Востребованность современных форм сохранения социокультурного наследия села: опыт музейно-культурного центра «Дом традиций» (с. Паракино Большеберезниковского района Республики Мордовия)

**Алена Александровна Антипова**  
**Елена Николаевна Касаркина**

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,  
Саранск, Россия*

**Введение.** Статья основана на результатах опроса, проведенного в ходе исполнения проекта «МОЁ СЕЛО: от культурных традиций к гражданским инициативам». Проект представляет собой масштабирование успешной муниципальной практики музейно-культурного центра «Дом традиций» с. Паракино Большеберезниковского района Республики Мордовия на районный уровень. Востребованность проекта обусловлена динамикой и спецификой социокультурного запроса общества – «поиск себя» через растущий интерес к родословной, культуре и традициям, к национальной кухне, спрос на экологический, рекреационный и этнографический туризм, приводящий человека в «свое село», в родительский дом, очаг, что имеет стратегически важное значение для сохранения села, российской культуры, самобытности и суверенности.

**Материалы и методы.** Материалом послужили данные анкетного опроса, проведенного с целью оценки востребованности гражданских инициатив как фактора развития культурных традиций на селе и способов их актуализации в современном социуме. Методология исследования включает сочетание гуманитарных подходов (синергетического, аксиологического, структурно-функционального, антропологического, герменевтического, исторического, коммуникативного, институционального, системного), а также методы статистической обработки и качественного анализа полученных результатов.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Выявлено мнение потенциальных и актуальных участников проекта о реализации практики «Дом традиций» в муниципальном районе; достигнутых результатах, перспективах и первоочередных задачах, которые нужно будет решать при тиражировании накопленного опыта в других селах, о проблемах, которые могут препятствовать успешности реализации подобного проекта.

**Заключение.** Эмпирически обоснованы результаты и социальные эффекты практической деятельности «Дома традиций». Основные положения и выводы работы могут быть использованы в ходе дальнейшего исследования социальных проблем современного российского села и способов их решения, роли гражданских инициатив в сохранении культурных традиций.

**Ключевые слова:** село, культурное наследие, традиции, музейно-культурный центр, социальные проблемы, поддержка

**Благодарности:** Исследование выполнено при поддержке гранта Президентского фонда культурных инициатив на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий в рамках научного проекта № ПФКИ-21-1-002537 «МОЁ СЕЛО: от культурных традиций к гражданским инициативам».

**Для цитирования:** Антипова А. А., Касаркина Е. Н. Востребованность современных форм сохранения социокультурного наследия села: опыт музейно-культурного центра «Дом традиций» (с. Паракино Большеберезниковского района Республики Мордовия) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 332–345. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.332-345.

### Введение

В современных условиях село находится в состоянии затяжного системного кризиса, а большинство сельских жителей пребывают в состоянии отсутствия надежды на лучшее и перспектив дальнейшего

проживания в своем селе, потери прежних ценностей и ориентиров, неясности планов на будущее. Такое состояние стало негативным результатом социально-экономических преобразований последних

десятилетий, в которые не вписывался традиционный сельский уклад жизни, что привело к возникновению множества специфических как экономических, так и социокультурных проблем, характерных именно для сельских территорий.

Одним из важнейших механизмов преодоления сложившейся ситуации представляются инициативы и практики, зарождающиеся непосредственно на местах. Именно с помощью подобных технологий можно акцентировать внимание на тех проблемах, которые наиболее актуальны для конкретного села, местности. Примером такой муниципальной практики является проект музейно-культурного центра «Дом традиций», реализованный Мордовской региональной общественной организацией развития сельских территорий (МРОО) «Новое село» в с. Паракино Большеберезниковского района Республики Мордовия в 2019–2020 гг. при поддержке Фонда президентских грантов. Реализация практики «Дом традиций» последовательно привела сельскую территорию к социальной и экономической активности: в Паракине были созданы предприятия общественного питания, производства полуфабрикатов, центр ремесел, сельскохозяйственный кооператив, туристический маршрут.

Опыт данной муниципальной практики и его положительная оценка со стороны общественности и жителей села показали, что подобную деятельность полезно распространять на другие села, так как развитие сельской местности требует новых социокультурных вливаний, через которые оно и получает импульсы создания новых, конкурентных форм жизнедеятельности. Проект «МОЁ СЕЛО: от культурных традиций к гражданским инициативам» направлен на тиражирование реализованных в Паракине муниципальных практик в других селах Большеберезниковского района Республики Мордовия. Цель проекта – создание интерактивных информационных центров накопления, сохранения и трансляции данных по истории и культуре села для консолидации сообществ сел, повышения их социальной активности, направленной на сохранение и развитие малой родины.

Для оценки востребованности гражданских инициатив как фактора развития культурных традиций на селе и разработки рекомендаций по масштабированию успешной муниципальной практики музейно-культурного центра «Дом традиций» с. Паракино на районный уровень в рамках проекта было выполнено исследование. Оно представляло собой анкетный опрос, который проводился в декабре 2021 – марте 2022 г. в рамках второго этапа реализации проекта «МОЁ СЕЛО: от культурных традиций к гражданским инициативам» в ходе организуемых семинаров для активистов сел – участников проекта (20 сел Большеберезниковского района Республики Мордовия).

Объектом исследования выступили целевые группы, способные оценить актуальность реализации проекта в сельских поселениях: жители сел Большеберезниковского района; уроженцы сел района, проживающие на других территориях, интересующиеся жизнью малой родины посредством социальных сетей; библиотекари и пользователи Большеберезниковской централизованной библиотечной системы; школы района (учителя, родители); администрация Большеберезниковского муниципального района (специалисты и управленцы); Культурно-досуговый центр Большеберезниковского муниципального района Республики Мордовия (специалисты и управленцы); администрации районов Республики (специалисты и управленцы). Предмет исследования – социокультурное и экономическое развитие сельских поселений через привлечение заинтересованных граждан к мероприятиям по сохранению истории, традиций и культуры малой родины.

Достижение указанной выше цели предполагало решение следующих задач:

изучить особенности развития сельской общины и условия, способствующие повышению социальной активности сельского населения;

рассмотреть тенденции и обосновать перспективы улучшения условий социокультурной жизни на селе;

обосновать факторы, способствующие активизации гражданских инициатив на селе;

аргументировать необходимость применения современных информационно-коммуникационных технологий работы с жителями сел, создания условий для их участия в сохранении историко-культурного наследия малой родины;

обозначить востребованность новых современных форм сохранения социокультурного наследия села, использованные в муниципальной практике «Дом традиций», в аспекте достигнутых результатов и имеющихся перспектив.

Всего опрошено 350 актуальных и потенциальных участников проекта. Основным методом сбора информации послужило анкетирование. Для проведения исследования была разработана анкета.

Научная новизна поставленных задач состоит в том, что проведен концептуальный и эмпирический анализ механизмов реализации масштабируемой практики: обучающих – обучающие семинары, мастер-классы по национальной кухне и по мордовской песне, обучение администраторов созданных в рамках проекта групп в социальных сетях; информационных – размещение информации на информационных ресурсах МРОО «Новое село» и в региональных СМИ, выставки, проведение опроса, размещение информационного баннера; интерактивных – создание групп в социальных сетях, онлайн-общение.

### Обзор литературы

Отдельные аспекты исследуемой проблемы выступали объектом научных изысканий многих ученых.

В последние десятилетия многие отечественные авторы акцентируют внимание на возрастании в сельской местности количества проблем различного характера. Так, С. В. Балтуева [2] и А. А. Полежаева [6] отмечают, что в условиях села ярко выраженных социальных проблем гораздо больше, а их разрешение требует особых затрат. Т. К. Беляева, А. Г. Пухова, изучая проблему алкоголизма и степень ее выраженности в зависимости от места жительства человека, признают, что наиболее остро она стоит в сельских населенных пунктах [3]. Это подтверждается и исследованиями проблемы детско-под-

росткового алкоголизма, проведенными В. В. Дробышевым с соавторами в сельской местности Омской области [5].

На значимость сохранения исторического и социокультурного наследия сельских территорий указывают многие авторы, подкрепляя свою точку зрения примерами конкретных историко-культурных объектов, реализованных проектов. Подобное можно увидеть в трудах С. А. Аксеновой [1], И. И. Широкоград, Т. А. Пакуновой [12], И. В. Цулая [10], А. В. Черноножкина [11] и др.

Исследователи обращают внимание на роль современных форм сохранения социокультурного наследия российских сел в восстановлении и развитии сельских территорий. Так, И. Ш. Дзахмишева, М. В. Блиева отстаивают позицию, что использование природно-ресурсного потенциала имеет стратегическое значение для развития сельских территорий [4]. М. Э. Рябова, опираясь на материалы Республики Мордовия, подчеркивает необходимость сохранения социокультурной идентичности региона в контексте меняющегося мира [7]. Л. А. Сидорова отмечает востребованность в современных условиях, сложившихся в сельской местности, приобщения дошкольников к культурному наследию малой родины [8]. Сходной позиции придерживается А. Ю. Феоктистова, рассуждая о важности формирования интереса молодых жителей села к народным традициям [9].

В зарубежных источниках вопросы сохранения социокультурного наследия также рассматриваются с различных позиций: J. Myklebus, B. Solvang [21], L. Simons, C. Burt, R. Tambling [23], M. Shucksmith [22] актуализируют роль передачи традиционных семейных ценностей следующим поколениям, P. Commins [15], C. Jeffrey, L. McDowell [17], E. Kim [19], H. Vinken [25] делают акцент на значимости специфики местных условий в процессе принятия социокультурного наследия молодым поколением.

Ряд авторов анализируют современное социокультурное разнообразие Республики Мордовия (Е. Г. Коваленко [20]), влияние различных факторов сельской социокуль-

туры на формирование жизненных ориентаций сельских жителей (З. Беднарикова, М. Баворова, Е. В. Понкина [13]; Е. Н. Касаркина, Т. В. Соловьева, Д. А. Бистяйкина, Е. Г. Панькова, А. А. Антипова [18]).

Роль культурной составляющей в развитии современного села раскрывают в своих исследованиях И. А. Белозерова, Е. В. Крикун, М. Г. Давитян [14], Н. Sun, S. Tang [24]. О значимости современных форм передачи подрастающему поколению традиционных сельских ценностей, специфике отношений с природным и культурным достоянием села рассуждает Т. И. Дорохова [16].

### Материалы и методы

Основополагающими для исследования данной темы являются синергетический и системный подходы, которые рассматриваются как междисциплинарная философская рефлексия и методологическая парадигма, объединяющая социально-культурную антропологию, этнологию, философию культуры, социологию культуры, этноэтику. Синергетический подход позволил целостно описать и проанализировать как цели и результаты реализации муниципальной практики музейно-культурного центра «Дом традиций», состоящие в формировании и развитии благоприятного социокультурного пространства в сельской местности для сохранения историко-культурного наследия малой родины и стимулирования интереса к сохранению самобытности, культуры, языка и традиций, так и цели и результаты тиражирования данной деятельности, направленные на решение посредством реализации указанной практики наиболее актуальных социальных проблем современного российского села.

Также особое место в исследовании отводится аксиологическому и институциональному подходам, позволяющим выявить традиционные ценностные доминанты института сельской культуры. Село – это ценность, которая никогда не теряет своей значимости для общества; это особое место, где существуют свои обычаи и традиции, свои идеалы. Сегодня важно сохранять ценности не только материаль-

ные, но и духовные. В сельской субкультуре духовное возвышается над материальным. Село является отражением культуры народа. Оно тесно связано с фольклором, народными традициями, что подтверждает мысль о том, что деревенский быт – исток современной культуры России. Посредством реализации проекта село как оплот духовности и нравственной культуры может взять курс на возобновление своей значимости в умах современных жителей, а вследствие этого начнет возрождаться.

Структурно-функциональный подход позволил осмыслить мероприятия проекта и определить их результативность (функции) для современного социума. Главная функция масштабирования практики «Дом традиций» – создание в селах – участниках проекта места, где гармонично «живут» традиции и современность, прошлое и настоящее во взаимодействии с природой и местным населением. Это место может стать «точкой притяжения», привлечения интереса к селу как со стороны жителей и уроженцев, так и со стороны внешней общественности.

При изучении и актуализации ценностного пространства сельских гражданских инициатив был использован ряд методологических подходов (антропологический, герменевтический, исторический, коммуникативный), благодаря чему была выстроена концептуальная схема познания результатов гражданских инициатив на примере практики «Дом традиций». Практика музейно-культурного центра нацелена прежде всего на решение проблемы разобщенности местного сообщества сел Республики Мордовия, отсутствия механизмов стимулирования сопричастности и участия в развитии малой родины жителей и уроженцев сельских населенных пунктов. Потребность в проведении социально значимых мероприятий в селах обусловлена необходимостью сохранения и популяризации историко-культурного наследия и самобытности сельских территорий; тиражирования механизмов патриотического воспитания, особенно среди молодого поколения, отвечающих современным требованиям к формам коммуникации и распространения информации.

**Результаты исследования  
и их обсуждение**

На основе анализа результатов исследования в первую очередь нами был составлен обобщенный портрет респондентов, который позволяет описать в целом их бытовые и социальные характеристики (табл. 1).

Как показывает обобщенный портрет респондентов, большая их часть представлена лицами среднего и пожилого возраста, проживающими в сельской местности. Значимых различий между группами по полу, образованию и семейному статусу (за исключением состоящих в незарегистрированном браке и вдовых) не выявлено.

Среди главных проблем развития сельских территорий опрошенными были названы:

– социальные-экономические проблемы (97,43 % ответов). Респонденты отмечали, что уровень и качество жизни сельских жителей остаются низкими, также одной из самых низких в стране остается оплата труда на селе. В сельской местности проживает значительное количество людей с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Многие

современные сельские населенные пункты не имеют на своей территории сельскохозяйственных предприятий и других организаций. Население этих сел и деревень вынуждено выезжать на заработки в другие населенные пункты или заниматься исключительно производством сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах;

– демографические проблемы (68,86 % ответов). Респонденты указывали на низкую продолжительность жизни, высокую смертность, низкую рождаемость, рост численности пожилого населения и снижение доли детей и молодежи. Были названы также сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, увеличение доли имеющих намерение покинуть сельские поселения среди людей с высшим или неполным высшим образованием. Во многих населенных пунктах уже сейчас нет постоянно проживающих молодых людей, все люди моложе пенсионного возраста переехали в город и бывают в селе лишь сезонно, «наездами».

Проблема вымирания деревни является одной из самых острых социально-экономических проблем современной России. Ее усугубляют неразвитая инфраструктура, отсутствие коммуникаций в неболь-

*Таблица 1. Обобщенный портрет респондентов*

*Table 1. Generalized portrait of respondents*

Критерий / Criterion	Показатели / Indicators	%
Пол / Gender	Женщины / Female	44,57
	Мужчины / Male	55,43
Возраст / Age	18–21 год / 18–21 y.o.	7,43
	26–29 лет / 26–29 y.o.	9,71
	30–39 лет / 30–39 y.o.	9,71
	40–49 лет / 40–49 y.o.	18,29
	50–59 лет / 50–59 y.o.	26,29
	Старше 60 лет / Over 60 y.o.	28,58
Образование / Education	Среднее / Secondary school	16,86
	Среднее специальное / Vocational	29,14
	Неоконченное высшее / Incomplete higher education	25,43
	Высшее / Higher	28,57
Семейное положение / Family status	Не женат / не замужем / Single	26,29
	Женат/замужем / Married	34,86
	Разведен/разведена / Divorced	30,00
	Незарегистрированный брак / Partner	2,86
	Вдовец/вдова / Widower/widow	6,00
Место жительства / Residency	Город / City	11,71
	Районный центр / Town	18,57
	Село / Village	45,43
	Деревня / Village	24,29

Таблица 2. Оценка респондентами развития сельской территории в Республике Мордовия по 5-балльной шкале (1 – очень плохо, 5 – очень хорошо), % ответов

Table 2. Respondents' assessment of the development of rural areas in the Republic of Mordovia on a 5-point scale (1 – very bad, 5 – very good), % of answers

Показатели / Indicators	Баллы / Points				
	1	2	3	4	5
Развитие жилищного строительства на селе и повышение уровня благоустройства домовладений / Development of housing construction in the countryside and improving the level of improvement of households	11,71	28,86	52,00	5,14	2,29
Содействие занятости сельского населения / Rural employment	5,14	9,14	64,87	11,71	9,14
Развитие инженерной инфраструктуры на сельских территориях / Development of engineering infrastructure in rural areas	11,71	28,86	52,00	5,14	2,29
Развитие транспортной инфраструктуры на сельских территориях / Development of transport infrastructure in rural areas	7,14	35,71	44,29	8,57	4,29
Благоустройство сельских территорий / Improvement of rural areas	8,57	44,29	35,71	7,14	4,29
Развитие социальной инфраструктуры на сельских территориях / Development of social infrastructure in rural areas	28,86	52,00	11,71	5,14	2,29
Всесторонняя поддержка молодежи и молодых семей на сельских территориях / Comprehensive support for youth and young families in rural areas	7,14	35,71	44,29	8,57	4,29
Развитие местного сообщества на сельских территориях / Development of the local community in rural areas	8,57	7,14	35,71	44,29	4,29
Аналитическая и информационная поддержка комплексного развития сельских территорий / Analytical and informational support for the integrated development of rural areas	2,29	5,14	52,00	28,86	11,71

ших селах, безработица, высокие цены, недостаток внимания со стороны власти. Отсутствие инфраструктуры и коммуникаций вынуждает сельских жителей, и прежде всего молодежь, уезжать в город, где есть все удобства и широкий круг предложений на рынке труда. К тому же уровень заработной платы в городе выше, чем в сельской местности, в случае если там есть рабочие места. Кроме того, сельчанам приходится самим решать все бытовые проблемы: чинить дома, заказывать дрова у коммерческих организаций за большую плату.

Анализ мнений респондентов позволяет сделать вывод о низком уровне жизни сельского населения и сельскохозяйственного производства, дискриминации аграрного труда и, как следствие, о глубоких демографических проблемах, что в конечном счете приводит к неустойчивому развитию сельских территорий (табл. 2):

Наиболее известными и часто называемыми проектами и программами различ-

ного уровня по поддержке сельских территорий среди опрошенных оказались:

– федеральный уровень – государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 гг., Программа социально-экономического развития Республики Мордовия на 2022–2026 годы, а также национальные проекты «Образование», «Культура»;

– региональный уровень – аналогичная федеральной по названию и срокам реализации государственная программа Республики Мордовия «Комплексное развитие сельских территорий»;

– муниципальный уровень – Стратегия социально-экономического развития Большеберезниковского муниципального района Республики Мордовия на период до 2025 года.

Так как опрошенные преимущественно являются жителями сел Большеберезниковского района, о проекте «Дом традиций» большинство из них (58 %) хорошо знают. Участвуют в нем либо проживают

*Таблица 3. Мнение респондентов о результатах и перспективах тиражирования практики «Дом традиций» в других селах Республики Мордовия, % ответов*

*Table 3. Opinion of respondents on the results and prospects of replicating the practice of “House of Traditions” in other villages of the Republic of Mordovia, % of answers*

Показатели / Indicators	Имеющиеся результаты / Available results	Перспективы / Prospects
Активизация местных сообществ в деле личного участия в развитии сельских территорий / Activation of local communities in the matter of personal participation in the development of rural areas	60,14	100
Активизация гражданских инициатив на селе, в том числе отвечающих интересам молодого и старшего поколения / Activation of civic initiatives in the countryside, including those that meet the interests of the young and older generation	71,32	100
Создание новых инструментов патриотического воспитания / Creation of new tools for patriotic education	38,81	100
Возрождение ремесел / Revival of crafts	65,03	100
Возрождение национальной кухни / Revival of national cuisine	68,53	100
Цифровизация и популяризация народного устно-поэтического творчества / Digitalization and popularization of folk oral and poetic creativity	72,38	100
Сохранение историко-культурного наследия родных сел / Preservation of the historical and cultural heritage of native villages	82,52	100
Развитие классической сельской общины в группах социальных сетей сел («ВКонтакте») и «Одноклассники» / The development of a classic rural community in social networking groups of villages (VKontakte and Odnoklassniki)	68,18	100
Создание сельского музейно-культурного центра / Creation of a rural museum and cultural center	71,68	100
Подключение бюджетных работников села (администрации, ДК, библиотеки) к активной социокультурной деятельности / Involvement of budgetary workers of the village (administrations, recreation centers, libraries) to active social and cultural activities	43,71	100
Возрождение общественного интереса к селу / Revival of public interest in the village	50,70	100
Установление связей с разбехавшимися уроженцами, привлечение их к участию в жизни родных сел / Establishing ties with dispersed natives, attracting them to participate in the life of their native villages	46,15	100
Открытие сельскохозяйственного кооператива / Opening of an agricultural cooperative	81,12	100

на территории, где реализуется данный проект в настоящее время, и пользуются его результатами 13,43 %. Узнали о нем недавно 28,57 % респондентов.

Среди положительных сторон реализации проекта были названы следующие: решение актуальных социальных проблем современного российского села (35,71 %); возможности активизации сельского населения, привлечения ресурсов уроженцев, включения органов власти и учреждений на селе к решению проблем (52 %).

Значимость развития инновационных механизмов реализации практики музейно-культурного центра отметили 44,29 % опрошенных. К числу таких механизмов относятся:

обучающие – семинары, мастер-классы по национальной кухне, ремеслу, мордовской песне, обучение администраторов;

информационные – размещение информации на информационных ресурсах МРОО «Новое село» и в региональных СМИ, выставки, проведение опроса, размещение информационного баннера;

интерактивные – создание групп в социальных сетях, онлайн-общение, очные коммуникации.

81,71 % респондентов высказались за необходимость тиражировать проект «Дом традиций» в других селах и районах Республики Мордовия, выделив при этом результаты и перспективы тиражирования данной практики (табл. 3).

Проведенное исследование позволило выявить первоочередные проблемы, которые необходимо решить при тиражировании муниципальной практики «Дом традиций» в других селах Республики Мордовия:

– утрата естественно-социокультурной средой села качеств окультуренности, одичание значительных сельских пространств. Историко-культурное наследие народов России сегодня рискует быть во многом утерянным из-за происходящих кризисных процессов на селе, среди которых сокращение численности населения и количества рабочих мест, отток молодого поколения, закрытие школ, больниц и иной социальной инфраструктуры. Такие проекты, как «Дом традиций», музеефицируют и цифровизируют культурное и социальное наследие села через воспоминания жителей, фотографии, семейные истории, семейную память, личные и архивные документы, транслируют его современными способами. Тиражирование подобной практики позволяет повысить и популяризовать значимость исторической среды поселений, улучшить условия социокультурной жизни на селе;

– стремительное падение численности жителей сел, особенно молодого поколения. Молодежь не хочет жить в селе, перебирается в города. Многие деревни и села вымирают, там не остается ни одного постоянного жителя. Нарушаются традиции семейных устоев, нравственных норм и ценностей. Появляются трудности в общении старшего и младшего поколений. Ощущается недостаточность отвечающих интересам молодого поколения форм и механизмов патриотического воспитания. В сложившихся условиях нужны новые современные формы сохранения и транслирования социокультурного наследия села, которые дадут возможность прикоснуться к жизни своих предков в интерактивной форме, активизируют гражданские инициативы, привлекая местное население и уроженцев данной местности, проживающих в отдалении, к совместному решению вопросов по сохранению малой родины;

– отсутствие диалога, разрушение традиций взаимопомощи, разобщенность

сельского местного сообщества, когда ответственность заканчивается границами своего подворья, квартиры и малой семьи, слабая развитость гражданской общности, отсутствие инициатив по общественным задачам и кооперации. Все это приводит к исчезновению сел. Посредством привлечения местного сообщества к деятельности по проекту создаются условия для сплочения жителей сел, сохранения и улучшения условий их взаимодействия, что позволяет привнести в жизнь села новый смысл, возродить традиции взаимопомощи;

– невозможность для села вписаться в формат нынешнего мироустройства в своем старом виде. Проекты, связанные с популяризацией и цифровизацией социокультурного наследия села, такие как «Дом традиций» и «МОЁ СЕЛО: от культурных традиций к гражданским инициативам», позволяют современному человеку стать полноправным участником происходящих событий посредством привлечения интернет-коммуникаций, социальных сетей.

Респондентам была дана возможность оценить эффективность мероприятий, которые проводились в рамках проекта «Дом традиций» (табл. 4).

Полученная оценка выявила не только мнения респондентов о реализованном ранее проекте «Дом традиций» в с. Паракино, но и позиции жителей других сел Большеберезниковского района относительно мероприятий, которые они относят к числу наиболее эффективных и актуальных для реализации в их селе.

80,29 % опрошенных считают, что необходимо развивать и поддерживать местные сообщества на сельских территориях. Среди значимых мероприятий по их результативности (функциональной значимости) для современного сельского социума были отмечены следующие.

1. Создание для сел, участвующих в проекте, групп в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», которые станут интерактивными информационными центрами накопления, сохранения и трансляции данных по истории, культуре, кухне, родословным, значимым местам села. Результат: расширение целевой аудитории

*Таблица 4. Оценка респондентами эффективности мероприятий проекта «Дом традиций» по 5-балльной шкале (1 – очень плохо, 5 – очень хорошо), % ответов*

*Table 4. Respondents' assessment of the effectiveness of the activities of the "House of Traditions" project on a 5-point scale (1 – very bad, 5 – very good), % of answers*

Мероприятие / Activity	Баллы / Points				
	1	2	3	4	5
Построение диалога, возрождение традиций взаимопомощи, устранение разобщенности сельского местного сообщества / Building a dialogue, reviving the traditions of mutual assistance, eliminating the disunity of the rural local community	0	0	38,81	35,31	25,88
Привлечение к деятельности по проекту местного сообщества, сплочение жителей сел / Involvement of the local community in the activities of the project, rallying the villagers	0	0	42,31	25,88	31,81
Проведение мастер-классов по народной песне, участие в концертных программах / Conducting master classes on folk songs, participation in concert programs	0	0	7,34	31,81	60,85
Проведение мастер-классов по ремеслам, выставок производимой продукции / Carrying out master classes on crafts, exhibitions of manufactured products	0	0	7,34	31,81	60,85
Проведение мастер-классов по народному творчеству / Conducting workshops on folk art	0	0	25,88	31,81	42,31
Ведение групп в социальных сетях / Managing groups on social networks	0	0	31,82	44,41	23,77
Проведение мастер-классов по деревенской кухне / Conducting master classes in rural cuisine	0	0	5,94	40,91	53,15
Организация выставки-дегустации национальной кухни / Organization of an exhibition-tasting of national cuisine	0	0	2,97	43,88	53,15

сопричастных к селу и его проблемам; распространение информации о практике «Дом традиций»; развитие сельских общин через повышение социальной активности населения, установление связей и привлечение разъехавшихся уроженцев к участию в жизни малой родины; развитие новых форм сельской общины на базе профильных групп в социальных сетях.

2. Проведение семинаров для активистов сел на базе Паракинского муниципалитета, где презентована новая доступная и оперативная ресурсная платформа тиражирования практики «Дом традиций», а также текущая деятельность нового проекта «МОЁ СЕЛЮ: от культурных традиций к гражданским инициативам». Результат: развитие связей уроженцев села с малой родиной, создание площадки для их участия в жизни сел, проявления сопричастности к общественным инициативам; повышение социальной активности населения, популяризация возможностей проектной деятельности; активизация новых форм работы сельских библиотек и домов культуры; музеефицирование и транслирование историко-культурного на-

следия через воспоминания жителей села, фото- и видеоматериалы, семейные истории, личные и архивные документы, диалоговое общение поколений; привлечение местного населения и уроженцев, проживающих в отдалении, к совместному решению вопросов по сохранению малой родины.

3. Проведение семинаров с элементами социокультурного просвещения в виде экскурсионной программы по значимым местам, с мастер-классами по кухне, фольклору, ремеслам для школьников и учителей в с. Паракино. Результат: активизация гражданских инициатив на селе, отвечающих интересам молодого и старшего поколений; возрождение и развитие естественной социокультурной среды сельских пространств; повышение интереса к межпоколенному общению, осуществлению патриотического воспитания подрастающего поколения через интерактивную форму сопричастности к жизни своих предков; повышение и популяризация значимости исторической среды поселений; улучшение условий социокультурной жизни на селе.

4. Проведение конкурса «Гражданское общество» с целью стимулирования работы библиотекарей и волонтеров, премирования администраторов групп сельских участников в социальных сетях с лучшими показателями по реализации проекта путем оснащения их библиотек или муниципалитетов смартфонами как средством новых форм работы. Результат: разработка и внедрение новых механизмов поддержки институтов гражданского общества на селе; формирование благоприятных условий для развития благотворительности, добровольчества; популяризация деятельности институтов гражданского общества и формирование благоприятного информационного пространства; расширение участия некоммерческих организаций в реализации социальных проектов на селе, поддержке инноваций и самореализации социальной активности сельских жителей.

77,43 % опрошенных выразили положительное отношение к созданию сетевых местных сообществ на сельских территориях и отметили, что у села, в котором они проживают (или являются уроженцами), есть группы в социальных сетях.

83,71 % респондентов указали на необходимость цифровизировать культурное наследие (традиции, обычаи, народное творчество и т. д.) сельских жителей и мордовского народа.

В с. Паракино реализованы несколько современных форм сохранения культурного наследия: ежегодный фестиваль уличного семейного досуга “Ашо лисьма”; эко-этнопарк “Ашо лисьма” с комплексом объектов деревянного зодчества; ежегодный праздник села “Велень чи”; деятельность артели вязальщиц-вышивальщиц и фольклорного ансамбля “Штирьмалей”; музеефикация значимых для жителей села мест через установку информационных щитов и арт-объектов; цифровизация устно-поэтического наследия территории; деятельность комбината мордовской кухни “Пайчалго” (рецепты домашнего хлеба, национальных мордовских блюд и пельменей ручной лепки); деятельность Центра развития села “Велепарк”, Паракинского центра ремесел им. В. П. Лакеева “Парго”,

сельскохозяйственного кооператива “Велезор”, музейно-культурного центра «Дом конюха»; туристический маршрут «Дом традиций».

Реализованный проект раскрыл возможности активизации сельского населения, привлечения ресурсов уроженцев, включения органов власти и учреждений на селе (администрации, ДК, библиотеки) в активную социокультурную деятельность. На селе стало уделяться больше внимания созданию комфортных условий для жизни людей, формированию современной социальной инфраструктуры, развитию малых форм хозяйствования, опоре на культуру как энергию развития.

В рамках реализации проекта «Дом традиций» произведена музеефикация историко-культурного пространства сельской местности, разработаны экскурсионные маршруты по значимым местам Большеберезниковского района, например маршруты, рассказывающие о крупном монетном кладе (XIV–XV вв.), найденном уроженцем села в 1961 г., Белом роднике, Священном дубе – памятнике живой природы.

«Дом традиций» работает в тесном взаимодействии со специалистами и местным сообществом, с учетом их мнений и предпочтений. Материально-вещественные блага, природные богатства, а также население, участвующее в процессах производства, распределения и потребления, в совокупности представляют собой ресурсы сельских территорий. По мнению участников опроса, именно они необходимы для реализации проекта «МОЕ СЕЛЮ: от культурных традиций к гражданским инициативам», в котором выразили готовность принять участие 35,14 % респондентов.

### Заключение

Как писал Г. Малер, «традиция – это передача огня, а не поклонение пеплу». Вопреки широко распространенному убеждению, что общественная жизнь должна быть полностью регламентирована законами и поддерживаться государственными органами управления, в любом обществе есть значительные «пространства», которые или не предусмотрены в законодательстве, или не поддаются регулированию, или мало инте-

ресуют государство. В этом «свободном от влияния государства пространстве» и возникают низовые гражданские инициативы, объединяющие «просто людей» для решения своих проблем.

Под гражданскими инициативами понимаются неформальные объединения, создаваемые людьми по собственной инициативе для решения важных для них, для общества проблем. Основная причина появления гражданских инициатив – «человеческий фактор», т. е. активные и неравнодушные люди, творческие личности, «борцы» и организаторы по природе.

Примером гражданской инициативы является проект «Дом традиций». Он представляет собой интерактивное самобытное социоэкологическое пространство в форме музейно-культурного центра с учетом специфики жизнедеятельности в типовом российском селе, которое предполагает сочетание традиционных экскурсионных программ с проведением творческих и кулинарных мастер-классов, а также музеефикацию сельской территории. Одновременно с функционированием музейно-культурного центра осуществляются демонстрация, обсуждение и распространение опыта создания социокультурного пространства через веб-ресурсы проекта, а также в рамках выездных презентаций, научно-практической конференции, круглого стола и региональных праздников.

«Дом традиций» – это универсальная модель крестьянского мироздания, ме-

сто, где «живут» народные обычаи, куда может прийти уроженец села или его потомок. Дом предстает как живой памятник архаичных знаний наших предков в области архитектуры, строительства, семейной жизни, кухни, ремесел. Печь, скамейки, сундуки и другие предметы домашней утвари составляют выставочно-экспозиционный раздел «Дома традиций», интерактивная зона обеспечивает возможность приготовления национальных блюд, знакомства с промыслами и ремеслами, создания творческих работ на основе народных традиций.

Опыт работы музейно-культурного центра «Дом традиций» с. Паракино является примером того, как гражданские инициативы становятся фактором развития культурных традиций на селе посредством создания условий для всесторонней самореализации личности на базе укрепления ее духовно-нравственных основ, а также способствуют формированию преимуществ жизни на селе, обеспечивая комфортную среду проживания, повышение качества и доступности социальных услуг, оказываемых населению. Оценка данного опыта жителями и уроженцами села, а также со стороны общественности является свидетельством востребованности в современных условиях новых интерактивных форм сохранения социокультурного наследия села и масштабирования подобных форм на более широкий круг сельских территорий.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова С. А. Введенская церковь села Селищи как культурное наследие Республики Мордовия // *Агрофорсайт*. 2020. № 4. С. 23–30.
2. Балтуева С. В. Социальная работа с неполными семьями в сельской местности // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 23. С. 29–32.
3. Беляева Т. К., Пухова А. Г. Социальные причины и последствия алкоголизма у сельского населения России // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 6-2. С. 322–325. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9607> (дата обращения: 09.02.2022).
4. Дзахмишева И. Ш., Блиева М. В. Стратегическое развитие сельских территорий на основе использования природно-ресурсного потенциала // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 2. С. 57–60.
5. Дробышев В. В., Денисов А. П., Кун О. А., Денисова О. А., Филиппова Е. Д. Особенности формирования подросткового алкоголизма в сельской местности // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28593> (дата обращения: 08.02.2022).
6. Полежаева А. А. Значимость семьи в традиционных формах социализации ребенка в мордовском селе // *Гуманитарий*. Ежегод-

- ник Историко-социологического института. 2005. № 5. С. 152–154.
7. Рябова М. Э. Социокультурная идентичность российского региона в контексте меняющегося мира (на примере Республики Мордовия) // Финно-угорский мир. 2015. № 3. С. 112–117.
  8. Сидорова Л. А. Приобщение дошкольников к культурному наследию их малой родины // Молодой исследователь: вопросы науки и практики: сб. тр. II Регион. науч.-практ. конф. Киров, 2019. Вып. 2. С. 175–179.
  9. Феоктистова А. Ю. Формирование интереса молодых жителей села к народным традициям // Наука, техника и образование. 2019. № 1. С. 81–85.
  10. Цулая И. В. Историко-культурное наследие Абхазии: территориальная организация, новые возможности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2021. Т. 7, № 1. С. 99–109.
  11. Черноножкин А. В. Музей как источник формирования и сохранения культурного наследия через компоненты формирования национальной идентичности // GLOBUS. Мультидисциплинарный. 2019. Т. 5, вып. 6. С. 12–17. DOI: 10.31618/2658-5197-2019-39-6-1.
  12. Широкоград И. И., Пакунова Т. А. Образовательный проект «Культурное наследие малых городов и сел России» // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2019. № 2. С. 67–73.
  13. Bednaříková Z., Bavorová M., Ponkina E. V. Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 45. P. 99–111.
  14. Belozerova I. A., Krikun E. V., Davityan M. G. Leisure culture in rural areas and efficiency of the agro-industrial complex // Land Economy and Rural Studies Essentials: proceedings of the conference on land economy and rural studies essentials (LEASECON 2020), 17–18 August 2020, Omsk, Russia. Омск, 2021. С. 425–432.
  15. Commins P. Poverty and social exclusion in rural areas: characteristics, processes and research issues // Sociologia Ruralis. 2004. Vol. 44, issue 1. P. 60–75. DOI: 10.1111/j.1467-9523.2004.00262.x.
  16. Dorokhova T. I. Management of the formation of ecological culture of students in a rural school // Молодой ученый. 2020. № 19. С. 457–458.
  17. Jeffrey C., McDoweland L. Youth in a comparative perspective: global change, local lives // Youth & Society. 2004. Vol. 36, issue 2. P. 131–142. DOI: 10.1177/0044118X04268375.
  18. Kasarkina E. N., Solovieva T. V., Bistiaykina D. A., Pankova E. G., Antipova A. A. Family values of youth in modern socio-demographic situation in Russia // Calitatea Vietii. 2018. Vol. 29, no. 1. P. 23–42.
  19. Kim E. Conceptual practice of ‘rural wellbeing’ in Uzbekistan: Contradictions and implications for gender equality // Rural Society. 2014. Vol. 23, issue 3. P. 5258–5274. DOI: 10.5172/rsj.2014.5258.
  20. Kovalenko E. G. Typology of rural areas of the Mordovian Republic as a basis of their steady development // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2012. Issue 2. URL: www.science-sd.com/451-24035 (дата обращения: 09.02.2022).
  21. Myklebust J. O., Solvang B. Young mothers with special educational needs // Young. 2005. Vol. 13, issue 1. P. 73–87. DOI: 10.1177/1103308805048753.
  22. Shucksmith M. Young people and social exclusion in rural areas // Sociologia Ruralis. 2004. Vol. 44, issue 1. P. 43–59. DOI: 10.1111/j.1467-9523.2004.00261.x.
  23. Simons L., Burt C., Tambling R. Identifying mediators of the influence of family factors on risky sexual behavior // Journal of Child and Family Studies. 2013. Vol. 22, issue 4. P. 460–470. DOI: 10.1007/s10826-012-9598-9.
  24. Sun H., Tang S. Planning of agricultural ecological scenery based on the concept of traditional rural culture // Acta agriculturae scandinavica. Section B – Soil & Plant Science. 2021. Vol. 72, no. 1. P. 333–343. DOI: 10.1080/09064710.2021.1993320.
  25. Vinken H. New life course dynamics?: Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth // Young. 2007. Vol. 15, issue 1. P. 9–30. DOI: 10.1177/1103308807072679.

Поступила 08.03.2022; одобрена 11.06.2022; принята 22.06.2022.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**А. А. Антипова** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, aljona.ntpv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9009-6066>

**Е. Н. Касаркина** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, eienovik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4213-8211>



# The relevance of modern forms of preservation of the socio-cultural heritage of the village: the experience of the museum and cultural center “House of Traditions” (Parakino village, Bolshebereznykovsky district of the Republic of Mordovia)

Alyona A. Antipova  
Elena N. Kasarkina

National Research Mordovia State University,  
Saransk, Russia

**Introduction.** The article is based on the results of a survey conducted during the implementation of the project “MY VILLAGE: from cultural traditions to civic initiatives”. The project is a scaling up of the successful municipal practice of the museum and cultural center “House of Traditions” of the village of Parakino of the Bolshebereznykovsky district of the Republic of Mordovia to the district level. The relevance of the project is due to the dynamics and specifics of the sociocultural request of society, namely “search for oneself” through the growing interest in ancestry, culture and traditions, national cuisine, the demand for ecological, recreational and ethnographic tourism, which brings a person to “his village”, to the parental home, hearth, which is strategically important for the preservation of the village, Russian culture, identity and sovereignty.

**Materials and Methods.** The material was the data of a questionnaire survey conducted to assess the relevance of civic initiatives as a factor in the development of cultural traditions in rural areas and ways to actualize them in modern society. The research methodology includes a combination of humanitarian (synergetic, axiological, structural-functional, anthropological, hermeneutic, historical, communicative institutional, systemic) approaches, as well as methods of statistical processing and qualitative analysis of the results obtained.

**Results and Discussion.** The article considers the opinion of potential and current participants of the project on the implementation of the practices of “House of Traditions” in their municipal area; the results achieved, prospects and priorities that need to be addressed when replicating the experience of “House of Traditions” in specific villages and problems that may hinder the success of such a project.

**Conclusion.** The results and social effects of the practical activities of the “House of Traditions” are empirically substantiated. The main provisions and conclusions of the work can be used in the further study of the problem of solving the social problems of the modern Russian village and the role of civic initiatives in the preservation of cultural traditions.

**Keywords:** village, cultural heritage, traditions, museum and cultural center, social problems, support

**Acknowledgments:** The study was supported by a grant from the Presidential Fund for Cultural Initiatives for the implementation of projects in the field of culture, art and creative (creative) industries within the framework of the scientific project No. PFKI-21-1-002537 “MY VILLAGE: from cultural traditions to civic initiatives”.

**For citation:** Antipova AA, Kasarkina EN. The relevance of modern forms of preservation of the socio-cultural heritage of the village: the experience of the museum and cultural center “House of Traditions” (Parakino village, Bolshebereznykovsky district of the Republic of Mordovia). *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2022;14;3:332–345. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.332-345.

## REFERENCES

1. Aksenova SA. Vvedenskaya church of the village of Selishchi as a cultural heritage of the Republic of Mordovia. *Agroforsait = Agroforesight*. 2020;4:23–30. (In Russ.)
2. Baltueva SV. Social work with incomplete families in the countryside. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and practice of social development*. 2015;23:29–32. (In Russ.)
3. Belyaeva TK, Puhova AG. Social causes and consequences of alcoholism rural population Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016;6-2:322–325. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9607> (accessed 09.02.2022). (In Russ.)
4. Dzakhmishcheva ISh, Bliueva MV. Strategic development of rural territories on the basis of use of natural and resource potential. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental Research*. 2018;2:57–60. (In Russ.)

5. Drobyshev VV, Denisov AP, Kun OA, Denisova OA, Filippova ED. Features of formation of teenage alcoholism in rural areas. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* = Modern problems of science and education. Surgery. 2019;1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28593> (accessed 08.02.2022). (In Russ.)
6. Polezhaeva AA. The significance of the family in the traditional forms of child socialization in a Mordovian village. *Gumanitarii. Ezhegodnik Istoriko-sotsiologicheskogo instituta* = Humanist. Yearbook of the Historical and Sociological Institute. 2005;5:152–154. (In Russ.)
7. Riabova ME. Socio-cultural identity of the Russian region in the context of a changing world (on the example of the Republic of Mordovia). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015;3:112–117. (In Russ.)
8. Sidorova LA. Introducing preschoolers to the cultural heritage of their small homeland. *Molodoi issledovatel': voprosy nauki i praktiki: sb. tr. II Region. nauch.-prakt. konf.* = Young researcher: issues of science and practice. Proceedings of the II Regional Scientific and Practical Conference. Kirov; 2019;2:175–179. (In Russ.)
9. Feoktistova AYU. Formation of interest of young residents of the village to the national traditions. *Nauka, tekhnika i obrazovanie* = Science, Technology and Education. 2019;1:81–85. (In Russ.)
10. Tsulaia IV. Historical and cultural heritage of Abkhazia – territorial organization, new opportunities. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiia. Geologiya* = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Geography. Geology. 2021;7:1:99–109. (In Russ.)
11. Chernozhkin AV. Museum as a source of formation and preservation of cultural heritage through the components of the formation of national identity. *GLOBUS. Mul'tidistsiplinarnyi* = GLOBUS. Multidisciplinary. 2019;5;6:12–17. (In Russ.). DOI: 10.31618/2658-5197-2019-39-6-1.
12. Shirokorad II, Pakunova TA. The educational project “Cultural inheritance of Russian villages and small towns”. *Zemleustroistvo, kadastr i monitoring zemel'* = Land Management, Monitoring and Cadastre. 2019;2:67–73. (In Russ.)
13. Bednaříková Z, Bavorová M, Ponkina EV. Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia. *Journal of Rural Studies*. 2016;45:99–111.
14. Belozerova IA, Krikun EV, Davityan MG. Leisure culture in rural areas and efficiency of the agro-industrial complex. *Land Economy and Rural Studies Essentials: proceedings of the conference on land economy and rural studies essentials (LEASECON 2020), 17–18 August 2020, Omsk, Russia*. Omsk; 2021:425–432.
15. Commins P. Poverty and social exclusion in rural areas: characteristics, processes and research issues. *Sociologia Ruralis*. 2004;44;1:60–75. DOI:10.1111/j.1467-9523.2004.00262.x.
16. Dorokhova TI. Management of the formation of ecological culture of students in a rural school. *Molodoi uchenyi* = Young Scientist. 2020;19:457–458.
17. Jeffrey C, McDowell L. Youth in a comparative perspective: global change, local lives. *Youth & Society*. 2004;36;2:131–142. DOI: 10.1177/0044118X04268375.
18. Kasarkina EN, Solovieva TV, Bistiaykina DA, Pankova EG, Antipova AA. Family values of youth in modern socio-demographic situation in Russia. *Calitatea Vietii*. 2018;29;1:23–42.
19. Kim E. Conceptual practice of ‘rural wellbeing’ in Uzbekistan: Contradictions and implications for gender equality. *Rural Society*. 2014;23;3:5258–5274. DOI: 10.5172/rsj.2014.5258.
20. Kovalenko EG. Typology of rural areas of the Mordovian Republic as a basis of their steady development. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2012;2. URL: [www.science-sd.com/451-24035](http://www.science-sd.com/451-24035) (accessed 09.02.2022).
21. Myklebust JO, Solvang B. Young mothers with special educational needs. *Young*. 2005;13;1:73–87. DOI: 10.1177/1103308805048753.
22. Shucksmith M. Young people and social exclusion in rural areas. *Sociologia Ruralis*. 2004;44;1:43–59. DOI: 10.1111/j.1467-9523.2004.00261.x.
23. Simons L, Burt C, Tambling R. Identifying mediators of the influence of family factors on risky sexual behavior. *Journal of Child and Family Studies*. 2013;22;4:460–470. DOI: 10.1007/s10826-012-9598-9.
24. Sun H, Tang S. Planning of agricultural ecological scenery based on the concept of traditional rural culture. *Acta Agriculturae Scandinavica. Section B – Soil & Plant Science*. 2021;72;1:333–343. DOI: 10.1080/09064710.2021.1993320.
25. Vinken H. New life course dynamics?: Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth. *Young*. 2007;15;1:9–30. DOI: 10.1177/1103308807072679.

Submitted 13.01.2022; reviewing 15.02.2022; accepted 22.06.2022.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**A. A. Antipova** – Candidate Sc. {Sociology}, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, [aljona.ntpv@mail.ru](mailto:aljona.ntpv@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-9009-6066>

**E. N. Kasarkina** – Candidate Sc. {Sociology}, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, [eienovik@mail.ru](mailto:eienovik@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4213-8211>



# Культурные особенности традиционного мировоззрения коми: мифопоэтика в художественном сознании

## Г. А. Юшкова, И. Г. Торопова

**Ольга Сайфидиновна Зиявадинова**

*Институт языка, литературы и истории*

*Коми научного центра Уральского отделения РАН,*

*Сыктывкар, Россия*

**Введение.** В статье рассматривается содержательно-смысловой потенциал воплощения темы природы, являющийся ключевым в мотивно-сюжетном комплексе текстов ведущих прозаиков коми рубежа XX–XXI вв. Г. А. Юшкова и И. Г. Торопова, приобретающий характер мифологеми.

**Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили прозаические произведения Г. А. Юшкова, И. Г. Торопова. Методы исследования: историко-литературный, сопоставительный, типологический.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В творчестве коми писателей обнаруживаются тенденции к мифологизации, которые в целом были характерны для младописьменных и молодых литератур 1960–1980-х гг. Это было вызвано стремлением монументализировать традиционное мироощущение, подчеркнуть «неправильность» современного развития, свойственным творчеству Ю. Шесталова, В. Санги, А. Кима, Ч. Айтматова.

**Заключение.** Художественная проза второй половины XX в. предлагает взглянуть на культурные особенности традиционного мировоззрения коми как на часть истории литературы и обнаружить в использовании мифологических образов, сюжетов и мотивов закономерности, обусловленные эпохой, направлением, индивидуальным стилем писателей.

**Ключевые слова:** коми национальный характер, мироощущение коми этноса, мифологизация природы, языческая эпоха, традиционное мировоззрение

**Для цитирования:** Зиявадинова О. С. Культурные особенности традиционного мировоззрения коми: мифопоэтика в художественном сознании Г. А. Юшкова, И. Г. Торопова // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 346–357. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.346-357.

### Введение

И. Г. Торопов (1928–2011) – художник огромного гуманистического дарования, один из крупнейших писателей России. Литературовед А. К. Микушев охарактеризовал его творчество как «явление самобытное, заметное не только в пределах национальной литературы, но и литературы общероссийской. Наряду с прозой манси Ю. Шесталова, карела А. Тимонена, удмурта Г. Красильникова, пермяка В. Баталова проза И. Торопова поднимает важные общероссийские проблемы» [20, 249]. Теме природы, человека в природе, их взаимным связям посвящены такие произведения автора, как “Тэрыб Кок” («Быстроногий», 1969), “Кодзувкоткар” («Муравейник», 1974), “Арся сыланкыв”

(«Осенняя песня», 1976), “Тян” (1982), “Оштö эн лый кыкысь” («Не стреляй в медведя дважды», 1988) и др.

Во второй половине XX в. известный коми писатель, поэт, драматург Г. А. Юшков (1932–2009) публикует произведения, в которых проблема взаимоотношений человека и природы не просто становится ведущей, но и подчиняет себе художественную концепцию в целом, определяя философию произведения. В рассказе “Висар” (1964), повестях “Пяна ош” («Медведица с медвежатами», 1979), “Ловья лов” («Живая душа», 1979), романах “Чугра” (1979), “Рöдвуж пас” («Родовой знак», 1988) осознается потребность «восстановить» природу в своих правах,

пробудить в человеке его «прапамять», в которой хранится «воспоминание» о первоистоке.

Произведения ярких и талантливых художников отличает некая типологическая общность в изображении взаимоотношений природы и человека. В художественном мире авторов представлены героини «земные в деяниях и помыслах» (В. Астафьев), образы которых определены бытийными координатами – землей, природой, традиционными устоями деревенского уклада. Родовой дом, опозитизированный труд на земле, естественность и простота (наподобие природной сообразности) – главные столпы мировоззрения сельского жителя, детерминирующие начала концепции естественного человека, который задается архетипическими образами Дома и Деревни, спецификой хронотопа, парадигмой «человек – природа».

Особым духовным пространством героев, «природной обителью» и родовым основанием человека в коми прозе второй половины XX в. является деревня. Действие большинства произведений происходит в доме и на подворье, жизненное пространство человека ограничено домом, деревней, окружающей природой. Подобная организация топоса реализует творческие ориентиры на восприятие человека в традиционном контексте: сакральный образ мира в ценностных рамках земледельческой культуры является важнейшей характеристикой неразрывного «единства сознания и бытия героя с почвой (народной традицией и землей)» [1, 110–111]. Образ отчего дома в художественном мире писателей обретает дополнительный метафорический смысл: дом как гарантия защищенности, как центр мира с внутренним единством и упорядоченностью, объединяющий все поколения, основа стабильности и надежности, олицетворение родной природы и космического устройства, стержень национального мира. Родная деревня, родной край, отчий дом в широком смысле являются энергетическим центром, идеальным миром, куда лирический герой, уставший от цивилизации, от отсутствия в ней природного начала, возвращается, чтобы обрести

новые силы. Дом символизирует освоенное пространство, где человек рождается и куда возвращается из любых странствий, где находится в безопасности, в гармонии с мирозданием.

Произведения авторов, посвященные концептуальным проблемам современности – состоянию природной среды, отношению к ней человека, укладу жизни и связанной с ним ментальности жителя Севера, образуют неотъемлемую часть литературного процесса XX столетия и представляют большой интерес для исследователей. Мифологическое воплощение темы природы в прозе рассматриваемых нами авторов позволяет выявить национальную самобытность, глубинные пласты духовной и материально-бытовой национальной жизни в художественной литературе и фольклоре, культурологические аспекты изучения поэтики природоописаний. Изображение нестабильного состояния мира, распадающихся связей, дисгармоничного существования побуждает писателей искать в мифе онтологические, этические опоры, поскольку на ранних этапах истории человечества мифология представляла различные идеальные модели взаимоотношений человека и природы. Миф стал первоначальным воплощением высшего идеала космического единства и гармонии природы и человека.

Избранный ракурс интерпретации произведений с учетом их интегративности (актуализация совокупности архаических мифов о вселенском равновесии, о диалектическом развитии мироздания, об истоках бытия, мироздания, о влиянии природы на национальный характер и национальные эстетические представления) позволяет совместить природный, культурологический и литературоведческий аспекты анализа текстов. Исследование предпринято с целью выявить специфику мифологического воплощения темы природы в творчестве коми авторов, своеобразии воспроизведения и моделирования мифологического течения современной литературы. Изучение мифопоэтики, роли и особенностей функционирования мифа в коми прозе дает возможность во

всей полноте представить своеобразие национальных художественных традиций, общность, восходящую к универсалиям мифомышления.

### Обзор литературы

Вопросы, касающиеся различных воплощений мифопоэтического начала в художественной литературе, освещены в трудах Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, З. Г. Минц, С. С. Аверинцева и других исследователей.

Динамика развития и реализации концептуальных составляющих мифологического восприятия чувства природы нашла отражение в работах последнего десятилетия Т. Я. Гринфельд-Зингурс [8], С. С. Динисламовой [10], О. С. Зиявадиновой [12], И. И. Иванова [13], Е. В. Косинцевой [14], Г. К. Лисовской [15; 16], В. Л. Сязи [24; 25], Е. А. Худенко [26], К. Emeny [29] и др.

На важную роль крупных проблем в развитии научного знания указывал В. И. Вернадский. Со временем они становятся все более сложными и масштабными. Поскольку их решение силами какой-либо одной науки не представляется возможным, необходимо привлечение всего арсенала современных научных знаний и объединение специалистов различного профиля. Исследователями подчеркивается комплексный характер проблемы взаимосвязи общества и природы, что проявляется в тенденции к расширению круга разрабатывающих ее наук [17; 28].

«Сама жизнь постоянно выдвигает злободневные проблемы, которые до сих пор не подвергались научному анализу. В их числе и комплексная проблема “экология – человек – природа – художественное творчество”»<sup>1</sup>. Современное литературоведение активно взаимодействует с семиотикой, историей, философией, политологией. Комплексное изучение натурфилософской прозы позволит выявить определенные закономерности в ее разви-

тии, осмыслить такой феномен в литературном процессе второй половины XX в., как художественная натурфилософия. Изучение натурфилософской прозы второй половины XX в. осуществляется в исследовании в литературоведческом ключе с привлечением необходимых сведений из других областей знания (экологии, философии, мифологии, этнографии, культурологии и др.).

Художественные произведения Г. А. Юшкова и И. Г. Торопова были переведены на многие языки мира, в том числе финно-угорские: венгерский<sup>2</sup>, финский<sup>3</sup> эстонский<sup>4</sup>.

### Материалы и методы

Материалом исследования являются наиболее значимые для темы мифологического воплощения чувства природы произведения Г. А. Юшкова и И. Г. Торопова. Цели и задачи работы объясняют выбор методов исследования: историко-литературного, сопоставительного, описательного, типологического, на основе которых осуществляется идейно-художественный анализ произведений, выявляются связи литературы с фольклором, философией. В методике особое внимание уделяется детальному анализу произведений, адекватному авторской задаче их «прочтению», репрезентативности наблюдений и выводов. Этим объясняются пристальное внимание к тексту, последовательное использование его в качестве «иллюстративного» материала, многоуровневый анализ художественного текста в соответствии с заявленной исследовательской моделью.

### Результаты исследования и их обсуждение

Г. А. Юшков и И. Г. Торопов, ратовавшие за сохранение национальной самобытности жизни, связывают благополучность исторического пути Коми края с традиционным патриархальным укладом

<sup>1</sup> Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Человек – природа – искусство. Л., 1986. С. 15.

<sup>2</sup> См.: Finnugor életrajzi lexikon: kézirat / szerk. P. Domokos. Budapest, 1990. S. 176–183; Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre / szerk. P. Domokos. Budapest, 1975. S. 114–124.

<sup>3</sup> См.: Käenkkunta yöt. Komien lyriikka / toim. R. Bartens. Helsinki, 1984. S. 176–183.

<sup>4</sup> См.: Seal kaugel kaugel. Valik komi proosat, 30 lugu 27-lt autorilt aastatest 1924–2010 / koostanud N. Obrezkova; toim. K. Trummal. Tallinn, 2011. L. 143–157.

и крестьянской духовной культурой. Размышляя о национальном миропорядке в философском плане, основу национального духа они видят в народном мирозерцании коми, порожденном языческой эпохой. Культурное отношение к миру природы позволяет прозаикам создать «авторский» миф жизни с опорой на национальные традиции мифологизирования, имеющие универсальный характер.

Писатели выступают как «мифотворцы», находясь в «мифологизирующем отношении к природе» [5, 263]. Они не просто используют отдельные мифологические мотивы и образы с определенными идейно-художественными целями, а подчиняют художественный мир произведений мифологической проекции, восстанавливая логику мифологического мышления в опоре на архетипические образы и мотивы мифа: образы мирового дерева, мифологической модели мира, мифологического времени. С принципом мифологизирующего отношения к действительности связано особое отношение авторов к самому мифу: они занимают позицию свободного мифотворчества, насыщая архетипические образы и мотивы новым наполнением, содержанием, преобразуя их. С учетом сказанного мы называем художественное воплощение чувства природы в прозе названных авторов мифологическим.

Включение традиционных мифологических образов, архетипов позволяет коми авторам наделить текст многослойным содержанием, пробудить глубинную культурную память. Жанры и индивидуальные сюжетные построения многих произведений являются воспроизведением базовых мифологических формул. Анализ мифопоэтического наполнения литературных текстов дает возможность выявить скрытые семантические пласты, в результате которых произведения могут прочитываться с совершенно иной точки зрения, тексты превращаются в мифологическую реальность, построенную по законам бинарных оппозиций, мифологического синкретизма и символизма. Такой анализ способствует более глубокому проникновению в художественный мир авторов.

Особым духовным пространством героев, «природной обителью» и родовым основанием человека в коми прозе второй половины XX в. является деревня. Действие большинства произведений происходит в доме и на подворье, жизненное пространство человека ограничено домом, деревней, окружающей природой. Подобная организация топоса реализует творческие ориентиры на восприятие человека в традиционном контексте: сакральный образ мира в ценностных рамках земледельческой культуры является важнейшей характеристикой неразрывного «единства сознания и бытия героя с почвой (народной традицией и землей)».

Значительное место в повести «Оштӧ эн лый кыкысь» И. Г. Торопова отведено образу медведя. Чувство природы в произведении формируется преимущественно в плоскости духовной жизни героев, оно не только сосредоточено на образе земли, леса, но и обнимает природу в целом и подчеркнута связывается с мифическими представлениями о мире – о законах его строения, отраженных в этиологических, космологических мифах. Обратиться к мифу автора заставила философски осмысляемая им историческая ситуация – время разрушения жизненных укладов, трагического разлома устоявшегося мира. Образ медведя имеет мифологическую основу.

Писатель преследовал определенную цель в подобной творческой установке: «он стремился осмыслить природу и человека шире пределов настоящего мгновения, сопоставить современное состояние с некой “вечной” моделью, чтобы понять направленность человеческой истории...» [9, 118]. Повествование, опираясь на мифологический образ, передает историю расторжения взаимосвязи человеческого общества с природой. Если в начале произведения природа – мир земной и небесный, животный и растительный – изобра-

жается автором как гармоничное целое, слаженное единство, то финал повести трагичен: медведь, символизирующий одухотворенность природы, оказывается бессилем перед железными механизмами нового времени. С уходом медведя из леса мифологическая история природы, с которой был гармонично связан патриархальный человеческий мир, поворачивает к своему завершению; место медведя занимает человек с топором, являющийся не защитником, а истребителем природы, а патриархальный мир сменяется индустриальным. Таким образом создается универсальная оппозиция «прошлое / будущее, несущая ответы на философские, социально-нравственные, экологические проблемы, которая читается как время единства с природой / время разлада с ней, время природы / время железа, время гармонии человека и природы / время борьбы человека с природой» [9, 142].

Отметим, что образ топора в произведении выступает мифологическим замещением смерти и, если исходить из концепции А. Н. Афанасьева, он представляет нечистую злую силу: «...топоры... хряснули весело сизыми ладонями, они пошли гулять-целовать: куда поцелуют – там смерть... Встал на бору железный стон» [2, 39–40].

Образ медведя занимает видное место в традиционном мировоззрении коми, следы его почитания видны во всех жанрах коми фольклора. К. Ф. Жаков в работе «Языческое мирозерцание зырян» пишет: «У зырян существовал культ медведя. Большую любовь и уважение питают зыряне к медведю. Крестьяне по рекам Пожег и Вымь утверждают, что медведь, кроме лица, точь-в-точь как человек, что он человеческого рода и понимает языки всех народов» [11, 79–80].

В коми фольклоре распространено название медведя *вӧрса морт* ‘лесной человек’. По представлениям зырян, он обладает человеческими качествами, поэтому охота на него связана с различными торжественными приготовлениями. Существует обычай после убийства медведя просить у

него извинения. В «Этнологическом очерке зырян» К. Ф. Жаков описывает обряд *юм сибӧдӧм*: «Перед охотой на медведя в лесу охотники варят в котлах “юм” (сладкую кашу из ржаной муки). Этот “юм” нарочно оставляют на улице, перед “чом” (избушкой), чтобы медведь съел его, иначе охота невозможна. На другой день, увидавши, что котел пуст, охотник молчит, никому не рассказывает о случившемся, иначе охота будет неудачной...»<sup>5</sup>.

Многие исследователи отмечали тотемическую основу культа медведя. «Наиболее почитаемым животным у коми был медведь», – подчеркивала В. Н. Белицер [3, 323]. Ф. В. Плесовский указывал на использование медвежьей шкуры в свадебной обрядности коми-зырян [21, 12]. Коми-пермяки до сих пор называют его «хозяином леса» [19, 15–17]. У финнов существует поверье, что душа зверя такая же, как у людей [20, 8]. Ханты верят, что он одарен божеской силой и мудростью: «...медведь был прежде человек-богатырь, который ходил часто в лес, и раз, выбираясь из лесу, хотел перелезть через колоду, сняв одежду. Перелезши он увидел одежду похищенной, а вместо того на нем выросла медвежья шерсть; однако он остался по качествам человеком и понимает человеческий язык» [6, 109].

Хозяина леса убивали редко, главным образом в целях самозащиты или защиты скота и посевов. У коми он считался живым воплощением лесного духа, о чем свидетельствуют фольклорные данные. В романе Г. А. Юшкова “Чугра” в данном образе воплощены представления коми о всеобщей естественной связи в природе. Героиня произведения Ревекка рассказывает сыну, что коми человек произошел от медведя.

Г. А. Юшков и И. Г. Торопов ставят в произведениях задачу воспитания человека, поэтому истории о животных, птицах, включенные в ткань повествования, мыслятся как познавательные, поучительные, они формируют эстетический и этический закон природной жизни: трава и деревья, звери и птицы, рыбы – все находятся на

<sup>5</sup> Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990. С. 323–333.

своем месте. Это образное воплощение формулы организации природной жизни, которая предполагает сорядовую, а не пирамидальную иерархию.

В рассказе “Висар” Г. А. Юшкова подчеркивается этический аспект в восприятии природы человеком; особенно остро ощущается трагичность разрыва между ними. Человек, убивший лося, рисуется автором как главная разрушительная сила в природе, события приобретают драматический характер, проблема «человек и природа» перемещается в философский план.

Наиболее ранней формой религии был тотемизм – вера в родство человеческого коллектива с каким-либо животным, растением или явлением природы. В основе тотемизма лежали представления о всеобщей связи в природе, в прошлом каждый род имел свою тотемную группу, состоявшую из животных и растений, с которыми он рождался и атрибуты которых хранил как символ. Одним из устойчивых образов в творчестве народов Севера и Приуралья Л. С. Грибова считает образ лося (оленья) – тотемного животного [7, 68]. В коми языке его называют *йӧра* или, иносказательно, *вӧр-мӧс* ‘лесная корова’, *лола* ‘живой (имеющий душу)’.

Отказ от традиционных представлений в произведениях коми авторов изображается как следствие тотального отчуждения человека от природы, а оно, в свою очередь, – как мировая трагедия. Вместо рухнувшей системы ценностей новая не создается, а без этого не может быть равновесия между двумя крупными величинами земной цивилизации – природой и человеком.

В рассказ “Чомья мусюр” («Гора, похожая на чум») Г. А. Юшков вводит описание лебедей: впереди плыли два взрослых, мать и отец, а за ними суетливой цепочкой спешили четыре неоперившихся табачного цвета лебеденка. Когда один из героев потянулся за ружьем, чтобы подстрелить самца и пополнить запасы пищи, другой запретил ему убийство, считая его непростительным грехом, ожидающим справед-

ливого возмездия. У финно-угорских народов лебедь «считается птицей особенной, чистой, существует негласный запрет охоты на лебедя. Всякого, случайно или неслучайно убившего лебедя, согласно поверью, ждет кара»<sup>6</sup>. Лебедь у коми обладает ярко выраженной женской и брачной символикой. В народных сказках популярен сюжет о превращении лебедя в прекрасную девушку, на которой женится герой<sup>7</sup>.

---

Включение традиционных мифологических образов, архетипов позволяет коми авторам наделить текст многослойным содержанием, пробудить глубинную культурную память. Жанры и индивидуальные сюжетные построения многих произведений являются воспроизведением базовых мифологических формул.

---

Табуирование образа лебедя наблюдается и в фольклоре некоторых тюркоязычных народов. Например, В. Г. Родионов отмечает, что в представлении чувашей лебедь является священной птицей: «Не было на земле большего греха, чем убийство лебедя. Оно расценивалось наравне с убийством матери. Поэтому запрещалось не только охотиться, но и беспокоить их, сопровождать криком улетающих лебедей» [22, 55]. Якуты также боялись нанести вред своей тотемной птице, которая, по поверьям, могла вызвать болезнь или несчастье [23, 130]. Следы тотемистического почитания лебедя встречаются и в фольклоре монголоязычных народов. Так, в древнебурятской мифологии лебедь – прародительница племени хоринцев и рода хангинцев [18, 89].

Включенное Г. А. Юшковым в рассказ описание лебедей помогает понять основные идеи произведения: право человека убивать и право преследуемого им существа на жизнь, признание необходимости нравственных ограничений в охоте. Автор категорически не приемлет убийства детенышей животных. Размышляя о том, от кого

<sup>6</sup> Климов В. В. Оласӧ до волосӧ: Коми-пермяцкие сказки, легенды, сказы, былички и бывальщины на коми языке. Кудымкар, 1990. С. 87.

<sup>7</sup> Там же. С. 105–106.

и от чего зависит дело защиты природы, писатель приходит к выводу, что она может быть понята как необходимость лишь тогда, когда люди поймут это на собственном опыте или благодаря воспитанию.

К образу лебедей Г. А. Юшков обращается и в рассказе “Ловья лов”: *Тундра ад войтöдлысьясид абуоьс, да оз повны юсьясис мортсьид. Көр видзьысьяс некор найоьс оз вөрзьöдны, шондi вержысьясон шуöны. Збыльыс öд, кор поводдяыс лекмас да пыр он аддзыв шондiсö, сэк лэбысь ли пукалысь еджыд юсьыд сэтишöма дольдмöдö сьöлöмтö, он көсийы, да нюмыд петалас. Окота овны, сьывны на, а то и сiдз нимкодъпырысь мыйкö горöдны ывла тырнас татшöм югыд здукас...*<sup>8</sup>. «В тундре охотников нет, да и не боятся лебеди моржей. Оленеводы никогда их не тронут, называя “заменяющими солнце”. А ведь и правда, когда погода нахмурится и долго не видишь солнца, летящий или сидящий белый лебедь так обрадует сердце, не хочешь, а улыбнешься. Хочется жить и петь, а то и просто от радости закричать во весь голос в этот светлый момент...»<sup>9</sup>.

Лебедь – символ чистоты и красоты – олицетворяет мечту о высокой любви, мечту о прекрасном человеке. В повести И. Г. Торопова “Арся сыланкыв” мать поведала Питириму, одному из главных героев, историю о священной птице лебедь, который является украшением тундры. В повести “Тян” в роли священной птицы выступает журавль: солдат Иван рассказывает внуку о том, что предки коми никогда не охотились на журавля, в него никто не смел стрелять.

Интересы Г. А. Юшкова охватывают не только настоящее время, но и историю взаимоотношений человека и окружающей среды. В романе “Рöдвуж пас” писатель изображает современную жизнь, но обращает внимание и на ее древние формы, иллюстрируя смену эволюционных эпох. Автор вводит в произведение историю о священных деревьях, о чуди белоглазой и ее идолах, включает имена мифологических героев коми, например повелителя стужи Войпеля, отражая тем

самым эволюцию представлений человека об устройстве земного мира с древности до современной эпохи.

Произведения, в которых определяющей является мифологическая форма чувства природы, невозможно представить без образа мирового дерева. В художественном мире Г. А. Юшкова роль мирового дерева отводится ели с огромными ветвями (“Рöдвуж пас”). Дерево у прозаика – сложнейшее существо: «Образ дерева складывается из отдельных особенностей: эта ель – “крепость”, “крыша родного дома” для человека, гнездо для белки. Ель – материнское дерево (по-коми мам-пу), она возрождает лес» [4, 114]. Для автора ель – «мать хвойного леса», «пра-родительница», «королева пармы». В мифологии народов Севера ель воплощает образ мирового дерева, с ней связан и образ мировой оси, соединяющей Землю с Космосом.

По мнению В. Э. Шарапова, «образ ели в традиционном мировоззрении коми ассоциируется с наступлением осенне-зимнего периода и движением в нижний мир, связывается с представлениями о нижнем мире» [27, 127]. Ветви ели являются обязательными атрибутами погребальной обрядности коми.

В основе сюжетов рассказа “Тэрыб Кок”, повестей “Тян” и “Оштö эн лый кыкысь” И. Г. Торопова лежит мотив «конца жизни» – дороги к смерти, характерной для похоронных причитаний: «Дорога к смерти – это судьба, жизнь не отдельного животного, человека, а всеобщая – природы, народа, общества в целом: исчезнут боры и их обитатели – опустеет, погибнет парма, уйдет в небытие коми охотник, знаток пармы, а вместе с ним и народ с вековечным опытом лесной жизни, пониманием зверя, птицы, рыбы, умением хлеб растить на северной земле, растворится народ в общей безликой массе...» [20, 61].

Гуманистический смысл во взгляде на окружающий животный и растительный мир представлен в повести “Арся сыланкыв” И. Г. Торопова. Повесть начинается

<sup>8</sup> Юшков Г. А. Ловья лов: повестьяс да вистьяс. Сыктывкар, 1979. С. 18.

<sup>9</sup> Здесь и далее подстрочный перевод наш. – О.З.

с описания затянувшейся, хмурой, мрачной весны. Именно в такой день Питирим встречает Степана Федоровича, человека, прошедшего войну, безжалостного по отношению к миру природы, ее красоте, богатствам и дарам. В начале повести автор призывает читателя прислушаться к звуку произведения. Хотя само повествование еще не начато, коллизия еще не намечена, читатель уже улавливает общее настроение, которое определяет восприятие текста в целом. В описании затянувшейся весны ощущаются тревожное состояние повествователя, его душевное волнение. Напряжение не исчезает на протяжении всего развития действия в произведении, наоборот, оно усиливается. Природа тоже как бы предчувствует опасность, беду, разбушевавшаяся Печора предвещает катастрофу, которой придаются масштабы вселенского потрясения.

Писатель изображает в повести бунт природы, возмущенной бесцеремонным вмешательством человека. В реализации авторского замысла большое значение приобретает сон героини. Райде снится, что Печора загорелась, потому что в нее сливаются все отходы, нефть. Сон, включенный в сюжет повести, вносит лирическую струю в повествование, является его неотъемлемым структурным элементом, помогает глубже понять переживания героини, ее внутреннее состояние. Сновидение эмоционально насыщено, что подчеркивается соответствующей лексикой. Крик, плач – все это придает эмоциональную окрашенность и экспрессию. Образ пламени указывает на предстоящую опасность: огонь – это вселенская катастрофа, он включается в формулу гибели человечества. И. Г. Торопов изображает реку как живое существо, образ загрязненной Печоры и рыб одушевлен, подчинен мысли о родстве всего живого. Признак одушевленности понимается преимущественно как отсвет социальной идеи, в этой роли он и выступает в повести: пылающая Печора, кровавое зарево пожара символизируют социально-философское противостояние

природа – человек, где натура, ее целесообразность, истина резко противопоставлены «царю природы» с его несправедливостью и оскорблением самого себя насилием, жестокостью.

Центральным образом, отражающим понимание писателем природы как величественной организующей силы, является образ могучей Печоры. С одной стороны, это реальная река, во множестве подробностей прописанная в пейзаже, с другой – типичный обобщенный, экспрессивно насыщенный образ. Печора в повести выступает за всю природу, осуществляет все ее возможности: «Вода представляется как организующее жизнь начало: по берегам растет растительность, живут звери, птицы, рыбы, расположены деревни. В ней диалектически примиряются стихия и порядок, изменчивость и постоянство»<sup>10</sup>. Движение воды передает движение времени, следовательно, Печора символизирует в целом идею бесконечности жизни, могущество созидательных сил природы. Образы рыб развивают характерную для картин природы тему борьбы природных созданий за жизнь, через которую писатель стремится показать то, что хотел бы видеть вокруг, – миролюбие, любовь.

Природа у И. Г. Торопова имеет «всепокоряющее» влияние, она – «невидимая космическая сила», перед которой человек абсолютно бессилён: жестоко убившего маленьких утят Степана Федоровича вместе с его добычей затягивает болото. Произведение завершается словами: «*А юр весьтаныс, зэв вылын сӧдз энэжас, шывкъялис – гӧграліс сыръя борда Кӧзяин да, буракӧ, ас ногыс сералис*»<sup>11</sup>. «А над головой, высоко в чистом небе, бесшумно кружил Хозяин и, похоже, по своему смеялся». Можно предположить, что ястреб – Хозяин символизирует могущество природы и призван следить за гостями лесного царства.

Коми прозаики воссоздают в своих произведениях наиболее полную картину национального быта и уникального духовного опыта народа, включая в нее часть

<sup>10</sup> Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1. С. 240.

<sup>11</sup> Торопов И. Г. Тян: челядлы вистъяс да повесть. Сыктывкар, 1983. С. 108.

культурного поля исторического прошлого. Они также передают мифологизированную картину мироздания сквозь призму этнического восприятия.

### Заключение

Развивая идеи всеобщей жизни и разумности как основы мира, коми писатели Г. А. Юшков и И. Г. Торопов показывают, что разрыв человека с природой приводит к неполноценности бытия, к утрате чувства кровного родства всего живого, к разъединению и отчуждению людей. В этом прозаики видят одну из главных проблем, стоящих перед современной цивилизацией.

Просветительная цель произведений выражается в трагическом пафосе, реализующемся прежде всего в проблеме «природа – человек – цивилизация». Как правило, природа и цивилизация находятся в трагическом конфликте, причина которого кроется в человеке, в его потребительском отношении к окружающему миру. Коми прозаики пытаются предостеречь современное общество, основанное на утилитарно-потребительском отношении к природе, губительном и разрушительном для всех форм жизни на Земле. Особого внимания заслуживает вопрос антропоморфизации явлений природы в художественном мире произведений. Одухотворение природной материи в коми литературе связано с существующей в народном сознании анимистической традицией. Традиционное мировоззрение считается мало подверженным изменениям в силу сохране-

ния на Севере широкой природной среды, слабой урбанизации; анимизм, пантеизм актуализируются в искусстве как средство противодействия развивающемуся мировому экологическому кризису.

Одну из важнейших проблем в коми прозе составляет мифологизация. Главным объектом изображения являются традиционные воззрения коми человека на природу, уходящие корнями в языческую эпоху. Миф для писателей – не только средство, но и способ философского осмысления жизни. Мифологизация становится частью литературной традиции, формирующей культурное сознание современного человека. Проведенный анализ свидетельствует о наличии глубинного мифологического подтекста, который проявляет себя на уровне мотивов, сюжетов и отдельных образов. В основе мифологического воплощения чувства природы Г. А. Юшкова, И. Г. Торопова лежит мифопоэтическая традиция, обладающая интеллектуальной ценностью и предоставляющая в художественном изображении мира возможность глубокого логического анализа и обобщения. Традиция мифологизации природы воплощена в художественном мире писателей как часть национальной культуры, как опыт, накопленный народом в его отношениях с природой. Данный аспект осмысления природы в коми прозе второй половины XX в. имеет выход к проблемам философии, экологии, нравственности, к вопросам самоопределения личности в мире, ее приобщения к национально-культурным традициям.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева В. Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А. И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. № 1. С. 107–119. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00009.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865. Т. 1. 736 с.
3. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 393 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 45).
4. Бурилова Н. А. В поисках идеала личности: кн. ст. о герое коми прозы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 143 с.
5. Вейман Р. История литературы и мифология: Очерки по методологии и истории литературы: пер. с нем. М.: Прогресс, 1975. 343 с.

6. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
7. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль: (Проблемы семантики). М.: Наука, 1975. 148 с.
8. Гринфельд-Зингурс Т. Я. М. Пришвин и природа. К развитию пейзажа в прозе XX века: моногр. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2017. 329 с.
9. Гурленова Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов. Сыктывкар: СГУ, 1998. 179 с.
10. Динисламова С. С. К вопросу о мифологической проблематике в творчестве Ю. Шесталова // Вестник угроведения. 2017. № 1. С. 46–57.
11. Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. № 3. С. 68–84.
12. Зиявадинова О. С. Мифологическое восприятие мира природы в художественном творчестве Г. А. Юшкова, И. Г. Торопова // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Ижевск, 2015. С. 91–97.
13. Иванов И. И. Мифопоэтика в художественном сознании М. Горького // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 40–47. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10037.
14. Косинцева Е. В. Образ лебедя в хантыйской литературе // Вестник угроведения. 2016. № 3. С. 37–49.
15. Лисовская Г. К. К. Ф. Жаков и его роман «Сквозь строй жизни» в мифологическом аспекте // Финно-угроведение. 2001. № 2. С. 101–105.
16. Лисовская Г. К. Мифопоэтический символизм творчества К. Ф. Жакова // Вопросы финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр.: текстовое учеб. электрон. изд. на компакт-диске. Сыктывкар, 2016. Вып. 7. С. 51–55.
17. Лосев А. Ф. Диалектика мифа: дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. 559 с. (Философское наследие; т. 130).
18. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: Опыт атеист. интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.
19. Микушев А. К. На таежных просторах. М.: Современник, 1986. 304 с.
20. Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 255 с.
21. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми: Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.
22. Родионов В. Г. Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 551 с. (Памятники словесности).
23. Советская этнография: сб. ст. / отв. ред. С. П. Толстов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1948. 344 с.
24. Сязи В. Л. Образ медведя в произведениях Р. П. Ругина // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 1. С. 84–92. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-1-84-92.
25. Сязи В. Л. Образы животных в прозе Е. Д. Айпина // Вестник угроведения. 2016. № 2. С. 65–75.
26. Худенко Е. А. Реки Алтая в отечественной литературе XX–XXI веков: мифопоэтика и символика // Филология и человек. 2018. № 3. С. 103–117.
27. Шарапов В. Э. Ель, сосна и береза в традиционном мировоззрении коми // Эволюция и взаимодействие культур народов Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1993. С. 126–146. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 57).
28. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; образы и символы; священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
29. Emeny R. Edward Thomas: A life in pictures. London: Enitharmon Press, 2017. 304 p.

Поступила 26.12.2021; одобрена 18.01.2022; принята 22.06.2022.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**О. С. Зиявадинова** – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, [olgazijav@mail.ru](mailto:olgazijav@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5560-4037>



# Cultural features of the traditional worldview of Komi: mythopoetics in the artistic view of G. A. Yushkov, I. G. Toropov

**Olga S. Ziyavadinova**

*Institute of Language, Literature and History,  
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Syktyvkar, Russia*

**Introduction.** The article deals with the content and semantic potential of the embodiment of the theme of nature which acquires the character of a mythologeme. It is the key in the motive-plot complex of the texts by G. A. Yushkov and I. G. Toropov, the leading prose writers of Komi of the turn of the XX–XXI centuries.

**Materials and Methods.** The material for the study was the prose by G. A. Yushkov and I. G. Toropov. The authors employ such research methods as historical and literary, comparative, typological.

**Results and Discussion.** In the work of Komi writers there are tendencies towards mythologization, which in general was typical for developing literatures and early written languages of the 1960s–1980s. This is probably due to the desire to monumentalize the traditional worldview, to emphasize the “irregularity” of modern development, which was the characteristics of the works by Yu. Shestalov, V. Sangi, A. Kim, Ch. Aitmatov.

**Conclusion.** The artistic prose of the second half of the XX century offers to look at the cultural features of the traditional worldview of Komi as part of the history of literature and to discover the patterns of mythological images, plots and motifs determined by the era, direction, individual style of writers.

**Keywords:** Komi national character, worldview of the Komi ethnos, mythologization of nature, pagan epoch, traditional worldview

**For citation:** Ziyavadinova OS. Cultural features of the traditional worldview of Komi: mythopoetics in the artistic view of G. A. Yushkov, I. G. Toropov. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;3:346–357. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.346-357.

## REFERENCES

1. Andreeva VG. Image of the estate and home ground in stories and novels by A. I. Ertel. *Novyi filologicheskii vestnik* = The New Philological Bulletin. 2020;1:107–119. (In Russ.). DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00009.
2. Afanas'ev AN. Poetic views of the Slavs on nature. Moscow; 1865;1. (In Russ.)
3. Belitser VN. Essays on the ethnography of the Komi peoples. XIX – early XX centuries. Moscow; 1958;45. (In Russ.)
4. Buriylova NA. In search of the ideal of personality: a book of articles about the hero of Komi prose. Syktyvkar; 1987. (In Russ.)
5. Veiman R. Literary History and Mythology: Essays on Methodology and Literary History. Moscow; 1975. (In Russ.)
6. Vernadskii VI. Biosphere and noosphere. Moscow; 1989. (In Russ.)
7. Gribova LS. Perm animal style: (Problems of semantics). Moscow; 1975. (In Russ.)
8. Grinfel'd-Zingurs Tla. M. Prishvin and nature. On the development of landscape in the prose of the twentieth century. Monograph. Saint-Petersburg; 2017. (In Russ.)
9. Gurlenova LV. Feeling of nature in Russian prose of the 1920s–1930s. Syktyvkar; 1998. (In Russ.)
10. Dinislamova SS. To the question of mythological problematics in the creative work of Yu. Shestalov. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2017;1:46–57. (In Russ.)
11. Zhakov KF. The pagan worldview of the Zyryans. *Nauchnoe obozrenie* = Scientific Review. 1901;3:68–84. (In Russ.)
12. Ziyavadinova OS. Mythological perception of the natural world in the artistic work of G. A. Yushkov, I. G. Toropov. *Permistika 15: Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami: sb. st.* = Permistics 15: Dialects and history of Permian languages in interaction with other

- languages. Collection of articles. Izhevsk; 2015:91–97. (In Russ.)
13. Ivanov NN. Mythopoetics in M. Gorky's art consciousness. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* = Verkhnevolzhskii philological bulletin. 2018;2:40–47. (In Russ.). DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10037.
  14. Kosintseva EV. The image of the swan in the Khanty literature. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2016;3:37–49. (In Russ.)
  15. Lisovskaia GK. K. F. Zhakov and his novel “Through the Line of Life” in the mythological aspect. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies. 2001;2:101–105. (In Russ.)
  16. Lisovskaia GK. Mythopoetic symbolism of K. F. Zhakov's creativity. *Voprosy finno-ugorskoj filologii: mezhvuz. sb. nauch. tr.: tekstovoe ucheb. elektron. izd. na kompaktdiske* = Questions of Finno-Ugric Philology. Interuniversity collection of scientific papers. Text educational electronic edition on CD. Syktyvkar; 2016;7:51–55. (In Russ.)
  17. Losev AF. The Dialectic of Myth: A Supplement to The Dialectic of Myth. Moscow; 2001;130. (In Russ.)
  18. Manzhigeev IA. Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms: Experience of atheistic interpretation. Moscow; 1978. (In Russ.)
  19. Mikushev AK. In the taiga. Moscow; 1986. (In Russ.)
  20. Mikushev AK. Epic forms of Komi folklore. Leningrad; 1973. (In Russ.)
  21. Plesovskii FV. Wedding of the Komi people: rituals and lamentations. Syktyvkar; 1968. (In Russ.)
  22. Rodionov VG. Ethnos. Culture. Word. Chelboksary; 2006. (In Russ.)
  23. Tolstov SP, ed. Soviet ethnography. Collection of articles. Leningrad; 1948. (In Russ.)
  24. Syazi VL. The image of a bear in the works by R. P. Rugin. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2019;9:1:84–92. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-1-84-92.
  25. Syazi VL. Images of animals in prose of E. D. Aipin. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2016;2:65–75. (In Russ.)
  26. Khudenko EA. Altai rivers in Russian literature of the XX–XXI centuries: mythopoetics and symbolism. *Filologija i chelovek* = Philology & Human. 2018;3:103–117. (In Russ.)
  27. Sharapov VE. Spruce, pine and birch in the traditional Komi worldview. *Evoliutsiia i vzaimodeistvie kul'tur narodov Severo-Vostoka evropejskoj chasti Rossii* = Evolution and interaction of cultures of the peoples of the North-East of the European part of Russia. Syktyvkar; 1993;57:126–146. (In Russ.)
  28. Eliade M. Selected writings: The myth of the eternal return; images and symbols; sacred and profane. Moscow; 2000. (In Russ.)
  29. Emeny R. Edward Thomas: A life in pictures. London; 2017.

Submitted 26.12.2021; reviewing 18.01.2022; accepted 22.06.2022.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**O. S. Ziyavadinova** – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Literary Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, [olgazijav@mail.ru](mailto:olgazijav@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5560-4037>



ПРИКОСНОВЕНИЕ  
К ЛЕГЕНДЕ:  
К ЮБИЛЕЮ  
А. М. ШАРОНОВА  
И ВЫХОДУ В СВЕТ  
НОВОГО ИЗДАНИЯ  
«МАСТОРАВЫ»

A TOUCH  
TO THE LEGEND:  
TO THE ANNIVERSARY  
OF A. M. SHARONOV  
AND THE PUBLICATION  
OF A NEW EDITION  
OF "MASTORAVA"

8 апреля 2022 г. состоялось знаковое событие для всего финно-угорского мира. В Саранске в стенах Научного центра социально-экономического мониторинга (НЦСЭМ) прошла презентация нового, пятого, издания эрзяно-мокшано-русского героического эпоса «Масторава»<sup>1</sup> на русском языке. Автор книги – поэт, писатель, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина, лауреат Государственной премии Республики Мордовия, лауреат Первой литературной премии Общества М. А. Кастрена, главный научный сотрудник НЦСЭМ Александр Маркович Шаронов. 18 февраля 2022 г. ему исполнилось 80 лет.

Модератором события, посвященного юбилею ученого и выходу в свет новой книги<sup>2</sup>, стала заместитель директора НЦСЭМ Валентина Павловна Миничкина, благодаря которой «мероприятие» превратилось во встречу добрых друзей, неравнодушных к судьбе великой



России и маленькой Мордовии, к судьбе человека – не только объекта исследования, но и мыслителя, творца, поэта. В круг друзей органично вписались представители власти и науки – заместитель Руководителя Администрации – начальник Управления внутренней политики Администрации Главы Республики Мордовия и Правительства Республики Мордовия А. В. Ратников и первый заместитель министра культуры, национальной политики

и архивного дела Республики Мордовия А. И. Карьгин, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета (МГУ) им. Н. П. Огарёва доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН Н. М. Арсентьев, заведующий кафедрой финно-угорской филологии МГУ доктор филологических наук Ю. Г. Антонов, доктор филологических наук профессор кафедры русской и зарубежной литературы МГУ С. П. Гудкова. Творческую ноту в событие внесли заслуженный поэт Республики Мордовия В. Н. Корчаганов, председатель Союза писателей Республики Мордовия Т. П. Швецова, главный редактор журнала «Чилисема» («Восход») Е. В. Барцаева, главный редактор газеты «Эрзянь Мастор» («Страна эрзян»), председатель Фонда спасения эрзянского языка Т. И. Ларина. Поддержать виновника торжества пришли народный мастер России скульптор П. В. Рябов, народный врач Республики Мордовия Г. Г. Мельцаев, лучший учитель мордовского (мок-

<sup>1</sup> Шаронов А. М. Масторава. Изд. 5-е, испр. и доп. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. 512 с.

<sup>2</sup> Главным редактором издания и одним из авторов вступительной статьи «Масторава» – космос и социум» выступил академик РАН, профессор, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии РФ, научный руководитель Института востоковедения РАН В. В. Наумкин; в книге использованы иллюстрации заслуженного художника РСФСР, народного художника Мордовии Н. С. Макушкина.

шанского, эрзянского) языка Республики Мордовия (2017 г.) А. А. Учеваткин. Большое семейство Шароновых, в котором есть и люди, облеченные властью, и известные ученые, и талантливые писатели, представила дочь юбиляра Елена Александровна Шаронова – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы МГУ и по совместительству соратник, единомышленник, главный специалист по творчеству поэта.

В этот день кроме закономерных поздравлений с двойным событием звучали стихи на русском и эрзянском языках, рассуждения о любви и преданности родной земле, о неразрывной связи культур эрзянского, мокшанского и русского народов, размышления о значении в современном мире эпоса вообще и «Масторавы» в частности. По словам самого Александра Марковича, «Масторава» представляет эрзян, мокшан и русских как демиургов своей истории, как этносы, обладающие космическим сознанием. Эпос позволяет им знать свое прошлое, благодаря чему они могут трезво оценивать настоящее и с оптимизмом смотреть в будущее.

У юбиляра, философа и мыслителя, есть ответы буквально на все вопросы, в том числе на извечный: «...откуда пошла Русская земля...»? В одной из своих книг он пишет: «На северо-западе Мордовии, на ее стыке с Рязанской и Нижегородской областями, на правом берегу реки Шокша стоит большое село Шокша, в котором я родился. Здесь 1500–1600 лет назад встретились четыре родственных племени, говоривших на диалектах одного языка: Эрзя, Меря, Муром, Мещёра. <...>. В генетической памяти шокшинцев хранится информация об этих племенах, оказывая сильное влияние на их бытовое и общественное поведение, мироощущение, пространственную ориентацию. Своим сознанием они обращены на Муром, Вла-

Александр Маркович родился 18 февраля 1942 г. в с. Шокша Теньгушевского района Мордовской АССР. Окончив школу в родном селе, учился в Краснослободском техническом училище (1959–1961), где получил диплом машиниста дорожно-строительных машин. Трудовую биографию начал, работая слесарем в Машинопрокатной базе Саранского совнархоза (1961–1962). После службы в ракетных войсках (1962–1965) поступил на исторический факультет Мордовского государственного университета (1965–1969), где стал одним из зачинателей движения студенческих строительных отрядов, бойцом первого студенческого строительного отряда (1966, Казахстан). Работал учителем истории и обществоведения в Козловской средней школе Атяшевского района Мордовской АССР (1969), учился в аспирантуре Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (НИИЯЛИЭ) при Совете министров Мордовской АССР (1970–1973). После защиты кандидатской диссертации на тему «Русско-мордовские фольклорные отношения (исторические песни XVI–XVIII веков)» (1973) работал научным, старшим научным сотрудником сектора фольклора НИИЯЛИЭ (1973–1979). 1979–2000 гг. в биографии ученого связаны с Мордовским государственным университетом, где он был преподавателем кафедры философии, старшим преподавателем кафедры этики и эстетики, старшим преподавателем, доцентом кафедры русской и зарубежной литературы. С 2000 по 2012 г. Александр Маркович снова в НИИ: старший научный сотрудник отдела литературы и народного творчества НИИЯЛИЭ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве РМ. В 2002 г. защитил докторскую диссертацию «Мордовский героический эпос: сюжеты и герои». С 2013 г. Александр Шаронов трудится в Научном центре социально-экономического мониторинга.

За 60 лет творческой жизни поэт и ученый написал сотни стихов, десятки поэм и повестей, его перу принадлежит несколько монографий, а многочисленные статьи были опубликованы не только в России, но и за ее рубежами – в Германии, Турции, Объединенных Арабских Эмиратах. Международную известность получил как автор эпоса «Масторава», написанного на основе эрзянских, мокшанских, русских мифов, эпических песен и сказаний. Публикации о «Мастораве» А. М. Шаронова представлены в США, Австралии, Венгрии, Финляндии, Эстонии.

Успехи в научной и творческой деятельности А. М. Шаронова отмечены многими наградами. Почетные грамоты: Министерства по национальной политике Республики Мордовия (2010), Министерства печати Республики Мордовия (2010, 2012), Государственного Собрания Республики Мордовия (2015), Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия (2019), Всероссийской общественной организации героев, кавалеров государственных наград и лауреатов государственных премий «Трудовая доблесть России» (2019). Медали: Международного сообщества писательских союзов «Петр Аркадьевич Столыпин» (2003), «За усердие» (2007), «Ине эрзяньень» («Великий эрзянин») (2016), «За межнациональное согласие (1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства)» (2017); Золотая медаль «С. А. Есенин» Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина (2005). Почетный знак Всероссийской общественной организации героев, кавалеров государственных наград и лауреатов государственных премий «Трудовая доблесть России» (2020).

димир, Москву и Рязань, на землях которых совместно и череполосно проживали их предки, которые, вопреки утверждениям об их исчезновении в результате

перерождения в “славян”, живы до сих пор как физически, так и в своем самосознании, в бытии духа. <...> И постольку, поскольку на землях Эрзи, Мери, Муро-

мы, Мещёры сложилась Русь, мы вправе не только предполагать, а совершенно определенно считать, что именно от Эрзи, Мери, Муромы, Мещёры пошел русский народ...»<sup>3</sup>

Откуда же пошел талант Александра Марковича? У него есть ответ и на этот вопрос: «В какую бы сторону от Шокши ни бросил я взгляд – на север, запад, юг, – везде передо мной открываются эрзяно-русские просторы со сказочно красивой природой. И под стать ей здесь испокон веков живут удивительно красивые и сильные люди, словно их напоили своей мощью и очарованием Ока и Волга, Мокша и Цна, Москва и Клязьма, безбрежные леса и поля и небо над ними, откуда водопадом льётся синева, наполняя собою всё сущее, души и глаза людей. <...> Со стороны Муромы смотрит на меня синими глазами Илья Муромец, со стороны Рязани – Добрыня Никитич, со стороны Ростова – Алёша Попович, эрзяно-мерянские святорусские великие богатыри, в дремучих лесах по Клязьме и Москве-реке слышу повист Соловья-Разбойника, на высоком берегу Ока светится апостольский лик Сергея Есенина, гениальнейшего русского поэта эрзяно-мещёрского происхождения...»<sup>4</sup>

Наполненный, околдованный этой синевой, стихи Александр Маркович пишет с детства. В 1959 г. в районной газете «Голос колхозника» были опубликованы его первые лирические стихи, а в 1967 г. в сборнике «Радуга», уже в Саранске, увидела свет его первая стихотворная подборка. Затем будут поэмы «Сватовство Инешкипаза», «Канёва и Менелява», «Кудайей», «Тёкшонь», «Эрзянское царство», сказание «Тюштя» и – вершина всего – героический эпос «Масторава» («Родина»). В 1994 г. увидела свет «Масторава» на эрзянском языке, после этого

она издавалась на мокшанском (2001), русском (в авторском переводе, 2003, 2010, 2019, 2020, 2022), венгерском (2010), финском (2015) языках. Поэт посвятил ей тридцать лет жизни и не намерен останавливаться на достигнутом.

Об А. М. Шаронове и «Мастораве» было сказано и написано немало. Его сравнивали с Гомером, автором «Илиады» и «Одиссеи», с Э. Лённротом, автором «Калевалы», и Ф. Крейцвальдом, составителем «Калевипозга». Для одних его творчество – «сундук с драгоценностями», для других – «образец эрзянского художественного слова». Жизнь поэта – «яркий пример служения России, Мордовии» и в то же время – «типичная жизнь гения, сопряженная с трудностями и их преодолением». Его творчеству посвящено свыше 200 статей в России, Финляндии, Швеции, США, Бразилии, Турции, Польше, Казахстане и других странах, где дана высокая оценка как прозаических, так и поэтических произведе-

ний. Но, возможно, лучше всех осознавал масштаб личности мыслителя великий русский философ А. А. Гагаев: «Мессинская роль А. М. Шаронова – «Масторава» – как окно в будущее для эрзянского народа. Его миссия – русский и эрзянский тип образования, науки, развитие эрзянской традиции в образовании. Целевая функция жизни – пробуждение в эрзянах и русских чувства свободы и преодоление в себе раба и холопа. Его судьба – судьба любого великого человека в России – горе от ума и основание традиции эрзянской свободной философии жизни. Его предназначение – быть совестью, воскрешающей Медную Трубу Тюштяна и поддерживающей ослабевающую идентичность и идентификацию эрзи в собственный этнос и русский народ»<sup>5</sup>.

Поздравляем Александра Марковича с юбилеем, с выходом в свет обновленной «Масторавы» и с присвоением заслуженной награды «Лауреат Государственной премии Республики Мордовия»!

<sup>5</sup> Пусть воскреснет «Эрзянь Мастор» – Страна живых. Посвящается Александру Шаронову – последнему Эпику и Сказочнику Мордовии // Интернет-портал «Литературная Россия». 2017/7. URL: <https://litrossia.ru/item/9736-pust-vokresnet-erzyan-mastor-strana-zhivykh-posvyashchaetsya-aleksandru-sharonovu-poslednemu-epiku-iskazochniku-mordovii/>.

#### **Елена Степановна Руськина –**

*редактор*

*Межрегионального научного центра финно-угроведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, redizd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4436-1049>*

#### **Елена Николаевна Маскаева –**

*старший научный сотрудник редакционно-издательского отдела Научного центра социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия, elena-maskaeva@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8889-3170>*

#### **Elena S. Ruskina –**

*An editor, Interregional Research Center for Finno-Ugric Studies National Research Moravia State University, Saransk, Russia, redizd@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-4436-1049>*

#### **Elena N. Maskaeva –**

*Senior Research Fellow, Editorial and Publishing Department, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Saransk, Russia, e-mail: elena-maskaeva@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8889-3170>*

<sup>3</sup> Шаронов А. М. Меря, Эрзя, Русь: автохтонный аспект. Саранск, 2019. С. 3.

<sup>4</sup> Там же. С. 4–5.



ЧЕЛОВЕК  
С ОТКРЫТЫМ  
СЕРДЦЕМ.  
К 95-ЛЕТИЮ  
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ  
В. М. ЗАБАВИНОЙ  
(1927–2018)

A PERSON  
WITH AN OPEN HEART.  
ON THE 95TH  
ANNIVERSARY  
OF THE BIRTH  
OF V. M. ZABAVINA  
(1927–2018)

**В**алентина Митрофановна Забавина родилась весной, 23 апреля. Она очень любила весну как время обновления и перемен, любила свой день рождения и старалась отмечать его в широком кругу друзей, коллег, близких.

Примечательно, что Валентина Митрофановна была из семьи потомственных педагогов-филологов Петраевых, которые по воле судьбы в 1930-е гг. оказались в Мордовии и стали работать в Мордовском государственном педагогическом институте (МГПИ). Ее отец Митрофан Алексеевич – выпускник филологического факультета Петроградского университета, кандидат филологических наук, доцент. Занимался изучением истории русской литературы XIX–XX вв. Трудился над созданием словаря прозы В. Маяковского. Был доцентом кафедры русской и зарубежной литературы, а затем кафедры литературы МГПИ. Мать Ольга Николаевна преподавала английский язык на кафедре иностранных языков.

Валентина Митрофановна всегда с особой теплотой и благодарностью вспоминала родителей. С детства ее окружали книги, разговоры о литературе, филологические дискуссии. Она часто говорила о том, что иного пути, как пути в филологию, у нее не было, хотя девочкой мечтала стать актрисой. Можно сказать, что частично детская мечта осуществилась: актерский талант



пригодился В. М. Забавиной в чтении лекций по истории русской литературы. Мы, студенты, с восхищением слушали в исполнении преподавателя монологи Липочки из пьесы А. Островского «Свои люди – сочтемся!» и Катерины из драмы «Гроза». В такие минуты ее лицо преображалось, она сразу вживалась в роль, могла интонацией передать внутреннее волнение героини или комичность характера персонажа. Каждый раз, воссоздавая те или иные сцены художественного текста, она переживала неподдельные эмоции, завораживая нас энергией создателя художественного текста.

В 1943 г. В. М. Забавина окончила среднюю школу в Темникове (Мордовская АССР), куда в годы войны был эвакуирован МГПИ. С 1943 по 1948 г. обучалась на факультете языка

и литературы педагогического института. В нелегкие военные годы девушке, как и ее сверстницам, приходилось чередовать учебу с работой на местных предприятиях, шить кисеты для солдат и даже принимать участие в лесоповале.

Учителями В. М. Забавиной были такие известные педагоги, как М. М. Бахтин, А. И. Маскаев, А. Г. Сердцева. Лекции М. М. Бахтина произвели на нее неизгладимое впечатление. Вот как она рассказывала о первой встрече с ученым, которая произошла в 1945 г.: «Мы, студенты, сидя в аудитории, ждали нового преподавателя по античной литературе. Прозвенел звонок, и вошел М. М. Бахтин. Первое, что бросилось в глаза: довольно грузная фигура, несколько одутловатое лицо, синяки под глазами, лысина и... костыли. Но стоило только ему заговорить, и мы обо всем этом забыли, мы увидели совершенно другого человека: молодого, увлеченного, с удивительно добрым лицом, с горящими, умными глазами. Как он читал лекции! Свободно, без всяких записей, все время общаясь с аудиторией. Михаил Михайлович много знал наизусть, и прекрасные строки «Илиады» и «Одиссеи» звучали в его устах как-то особенно проникновенно. Именно Бахтин научил меня настоящему чувствовать, понимать и любить литературу».

Получив диплом, Валентина Митрофановна поступила в аспи-

рантуру Московского областного педагогического института и окончила ее в 1952 г. В 25 лет она стала кандидатом филологических наук. Ее кандидатская диссертация была посвящена изучению русской литературной критики второй половины XIX в., в частности литературно-критической деятельности Д. Писарева. Огромное влияние на формирование В. М. Забавиной как исследователя-филолога оказали такие известные ученые, как Г. Л. Абрамович, Л. И. Тимофеев, С. М. Петров, Н. А. Глаголев. Последний был ее научным руководителем.

Вернувшись в Саранск, В. М. Забавина стала работать в МГПИ, переименованном в 1957 г. в Мордовский государственный университет. Более пятидесяти лет (с 1952 по 2005 г.) Валентина Митрофановна проработала в главном вузе республики, здесь прошла путь от ассистента кафедры русской и зарубежной литературы до декана филологического факультета (с 1970 по 1976 г.).

Интересны воспоминания о Валентине Митрофановне ее студентки, а затем коллеги по кафедре Галины Семеновны Комаровой: «Обаятельная, стильная, всегда модно одетая, с ярко выраженным интеллектом. В ее традициях было не повышать голос ни на студента, ни на молодого коллегу. Разумеется, идеологическая атмосфера того времени наложила на нее свой отпечаток. Она была членом партии, была секретарем партийной организации на факультете. Это ко многому обязывало, приходилось быть строгой, когда того требовала ситуация. Стоит учесть, что ей приходилось много работать по самым разным направлениям, особенно в ее бытность деканом филфака. Декан – хозяин факультета и, как правило, это всегда мужчина, потому что груз обязанностей достаточно велик. А тут – хрупкие женские плечи!.. Она в то время была единственной женщиной-деканом в мордовском вузе. Да и после нее женщин не часто ста-

вили во главе факультетов МГУ имени Н. П. Огарёва. Можно сказать, что тогда, в 70-е, она “строила” факультет, создавала его, она многое сделала для того, чтобы создать, а затем поднять его имидж на должную высоту»<sup>1</sup>.

В. М. Забавина читала курс «История русской литературы XIX века», спецкурсы по творчеству Ф. Достоевского и Л. Толстого. В фокусе ее исследовательского интереса находились особенности поэтики В. Даля, И. Крылова, Ф. Тютчева; специфика реалистического метода Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова. Не оставалось без внимания и творчество мордовских писателей.

Ученым опубликовано более 70 научных и учебно-методических работ. В 1966 г. была напечатана первая монографическая работа В. М. Забавиной о жизни и творчестве К. Абрамова, положившая начало всестороннему исследованию поэтики творчества мордовского романиста. В монографии прослеживается эволюция прозы писателя (от рассказа к роману-эпопее), анализируется ее проблемно-тематическое и жанровое своеобразие, а также исследуется специфика реалистического метода; отмечаются талант Абрамова-бытописателя, его тонкая наблюдательность, точность в изображении исторических событий, психологическое мастерство: «Одной

из особенностей писательского искусства К. Абрамова является то, что автор равнодушен к изображаемым событиям, они волнуют его. Каждый образ романист проводит через призму собственных взглядов»<sup>2</sup>.

Интересовали В. М. Забавину также особенности влияния литературных традиций писателей-классиков на творчество мордовских авторов. Она указывает на близость творчества К. Петровой драматургии А. Н. Островского; обнаруживает пушкинские мотивы в лирике И. Пиняева, жанровые традиции романа-эпопеи М. Шолохова, М. Горького – в творчестве К. Абрамова. Энергия, стремительность стиха В. Маяковского, на взгляд исследователя, созвучна поэзии А. Моро, И. Кривошеева<sup>3</sup>.

В. М. Забавина была активным общественным деятелем: заместителем председателя комитета защиты мира, советско-болгарской дружбы, членом комиссии по приему национальных спектаклей при Мордовском государственном театре драмы. Как ветеран Великой Отечественной войны (труженик тыла) в апреле 2017 г. она получила персональное поздравление от Президента Российской Федерации. За многолетнюю и добросовестную работу в 1977 г. ей присвоено звание заслуженного работника культуры МАССР, в 1982 г. – заслуженного работника культуры РСФСР.

<sup>1</sup> URL: [https://www.info-rm.com/2017/04/21/studenty\\_obozhali\\_docenta\\_zabavinu\\_i\\_za\\_glazu\\_uvazhitelno\\_nazyvali\\_ee\\_mamoj\\_a\\_ona\\_vsegda\\_schitala\\_chto\\_stu/](https://www.info-rm.com/2017/04/21/studenty_obozhali_docenta_zabavinu_i_za_glazu_uvazhitelno_nazyvali_ee_mamoj_a_ona_vsegda_schitala_chto_stu/).

<sup>2</sup> Забавина В. М. Кузьма Григорьевич Абрамов: очерк жизни и творчества. Саранск, 1966. С. 72.

<sup>3</sup> См.: Забавина В. М. Традиции русской классической и советской литературы в развитии мордовского художественного слова // В братской семье: по материалам респ. науч.-теорет. конф. «Мордовия в братской семье советских народов»: сб. Саранск, 1981. С. 361–364.

**Светлана Петровна Гудкова –**  
*доктор филологических наук,*  
*профессор кафедры русской и зарубежной литературы*  
*Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,*  
*Саранск, Россия, sveta\_gud@mail.ru,*  
*<https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>*

**Svetlana P. Gudkova –**  
*Doctor of Philology, Professor,*  
*Department of Russian and Foreign Literature,*  
*National Research Mordovia State University,*  
*Saransk, Russia, sveta\_gud@mail.ru,*  
*<https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>*



«А ПО ОЦЕ РЕЦЕ,  
ГДЕ ВТЕЧЕТ В ВОЛГУ,  
ЯЗЫК СВОЙ МУРОМА;  
ЧЕРЕМИСА  
СВОЙ ЯЗЫК;  
МОРДВА СВОЙ ЯЗЫК»

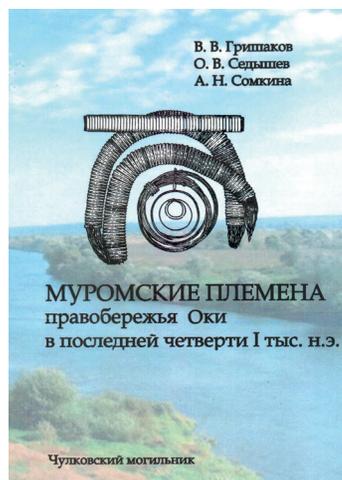
“AND ALONG  
THE OKA RIVER,  
WHERE IT FLOWS  
INTO THE VOLGA,  
MUROM'S LANGUAGE;  
CHEREMIS  
OWN LANGUAGE;  
MORDOVIANS  
OWN LANGUAGE”

**Рецензия на книгу:** Гришаков В. В., Седышев О. В., Сомкина А. Н. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н. э.: моногр. / Мордовский гос. пед. ин-т. – Саранск, 2016. – 176 с.

**Book review:** Grishakov V. V., Sedyshev O. V., Somkina A. N. Murom tribes of the right bank of the Oka in the last quarter of the 1st millennium AD. Monograph / Mordovian State Pedagogical Institute. – Saransk, 2016. – 176 p.

**Благодарности:** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья»

Среди финноязычных народов Поволжья археологические древности муромы относятся к разряду наименее изученных. Подобная ситуация, возможно, объясняется тем, что муромские памятники расположены за пределами территории национальных республик народов финно-угорской языковой группы и поэтому привлекают к себе меньше внимания со стороны исследователей. Тем более важным событием представляется издание в Саранске монографии, посвященной изучению муромских древностей Чулковского могильника. Раскопки этого памятника, расположенного на юго-западе Нижегородской области, в долине Оки, были начаты еще в 1974 г.



экспедицией Мордовского государственного университета под руководством М. Ф. Жиганова, а в 1985 г. были про-

должны В. В. Гришаковым. В общей сложности на могильнике было исследовано 94 погребения, материалы которых стали предметом анализа в монографии, подготовленной коллективом авторов в составе В. В. Гришакова, О. В. Седышева и А. Н. Сомкиной. Работа состоит из введения, двух глав, дневника раскопок могильника, заключения и 65 рисунков погребального инвентаря.

Во введении авторами излагается краткая история исследования могильника, приводится список активных участников экспедиции.

В первой главе описывается материальная культура населения, оставившего могильник. Здесь приводятся классифика-

ции предметов, относящихся к женскому и мужскому костюмам. Следует отметить, что в конце I тыс. н. э. племена муромы, по-видимому, контролировали Окский торговый путь, поэтому муромские захоронения отличаются богатством погребального инвентаря. К комплексу женского костюма относятся достаточно многочисленные украшения, изготовленные из бронзы и серебра. Этническим маркером национального костюма, как правило, выступают головные украшения. У муромы это были головные жгуты, представляющие собой длинные пучки шерстяных или полотняных нитей, обернутые кожаной лентой и обмотанные широкой бронзовой проволокой. Жгуты охватывали голову ото лба к затылку или от правого виска к левому. Украшением головы также служили височные кольца и налобные венчики, формы которых продолжают развитие головных уборов родственных муроме рязано-окских племен. Широко распространенной принадлежностью муромского костюма были ажурные бляхи и шумящие украшения, изготовленные мастерами-литейщиками в технике «воскового вязания». Только для муромы были характерны набедренные ленты, изготовленные из кожаных полос, обжатых бронзовыми обоймами.

Большинство остальных украшений относятся к разряду общефинских, являясь принадлежностью женского костюма не только муромы, но и марийцев, мордвы, в меньшей степени – мери. Это пластинчатые и спиральные браслеты, круглодротовые гривны с проволоочной обмоткой на концах и с замком в виде «лодочки» с петлей, нагрудные пластинчатые бляхи с крышечкой, спиральные перстни, ножные украшения-оборы, застежки-сюльгамы и др. На наш взгляд, все это, вопреки мнению ряда лингвистов, свидетельствует о сохранении определенной степени культурного единства финноязычных народов Поволжья во второй

половине I тыс. н. э. Впрочем, необходимо признать, что мы пока еще не можем дать убедительного и аргументированного ответа на вопрос: на чем был основан механизм сохранения культурной общности этих народов? Остается неясной и степень их интеграции. Очевидным является наличие единого металлообрабатывающего очага, мастера-литейщики которого изготавливали общие формы ювелирных изделий. Следует отметить, что льячки и литейные формочки для отливки оловянного бисера были обнаружены в четырех женских захоронениях, что характерно также для погребальных традиций мордвы и марийцев.

Мужской костюм был менее своеобразен. Из украшений мужчины носили дротовые ложновитые гривны с замком в виде петли и многогранной головки, причем они чаще были серебряными. В двух погребениях были зафиксированы серебряные застежки с «крылатой иглой», которые принято относить к предметам высокого социального статуса. Обязательной деталью мужского костюма был пояс, в который входили пряжки, поясные накладки и наконечники ремней. Большинство деталей ременного набора были изготовлены из железа, реже из бронзы или серебра.

Обычной принадлежностью мужских захоронений были ножи, кресала, кельты и проушные топоры, наконечники копий и дротиков, реже встречались наконечники стрел. Хотя исследователи считают кельты рабочими топорами, скорее всего они являлись орудиями многофункционального назначения. К боевым, несомненно, относятся два топора с молоточковидным обухом. Большинство погребений содержали находки глиняной посуды, среди которой преобладали глубокие миски высоких пропорций и стандартных объемов. Значительно реже встречались неглубокие бокалы средних пропорций и горшки. В одном погребении были обна-

ружены импортная полированная чаша и остатки четырех деревянных чаш.

В 13 конских захоронениях было зафиксировано снаряжение верхового коня: удила, стремяна, детали уздечек и сбруи, причем стремяна, как правило, не были парными. По предположению авторов, они преимущественно использовались лишь для подъема на коня, а не для обеспечения прочности посадки. Удила с S-видными и прямыми псалиями восходят к степным прототипам, удила с подвижными кольцами относятся к типично местным формам.

В аналитическом ключе написана вторая глава монографии, посвященная датировке погребальных комплексов. На наш взгляд, данная глава носит наиболее дискуссионный характер. Авторами был использован метод П. Рейнеке, суть которого заключается в анализе изменения наборов типов вещей в погребениях путем изучения их взаимовстречаемости. Недостатки данного метода уже анализировались автором рецензии. Главным из них являются ограниченные размеры аналитической выборки, поскольку не все погребальные комплексы используются при разработке хронологии некрополя.

В монографии выделены три хронологические группы вещей. Первая датирована VIII – началом IX в. Хронологические рамки второй группы определены IX в., третьей – концом IX–X в. В итоге получается, что могильник функционировал на протяжении порядка 300 лет, в ходе которых было совершено 81 захоронение преимущественно взрослых людей, поскольку малолетних детей хоронили где-то отдельно. Однако если предположить, что захоронения были оставлены группой людей минимально возможной численностью 20–25 чел., состоящей из двух-трех патриархальных семей, число умерших должно было быть в три-четыре раза больше, даже с учетом того, что вскрыта не вся площадь некрополя. Ана-

лиз планиграфии могильника подтверждает данные выводы. Самые ранние погребения совершены в южной части памятника, ближе к краю мысовидного выступа террасы р. Тужа. В этой части сконцентрированы погребения с круглодротовыми гривнами с замком в виде «лодочки» и петли, которые бытуют в мордовских могильниках до середины VIII в. Здесь же начинают встречаться спиральные браслеты, появление которых на памятниках волжских финнов относится ко второй половине VIII в. Следовательно, самые ранние погребения на Чулков-

ском могильнике были совершены не ранее середины VIII в.

Завершающий этап функционирования некрополя авторы монографии относят к X в., основываясь на многочисленных находках бронзовых ажурных блях округлой формы, выполненных в технике «воскового вязания», которые, по их мнению, получают широкое распространение в муромских могильниках именно в это время. Однако В. В. Бейлекчи определяет время бытования этих блях в муромских древностях более широко: с VII по X в. В северной, поздней части некрополя они

нередко встречаются в погребениях вместе с ложновитыми гривнами с многогранной головкой и петлей, время бытования которых в мордовских древностях не выходит за пределы IX в. Таким образом, время функционирования Чулковского могильника следует ограничить серединой VIII – IX в.

В заключении монографии авторы приходят к справедливому выводу, что муромские племена создали собственный очаг культуры в Нижнем Поочье, просуществовавший до начала XI в., когда движение славянских племен поглотило его.

**Владимир Вячеславович Ставицкий –**

*доктор исторических наук,  
профессор кафедры всеобщей истории и обществознания  
Пензенского государственного университета,  
Пенза, Россия,  
stawiczky.v@yandex.ru,  
<https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>*

**Vladimir V. Stavitsky –**

*Doctor of History, Professor,  
Department of General History and Social Sciences,  
Penza State University,  
Penza, Russia,  
stawiczky.v@yandex.ru,  
<https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>*

ВИКТОР  
АНАТОЛЬЕВИЧ  
СЕМЕНОВ:  
СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

VICTOR  
SEMENOV:  
A WORD  
ABOUT THE TEACHER

**Рецензия на книгу:** «Как это мудро – быть самим собой»: сборник научных статей и воспоминаний памяти профессора В. А. Семенова / отв. ред. Т. И. Чудова. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2021. – 328 с.: ил.

**Book review:** How wise it is to be yourself. Collection of research articles and memoirs in memory of professor V. A. Semenov / ed. T. I. Chudova. – Syktyvkar: SSU Publishing House, 2021. – 328 p.

**В** 2021 г. в издательстве Сыктывкарского государственного университета вышла книга «Как это мудро – быть самим собой» в память о докторе исторических наук, профессоре, заслуженном деятеле науки Российской Федерации, заслуженном работнике Республики Коми В. А. Семенове. На обложке помещены портрет В. А. Семенова и строка из его стихотворения «Бессвязное». Название книги очень точно отражает духовный мир глубоко одаренного человека – ученого, поэта, художника, ушедшего из жизни 12 июля 2020 г.

Виктор Анатольевич родился 31 октября 1945 г. в г. Ломоносов Ленинградской области. После службы в Советской армии поступил в Ленинградский государственный университет, а по его окончании – в аспирантуру на кафедру археологии. В 1976 г. приехал в Сыктывкар, связав с этим городом всю дальнейшую профессиональную жизнь и судьбу. В Сыктывкарском государственном университете (СГУ) он проработал 44 года и прошел путь от



ассистента до профессора: в 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Свайные поселения бассейна Западной Двины во 2–3 тыс. до н. э. как археологический источник», в 1996 г. – докторскую «Традиционная семейная обрядность коми-зырян во второй половине XIX – первой половине XX в. (пространство и время)».

На историческом факультете СГУ Виктор Анатольевич был очень значим: его уважали коллеги, любили студенты. Он

был инициатором и руководителем этнографических исследований, стоял у истоков формирования этнографической коллекции Музея археологии и этнографии, открытие которого состоялось в 1982 г. Многие экспонаты были найдены им во время полевых экспедиций.

С 1999 по 2010 г. В. А. Семенов возглавлял кафедру источниковедения, археологии и этнографии: читал основные курсы лекций по археологии, этнологии, социальной антропологии, историческому краеведению; «Финно-угорский мир: история и современность»; спецкурсы: «Археолого-этнографические параллели предметного мира в древней и традиционной культуре народов Европейского Севера», «Символика культового литья раннего Средневековья на Европейском Северо-Востоке». Вел спецсеминары, руководил археологической практикой, курсовыми и дипломными работами студентов. По воспоминаниям Т. И. Чудовой, «на его лекциях было интересно, он никогда не поучал студентов,

а настоятельно рекомендовал читать, причем любые книги, подчеркивая, что потом «в мозгах разберешься» и сможешь правильно распорядиться знаниями. Ему важно было, чтобы студенты научились мыслить самостоятельно: как он сам неоднократно подчеркивал, нужно уметь рассуждать, сопоставлять факты, и тогда можно сделать адекватные выводы» (с. 4).

Некоторые ученики В. А. Семенова после студенческой скамьи продолжили обучение в аспирантуре, и хотя не все писали свои диссертации под его руководством, но для каждого он априори всегда оставался Учителем. С Виктором Анатольевичем мы, аспиранты, обсуждали концепции своих работ, спорили, после экспедиционных выездов рассказывали ему о своих находках, а он щедро делился с нами своими идеями и замыслами. И главное – мы, ученики, стали с ним друзьями. Профессор невероятным образом объединял вокруг себя коллег, друзей, учеников и всякий раз умел нас чем-то удивить.

Археолог, этнолог, историк... Виктор Анатольевич наряду с многогранностью интересов отличался блестящей эрудицией. Полюбив Коми край, ученый живо интересовался его историей и людьми и транслировал знания широкой общественности. Он обладал даром рассказывания, использовал оригинальные приемы эмоционального повествования и этим легко поддерживал внимание аудитории. Его лекции были востребованы, их с удовольствием воспринимали люди самых разных возрастов и профессий. Широкий кругозор, глубокие предметные знания, в том числе в области литературы и искусства, увлеченность профессией были притягательны не только для представителей научного сообщества, но и для людей, интересовавшихся вопросами истории и культуры.

Сборник открывает вступительное слово составителя – Т. И. Чудовой, в котором Виктор

Анатольевич предстает как человек с разносторонними интересами: ученый, общественный деятель, поэт, художник. Приехав в Сыктывкар, В. А. Семенов занялся изучением археологических памятников эпохи бронзы на Европейском Северо-Востоке. На протяжении многих лет руководил археологической практикой, откуда привозил уникальные находки, вошедшие в коллекции памятников Музея археологии и этнографии СГУ.

Виктор Анатольевич успешно совмещал преподавательскую деятельность с научной работой. В 1992 г. по итогам конкурса научно-исследовательских работ «НИР-92» был признан лучшим ученым Сыктывкарского университета. Им опубликовано свыше 250 научных работ по археологии, этнографии, истории финно-угорского мира. С научными результатами он выступал на высокоуровневых форумах: международных конгрессах финно-угроведов, международных и всероссийских конференциях, симпозиумах.

В 1988 г. ученый как участник учредительной конференции стал одним из создателей общественной организации «Мемориал» в Сыктывкаре. Он был активным пропагандистом научных знаний: выступал по радио и телевидению, давал интервью не только о научной жизни университета, но и по разным актуальным темам современности.

Сборник состоит из четырех разделов. Вводную часть открывает статья дочери В. А. Семенова – Д. В. Вишняковой, в которой дана генеалогия рода начиная со второй трети XIX в., описаны трудовая занятость представителей рода, важнейшие жизненные события, приводятся сведения о профессиональной деятельности современников, ставших учеными.

В книгу вошли две неопубликованные работы В. А. Семенова: «Попытка автобиографии», где автор с присущей ему оригинальностью описал свою

жизнь в образе некоего лирического героя, и «Сказка», сочиненная для дочери Даши.

Представляется удачной подборка избранных статей профессора, раскрывающих его разносторонние интересы и направления научной деятельности. В статье «Коми менталитет вчера и сегодня», написанной в соавторстве с Л. А. Максимовой, рассматриваются этапы формирования и развития народа коми, важнейшие факторы, повлиявшие на его менталитет, слагавшийся в рамках русской государственности.

Об уникальной археологической находке – бронзовой декорированной секире ананьинского периода сообщается в статье «Ананьинская парадная секира из-под Сыктывкара», написанной в соавторстве с А. Н. Рябцевым. Обращается внимание на то, что от всех известных секир, выявленных в сопредельных областях, данная находка отличается более пышным, лучше проработанным в деталях орнаментом.

В статье «Биармия» К. Ф. Жакова в историческом и мифологическом контекстах В. А. Семенов анализирует эпическое произведение «Биармия» выдающегося коми писателя и ученого, изложившего собственное видение реконструкции северного эпоса народов финно-угорской семьи, исстари проживавших на территории современной России. Подчеркивается, что в создании эпоса автор опирался на мифологические тексты и коми народную культуру в целом.

Следующие три статьи – «Река жизни в страну смерти», «Топонимы и гидронимы Европейского Северо-Востока в сакральном и обыденном контексте», «Семантика традиционной деревенской среды у народов коми» (в соавторстве с Н. М. Терехиным) – являются этнографическими исследованиями, раскрывающими сакрализацию окружающего пространства, которая выступала как один из важнейших механизмов самоидентификации местного коми

населения и способ передачи межпоколенной этнокультурной информации. Научные статьи В. А. Семенова отражают широту его научных интересов, оригинальный подход к анализу материала, позволивший выделять его труды среди прочих исследований.

В сборнике представлена библиография ученого, включающая свыше 250 работ, – это монографии, методические пособия, научные статьи, редактирование и рецензирование трудов.

Завершают вводную часть книги неопубликованные стихи В. А. Семенова. Талант ученого проявился и в его поэтическом даровании: стихи разных лет наполнены философскими размышлениями о Боге, России, бытии... Достойное место в его творчестве занимают и посвящения друзьям, близким людям. При жизни В. А. Семенова были опубликованы два сборника его произведений: «На чашу судьбы мы поставили жизнь...»<sup>1</sup> и «Заметки в пути»<sup>2</sup>. Виктор Анатольевич красиво, с чувством читал стихи, причем не только свои: он знал наизусть произведения известных поэтов, исполнял бардовские песни. Включение в сборник стихов – несомненная удача составителя, позволившая читателю прочувствовать глубину души этого незаурядного человека.

Во второй раздел вошли воспоминания коллег, друзей, учеников В. А. Семенова, которые написаны с искренней теплотой и душевностью. В каждом из них остались светлые воспоминания о Викторе Анатольевиче как о высококлассном специалисте, эрудированном человеке с искрометным юмором, надежном друге, равнодушном к судьбам своих учеников учителе. Еще об одной грани его таланта – графический рисунок – широкой общественности стало известно благодаря вы-

ставке, организованной к 75-летию ученого в Национальном музее Республики Коми, и очерку В. Э. Шарапова в данном издании. Виктор Анатольевич написал цикл цветных графических работ «Сказки для дочери Даши», часть из которых вошла в сборник. В этих и других его работах просматриваются размышления о «мифологических, архетипических смыслах собственной жизни» (с. 194).

Третий раздел сборника включает научные статьи по археологии. Так, статья А. Л. Белицкой, Н. А. Волокитиной, А. С. Макарова и С. А. Родова «Новые археологические исследования в долине средней и нижней Ижмы в 2017–2019 гг.» знакомит читателя с историей изучения древностей Ижемского края от эпохи камня до Средневековья. За более чем полувековой период исследований выявлено порядка 120 археологических памятников. Актуализированы сведения о ранее выявленных и изучавшихся исторических памятниках, определены риски и угрозы их сохранности. Находки позволили авторам расширить представления о процессах освоения региона и механизмах адаптации древнего населения, его хозяйственных занятиях.

В статье В. Н. Карманова и Т. Ю. Туркиной «Новые данные о миниатюрной кремневой скульптуре крайнего северо-востока Европы» рассматривается кремневая пластика двух поселений: Угдым IБ и Мартюшевское II, исследованных авторами в 2010 и 2018 г. соответственно. Дается датировка археологических комплексов, приводятся технико-типологические характеристики керамической посуды и других находок интересного явления первобытной культуры охотников-собирателей. Авторы отмечают, что В. А. Семенов также проявлял научный интерес к миниатюрной кремневой скульптуре,

возникший после найденной фигурки медведя на поселении Вис II в 2000 г.

Завершает сборник цикл этнографических работ. В статье В. В. Власовой «Репрезентация этничности в локальных сообществах (Музей истории кольских саамов, с. Ловозеро) рассматриваются роль и место сельского музея, репрезентирующего локальную историю и этническую специфику в условиях утраты национального колорита в крае. Автор подчеркивает, что музей является одной из главных достопримечательностей района, представленные в нем экспозиции позволяют проследить различные аспекты традиционной культуры (жилище, одежду, хозяйство) и истории саамов, коми и русских, проживающих на Кольском полуострове, культурные границы между которыми в быденной жизни практически стерты.

В статье со своеобразным названием «Программа организации похорон у сысольских коми» И. А. Коваль на основе архивных источников в общих чертах знакомит читателя с бытовавшими традициями погребального обряда названной этнографической группы коми. Акцент делается на стремлении сельских жителей возродить элементы обряда, утраченные в годы советского строительства.

Описание коллекции металлической утвари, собранной В. А. Семеновым и хранящейся в Музее археологии и этнографии СГУ, приводится в статье Н. А. Кожуховой «Личная коллекция металлической утвари В. А. Семенова». 26 бытовых предметов было собрано ученым в коми деревнях при возвращении из археологических экспедиций. Часть из них демонстрируется в экспозиции музея. Как уже говорилось, В. А. Семенов принимал активное участие в строительстве

<sup>1</sup> См.: Семенов В. А. На чашу судьбы мы поставили жизнь... Усть-Цильма, 1990.

<sup>2</sup> См.: Семенов В. А. Заметки в пути. Сыктывкар, 2005.

университетского музея, занимался его комплектацией.

В название следующей статьи вынесена цитата из рассказов усть-куломского охотника: «Иногда и медведь должен съедать охотника»: концепция равновесия в природе». Авторы А. Лезте и В. Б. Липин, основываясь на рассказах охотника, анализируют мир леса, взаимоотношения человека и зверя, охотничью мораль в целом.

Традиции и новации брачно-семейных отношений раскрываются в статье И. В. Спасенкова «Традиционное и новое в брачно-семейных отношениях 1920–1930-х гг. (на материалах г. Вологда)». Автор, опираясь на архивный материал, приводит данные о гражданских и церковных браках, возрасте вступающих в брак, этническом аспекте брачующихся, о расторжении брака и резюмирует, что новое правовое поле семейно-брачных отношений советского строя формально изменило институт брака, упростило процедуру развода и создало предпосылки для коренного переустройства семейного уклада в целом. При этом укорененность традиции в указанный период сохранялась.

В статье С. В. Третьяковой «Сакральное пространство Белозерья второй половины XIX – начала XX в. и религиозные практики: странничество и странноприимство» рассматриваются сакрально-архитектурный ландшафт центральной части средневековой Руси в районе Белого озера, известное как консолидированное территориальное образование под названием «Белоозеро», и связанные с ним религиозные практики. Автор заключает, что средоточие там православных святынь, и в первую очередь монастырей, предопределило практику паломничества и соответственно странноприимства – устойчивых моделей конфессиональной жизни верующих людей, способствовавших распространению сведений о святынях и активизации к ним народного интереса.

Актуальность темы «Культура питания коми» обозначена в статье Т. И. Чудовой «Повседневная пища коми (зырян) в первой половине XX в.». Традиция питания коми базировалась на использовании природных ресурсов, зерновой, мясо-молочной, рыбной и овощной продукции. Начиная с революционных

событий 1917 г., изменивших хозяйственный и жизненный уклад, восполнение продовольственного сырья осуществлялось с помощью торговли.

В приложение вынесены фотографии из семейного альбома В. А. Семенова, раскрывающие вехи его взросления и жизни: студенческие годы, встречи с друзьями и коллегами, круг близких и родных людей.

Особый интерес представляют рисунки ученого, выполненные для дочери Даши, а также работы, где присутствует тема «преодоления» – самого себя и границ между мирами; сюжет «о братьях-близнецах», которых разделяет заколдованный меч. Проиллюстрированы также статьи Д. В. Вишняковой; А. Л. Белицкой, Н. А. Волокитиной, А. С. Макарова, С. А. Родова; Н. В. Карманова и Т. Ю. Туркиной; Н. А. Кожуховой.

Книга красиво оформлена, серьезно продумана: ее информативность свидетельствует о значении Виктора Анатольевича Семенова в науке, деятельности университета и в жизни авторов статей. Данное издание – дань светлой памяти Учителю, Учителю, Коллеге, Другу.

#### **Татьяна Ивановна Дронова –**

*доктор исторических наук,  
главный научный сотрудник сектора этнографии  
Института языка, литературы и истории  
Коми научного центра Уральского отделения РАН,  
Сыктывкар, Россия, t\_i\_dronova@mail.ru,  
<https://orcid.org/0000-0002-6982-9699>*

#### **Tatiana I. Dronova –**

*Doctor of History,  
Senior Research Fellow, Sectors of Ethnography,  
Institute of Language, Literature and History,  
Komi Science Centre,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Syktyvkar, Russia, t\_i\_dronova@mail.ru,  
<https://orcid.org/0000-0002-6982-9699>*

# МОРДОВСКИЙ КОСТЮМ: ТРАДИЦИИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК

# MORDOVIAN COSTUME: TRADITIONS, RESEARCH, CREATIVE ENDEAVOUR

**Рецензия на книгу:** Челмакина Н. Н., Левина Л. Д., Малаева О. А. Мордовский костюм: вышивка, ткачество, бисероплетение. – Саранск: Издатель Константин Шапкарин, 2022. – 204 с.

**Book review:** Chelmakina N. N., Levina L. D., Malaeva O. A. Mordovian Costume: embroidery, weaving, beading. – Saransk: Konstantin Shapkarin Press, 2022. – 204 p.

**В** Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи 17 февраля 2022 г. состоялась презентация книги Н. Н. Челмакиной, Л. Д. Левиной и О. А. Малаевой «Мордовский костюм: вышивка, ткачество, бисероплетение», изданной в рамках проекта «Лаборатория традиционного искусства». Этот проект Союз художников Республики Мордовия выполнял при содействии Фонда президентских грантов.

Хотя музей постоянно ведет активную научную и издательскую деятельность, следует отметить, что в ряду замечательных книг, вышедших из-под пера музейных сотрудников, данная книга стоит особняком. Это научно-популярное издание, отвечающее культурным и образовательным запросам современного общества. Например, книга позволяет обратиться к дополнительному контенту: на определенных страницах размещены QR-коды, исполь-



зующие которые читатель может перейти на канал YouTube и посмотреть видеоматериалы по каждому разделу. Там можно увидеть ролики о традиционной одежде мордвы-мокши и мордвы-эрзи, посетить мастер-классы по вышивке, ткачеству и бисероплетению.

Заметным событием книгу делают не только ее интерактивные возможности, но и авторский коллектив. Наталья Николаевна Челмакина, Людмила Демьяновна Левина

и Ольга Алексеевна Малаева – не просто искусствоведы, а мастера декоративно-прикладного искусства, имеющие богатый опыт создания художественных работ, декоративных изделий, украшений и других арт-объектов. Кроме того, они многие годы отдали преподаванию. Видимо, поэтому стиль изложения материала в книге прост для восприятия, а сам материал содержателен, увлекателен и насыщен интересными деталями.

Издание состоит из четырех разделов: «Мордовский костюм», «Традиционные швы мордовской вышивки», «Искусство ручного ткачества», «Традиционные приемы бисероплетения».

Первый раздел начинается с исторической реконструкции описания и изучения национальной одежды мордвы-мокши и мордвы-эрзи учеными разных стран и российских регионов. Опираясь на сведения, собранные П. С. Палласом,

М. Е. Евсевьевым, А. Хейкелем, Н. И. Спрыгиной, Н. И. Смирновым, Т. А. Крюковой, В. Н. Белицер и Т. П. Прокиной, авторы стремятся «понять особенности развития традиционной одежды мокши и эрзи, увидеть многообразие ее локальных вариантов, уникальность вышивки, ткачества, бисероплетения» (с. 7). Обзорно, но при этом насыщенно и точно рассматриваются архаичные черты национальной одежды, отчетливо проступающие в полном ансамбле женского одеяния, сопоставляются мокшанская и эрзянская версии мордовского костюма, проводятся параллели с русским и марийским костюмами, выявляются информационная, сакральная и эстетическая функции используемого цвета, отдельных элементов и комплекса в целом, символического содержания вышивки. Учитываются внешние (природа, культура соседних народов, особенности социально-экономического развития) и внутренние (самобытное мышление, локальные традиции, образ жизни и хозяйствования) факторы, влиявшие на формирование и развитие мордовского костюма. Итогом историко-культурного анализа становится вывод о том, что в каждом локальном варианте народной одежды подчеркиваются уникальность традиций отдельно взятой территории и общность этнокультурной истории.

Локальное разнообразие национальной одежды представлено в первом разделе книги фотографиями аутентичных комплексов из собрания музея им. С. Д. Эрзи. Тщательное описание того или иного комплекса авторы сопровождают погружением читателя в пространство мордовских языков, давая аутентичные названия каждой детали. Например, в комплекс костюма молодой эрзянки первой половины XX в. помимо нательной рубахи *ланар* и распашной одежды *руца*

включались головной убор *сорока*, передник с грудкой *залон*, набедренник *пулокаркс*, кожаные полусапожки *коты*. Обязательным украшением наряда была нагрудная фибула *сюлгамо*.

Основой праздничного костюма женщины-мокшанки начала XX в. являлась *ожа кишам* – рубаха с тонкой ажурной вышивкой вдоль рукава, по низу подола и крупными мотивами *налхт* по бокам. В комплекс украшений входил *сюлгам*, декорированный монетами, вокруг которого были сгруппированы круглый воротник *кргань пирьф*, снизанный из бисера, бусы и *гайтан*, также сплетенный из бисера в виде орнаментированной ленты.

Подробно рассмотрев все детали женских костюмов юго-западной, восточной, кузнецкой, заволжской, городищенской и северо-западной групп, проанализировав технологии их исполнения и особенности взаимосочетания, авторы подводят читателей к выводу, что все элементы мордовского костюма гармонично дополняли друг друга: «Образно-пластический строй наряда отличался чистотой линий, подчеркивался тщательно продуманными цветовыми акцентами и лаконичностью форм съемных украшений» (с. 57).

Завершают первый раздел фотографии современных дизайнерских коллекций, созданных по этническим мотивам одежды мордвы-мокши и мордвы-эрзи. Анализ творчества дизайнеров костюма, работающих в этностиле, позволяет сделать следующий вывод: «Казавшаяся всегда сугубо утилитарной работа создателей одежды сегодня становится деятельностью, решающей задачи возрождения народной памяти, культурного просвещения новых поколений. Искусство модельера, ставящего перед собой такие серьезные задачи, должно осуществляться на

двух уровнях: теоретическом, способном представить фило-софско-культурологическое измерение и ценностную шкалу феноменов, включенных в комплекс национальной одежды, и прикладном – программы и проекты сохранения и использования этнического народного костюма как «символического капитала» культурно-исторической памяти народа»<sup>1</sup>.

Мордовские модельеры в полной мере осознают свою миссию и обращаются в творчестве к самым разным модусам актуализации «символического капитала». Выпускники Института национальной культуры и Саранского художественного училища им. Ф. В. Сычкова под руководством известных художников-модельеров Л. М. Острась, Л. Н. Колчановой-Нарбековой и Г. В. Посевой воспринимают народный костюм как неисчерпаемый источник вдохновения, в котором «...художники всегда находят выразительные средства, созвучные современности. Связь с традициями народной одежды проявляется в сохранении ее узнаваемых художественных особенностей, ассоциативной связанности с этнической культурой мордвы» (с. 86).

Читатели книги могут познакомиться с коллекциями «Тялоня» Е. А. Ключниковой-Будкиной, «Эрьмезь» Е. С. Морозовой, молодежными платьями по мотивам мокшанской вышивки А. М. Карповой, Е. М. Альмяшевой и Ю. В. Горбуновой, Н. В. Прокиной и Р. Р. Юсуповой, увидеть интересные детали и аксессуары, выполненные в техниках вязания, вышивания, бисероплетения.

Второй раздел книги посвящен мордовской народной вышивке. Не секрет, что именно вышивка придает мордовскому костюму неповторимое своеобразие. Во многом это объясняется разнообразием и сложностью вышивальных техник, применяемых мастерицами. Ав-

<sup>1</sup>Лысова Н. Ю., Сиротина И. Л. Трансформация народного финно-угорского костюма в современном социуме // Вестник Мордовского университета. 2014. № 4. С. 239.

торы книги раскрывают секреты производства холстов, нитей, природных красок, знакомят читателей с универсальными и уникальными швами, снабжая рассказ чертежами, рисунками и фотографиями. Украшением раздела стали фотографии работ по мотивам народного костюма, богато декорированных разными видами вышивки. Это мужские рубахи О. А. Малаевой и М. Фадеевой и женская рубаха А. Леонтьевой, выполненные под руководством И. В. Хомяковой и В. В. Ковалевой.

Итожит раздел иллюстрированный словарь названий вышивок на мокшанском и эрзянском языках, включающий 235 статей. На наш взгляд, этот тезаурус может быть опубликован как отдельное, вполне самостоятельное издание. Без сомнения, он будет пользоваться огромным спросом.

Третий раздел рассказывает о традициях и современности ткачества в Мордовии. Сделав обзор трудов историков и археологов, изучавших народное и художественное ткачество в различные исторические периоды, авторы выявляют в нем самобытные традиции прикладного искусства и многовековой эстетический опыт этноса. Среди многообразия тканых изделий внимание акцентируется на узорном поясе в соответствии с его особым положением в комплексе народного костюма: «Пояс обладал тайной силой. Он оберегал, защищал, украшал, общал о социальном статусе человека, обуславливал место и роль его носителя в семье и общине» (с. 154). Представив широкое видовое разнообразие поясов, сотканых мордовскими мастерицами, авторы книги подробно рассматривают наиболее характерные образцы (крученный, круглый, квадратный, «крест-накрест», «сердечко», «птички», «змейка» и др.), описывают способы и приемы их изготовления.

По традиции раздел завершают фотографии современных изделий, выполненных студентами Института нацио-

нальной культуры под руководством Л. Д. Левиной.

Четвертый раздел посвящен бисеру в декоре мордовского костюма. Как отмечают авторы, бисер занимает особое место в числе материалов, включенных в декор национального костюма, таких как раковины каури, жетоны, пуговицы, бусы, стеклярус, бубенчики, колокольчики и др. «Шитье бисером и бисероплетение характерны для всех локальных групп мордвы» (с. 180). Старинный женский костюм модвы-мокши и мордвы-эрзи включал разнообразные виды бисерных украшений. В книге представлены большие воротники *горожань крааня*, нагрудные украшения *ярмак пилькс*, украшения в технике сетчатого плетения *баяравань краанят* и *лапасья*. Бисер применялся и в декоре девичьего головного убора *звязка*, *фибулы сюлгам*, нагрудного украшения *крагань пирьф*, гайтанов и поясных подвесок, набедренного украшения *пулай*.

Авторы книги отмечают отличительную черту творческих поисков мордовских мастериц, которая заключалась в постоянном стремлении к совершенствованию убранства костюма. Они «использовали разные материалы и приемы, добивались оригинальных художественных эффектов, сохраняя при этом традиционный строй ансамбля» (с. 186).

Изобразительный ряд раздела составляют фотографии

самобытных мокшанских украшений из бисера, созданных рукодельницами на протяжении XX в. С ними соседствуют художественные изделия, выполненные современными мастерами прикладного искусства М. А. Гришенковой и О. А. Малаевой, свидетельствующие о преемственности и бережном отношении к национальным традициям.

Книга «Мордовский костюм: вышивка, ткачество, бисероплетение» вышла очень вовремя. В условиях кризиса современной культуры, выжившего, в частности, в подмене традиционных ценностей, «забытыми оказываются традиции и ритуалы изготовления и ношения костюма, мотивы их появления, исчезают смыслы орнаментики, цветовой палитры, символики узоров. В условиях глобализирующегося мира остро встает проблема унификации одежды и утраты ею исконных культурных функций»<sup>2</sup>. Результатом представленного в издании глубокого анализа, заинтересованного, вдумчивого отношения авторов к исследуемому объекту стало не просто научно-популярное издание или дидактическое пособие для подготовки будущих модельеров и мастеров декоративно-прикладного творчества, а культурный феномен, задающий планку для формирования художественного вкуса и высокого профессионализма.

<sup>2</sup> Лысова Н. Ю., Сиротина И. Л. Указ. соч. С. 239.

**Ирина Львовна Сиротина** – доктор философских наук, профессор кафедры дизайна и рекламы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, [sirotinail@mail.ru](mailto:sirotinail@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4498-5529>

**Irina L. Sirotnina** – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Design and Advertising, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, [sirotinail@mail.ru](mailto:sirotinail@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4498-5529>



## ПРЕЗЕНТАЦИЯ 7-го ВЫПУСКА ФИННО-УГОРСКОГО МАРТИРОЛОГА

## A PRESENTATION OF THE 7th ISSUE OF THE FINNO-UGRIAN MARTYROLOGIST

**31** января 2022 г. в Таллине в здании Союза писателей Эстонии состоялась презентация сборника «Финно-угорский мартиролог жертв государственного террора в СССР. Эстонцы». Двухтомник, ставший седьмым выпуском Финно-угорского мартиролога, содержит 8 517 справок о российских гражданах эстонской национальности, репрессированных преимущественно с 1917 по 1953 г.<sup>1</sup> Предыдущие шесть выпусков были посвящены марийцам (2007), мордвинам (2006; 2011), коми (2012), удмуртам (2013), карелам (2013), самодийцам, уграм и финнам (2015)<sup>2</sup>. Следует подчеркнуть, что мартиролог выпускается в соответствии с Законом Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» и касается только российских граждан.

Идея составления Финно-угорского мартиролога принадлежит Н. И. Антонову (1949–2015). Николай Иванович, по национальности мариец, по специальности инженер-строитель, проектировщик, после окончания Красноярского государственного университета и

службы в армии (командиром танкового взвода) по приглашению института «ПечорНИИПроект» в 1978 г. приехал в Воркуту (Республика Коми). Как известно, этот город был одной из главных зон ГУЛАГа. Н. И. Антонов заинтересовался судьбой репрессированных, в частности представителей финно-угорских народов, и пришел к мысли о необходимости сохранения памяти о них. Своей идеей он поделился с земляками из общества «Первое Заполярное этническое землячество Мари Эл» в Воркуте, и она была всеми поддержана.

Одобрено идею, оказав информационную поддержку в ее реализации, и руководство Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» в Москве. Н. И. Антонов стал воплощать задуманное в жизнь, собирать материал о репрессированных российских финно-уграх по Книгам памяти и другим, преимущественно печатным, источникам. Выйдя на пенсию, этот сбор он в основном закончил. Когда встал вопрос о публикации, обратился за помощью ко мне. В армии мы служили в одной части офицерами-двухгодичниками и после

демобилизации поддерживали связь.

Я тоже пришел к идее необходимости поддержания памяти о репрессированных, как правило невинных, людях, но несколько иным путем. В качестве руководителя кафедры новейшей истории народов России Мордовского государственного университета изучая период 1930-х гг., я был шокирован теми людскими потерями, которые понесла Мордовская автономия от коллективизации и казней 1937–1938 гг. Если в 1930 г. в Мордовии жило около 1 400 тыс. чел., то в 1939 г. – 1 150 тыс., т. е. на 250 тыс. меньше, при том что ежегодный естественный прирост населения был равен 30 тыс. чел. в начале периода и 20 тыс. чел. в конце. Таким образом, прямая убыль населения составила более 400 тыс. чел., или почти треть всех жителей<sup>3</sup>. Не все они, конечно, были убиты и заключены в лагеря – многие, в том числе так называемые кулаки, были выселены или просто бежали от репрессий.

Пытаясь разобраться в причинах такой катастрофы, в 1998 г. я организовал научную конференцию на тему «Ре-

<sup>1</sup> См.: Финно-угорский мартиролог жертв государственного террора в СССР. Вып. 7. Эстонцы / сост. Н. И. Антонов, отв. ред. В. К. Абрамов. Таллин, 2022. Ч. 1–2.

<sup>2</sup> См.: Финно-угорский мартиролог жертв политических репрессий в СССР / сост. Н. И. Антонов, отв. ред. В. К. Абрамов. Саранск, 2007–2015. Вып. 1. Марийцы. 2007; Вып. 2. Мордвини. 2006; 2-е изд., доп. 2011; Вып. 3. Коми. 2012; Вып. 4. Удмурты. 2013; Вып. 5. Карелы. 2013; Вып. 6. Самодийцы. Угры. Финны, 2015.

<sup>3</sup> См.: Абрамов В. К. Мордовский народ (1897–1939). Саранск, 1996. С. 358.

прессии в Мордовии и их последствия». Потом стал искать спонсоров для издания ее материалов. Искал безуспешно, пока не обратился за помощью в Совет Программы родственных народов (Эстония), который выделил грант. В 2004 г. эти материалы были изданы<sup>4</sup>.

Изучая последствия репрессий уже в масштабе СССР, я пришел к выводу, изложенному в статье «Демографические и социально-политические последствия репрессий 1930-х гг.»: если бы не было соответствующей государственной политики, ныне на территории бывшей Российской империи проживало бы около 1 млрд людей, из них не менее 500 млн русских<sup>5</sup>. Как известно, об этом же недавно говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин. Численность мордовского народа тоже составила бы несколько миллионов человек. Другими словами, он в полной мере разделит судьбу всех народов страны, из которых наибольший урон понесли именно финно-угорские народы. И это были не просто разовые потери, а подрыв генофонда, пролонгированный на многие десятилетия. Сегодня демографическую катастрофу переживает вся Россия, население которой ежегодно убывает на сотни тысяч человек. Надо помнить о тех временах, когда закладывались основы этой катастрофы, чтобы они никогда не повторились.

Параллельно со сбором информации шел поиск мест массовых захоронений жертв репрессий. Сначала я со студентами и бывшим прокурором Мордовии, ныне покойным, В. В. Тимошкиным на машине, выделенной прокуратурой, выезжали в предполагаемые

<sup>4</sup> См.: Репрессии 1930-х годов в Мордовии и их последствия: материалы респ. науч.-практ. конф. 27 мая 1998 г. / отв. ред. В. К. Абрамов. Саранск, 2004.

<sup>5</sup> См.: Абрамов В. К. Демографические и социально-политические последствия репрессий 1930-х гг. // Репрессии 1930-х годов в Мордовии и их последствия. С. 212.



места захоронений, закладывали шурфы, но безуспешно. Затем я обратился за помощью к студентам – участникам отряда «Поиск», искавшим по местам боев минувшей войны захоронения павших солдат. Со мной связался командир отряда Н. А. Кручинкин, опытный в этом деле специалист. Получив от меня координаты района предполагаемых захоронений, осенью 2004 г. поисковики нашли там четыре братские могилы, а в 2005 г. – еще три, в которых были захоронены сотни, а может быть, и тысячи расстрелянных людей.

В то же время Н. И. Антонов, зная о моем опыте редактирования научных публикаций и некоторых возможностях издания книг, попросил меня помочь опубликовать его материалы.

Первые публикации Финно-угорского мартиролога были финансово поддержаны различными инстанциями, в которые мы обращались. Так, издание сборника, посвященного марийцам, было осуществлено за счет гранта Президента Российской Федерации, мордвинам – гранта архиепископа Саранского и Мордовского Варсонофия. На публикацию одного из выпусков мартиролога выделил средства Совет Программы родственных народов (Эстония). Позднее участие

спонсоров в издании сборников по различным причинам было затруднено. В частности, по поводу эстонского выпуска я направлял запрос в центр «Мемориал», но не был поддержан. Помощь зарубежных спонсоров, если бы она была получена, автоматически означала бы для ответственного редактора попадание в ряд иностранных агентов.

В таких условиях единственным выходом была публикация сборника, посвященного российским эстонцам, за рубежом, по логике вещей – в Эстонии. В ответ на мою просьбу руководитель Фенно-Угрии Яак Прозес порекомендовал мне в качестве возможного издателя Эстонский институт исторической памяти. Я направил туда письмо с информацией о мартирологе и конкретном сборнике, после чего со мной связался член правления института Сергей Метлев, куратор этого проекта, – и работа началась. Я написал вступительную статью к сборнику с характеристикой репрессий в СССР, сотрудница института памяти Эли Пильве – раздел «Эстонцы в России и большой террор». Данный выпуск, как и предшествующие, содержит сведения только о тех репрессированных гражданах, которые упомянуты в опубликованных Книгах памяти или дру-

гих источниках. Имена тысяч людей, проживавших в тех регионах, где такие издания еще не осуществлены, в сборнике не отражены. Они еще ждут своего часа.

Сборник, как и все предыдущие, был составлен Н. И. Антоновым, редактирование в основном заключалось в сокращении текстов – необходимость в этом была вызвана финансовыми и типографскими проблемами. Сокращение сводилось главным образом к объединению различных справок (двух или трех) об

одном и том же человеке, например раскулаченном в одном месте, затем осужденном в другом, и т. д. Не дублировались, если в этом не было необходимости, сведения о месте рождения, регистрации, работе и т. п. Каждая справка сопровождалась ссылкой на источник.

Разумеется, кроме цели поддерживать общественную память о трагических событиях мартиролог преследует цель дать конкретную информацию родственникам и потомкам репрессированных людей.

Презентация привлекла большое общественное внимание, о чем свидетельствуют положительные отклики на нее в эстонской, в том числе русскоязычной, прессе. Были получены многочисленные заявки на сборник, и первая партия книг практически уже разошлась. В связи с успешным завершением работы ответственный редактор выражает благодарность Эстонскому институту исторической памяти и лично Сергею Метлеву за публикацию очередного 7-го выпуска.

**Владимир Кузьмич Абрамов –**  
*доктор исторических наук, профессор,*  
*основатель ведущей научной школы*  
*«История и культура Мордовии и мордовского народа»,*  
*Саранск, Россия,*  
*abramovvk@mail.ru*

**Vladimir K. Abramov –**  
*Doctor of History, Professor,*  
*Founder of the Research school*  
*"History and Culture of Mordovia and the Mordovian People",*  
*Saransk, Russia*  
*abramovvk@mail.ru*



# В ПОИСКАХ МОРДОВСКИХ МУРЗ, ИЛИ ИЗ ЗАМЕТОК ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

# IN SEARCH OF MORDOVIAN MIRZA, OR FROM FIELD STUDY NOTES

**В** июле 2019 г. группой антропологов и историков была предпринята экспедиция в Республику Башкортостан, целью которой было исследование населенных пунктов, отмеченных в исторических документах как мордовско-мурзинские, с выявлением их современного этнокультурного состояния. В состав группы вошли главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН Ранус Рафикович Садилов – главный организатор экспедиции, профессор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва Галина Альбертовна Корнишина, доцент Самарского государственного социально-педагогического университета Александр Николаевич Демидов, научный сотрудник Инсбрукского университета (Австрия) Татьяна Гильничихметовна Минничихметова.

Кто же такие мордовские мурзы? Это потомки владетельных мордовских князей, они служили казанским ханам, а после взятия Казани были привлечены на службу к великим государям московским как служилые иноземцы. Со времен царя Иоанна Грозного они охраняли засечные черты, участвовали в военных походах, несли городовую службу вместе со служилыми татарами и русскими людьми. После военных

реформ императора Петра Великого были переведены в категорию лашманов для заготовки корабельного леса. В середине XVIII в. были крещены, после чего одна их часть (большая) перешла в категорию государственных крестьян, а другая – в дворянство. Мурзы очень долго сохраняли память о своем историческом прошлом, в течение XIX в. предпринимали попытки добиться признания своего дворянского происхождения. Некоторые мурзы обрусели, но многие сохранили специфическое мордовско-мурзинское самосознание. Особый диалект мурз, так называемый мурзинский язык, еще в XIX в. фиксировали представители Церкви и имперской власти.

Успех полевых исследований во многом зависит от приема местных жителей. С первых же моментов подготовки к выезду руководитель нашей экспедиции Р. Р. Садилов стал активно заниматься поиском людей, которые интересуются мордовской историей и культурой и их сохранением на местах. С такими людьми его познакомила заместитель руководителя Мордовского национально-культурного центра Республики Башкортостан Алевтина Геннадьевна Карпова. Самыми заинтересованными и активными подвижниками в этом непростом деле явились Надежда Сергеевна и Александр Михайлович Бочковы из г. Белебея и Валентина Константиновна Зы-

рянова из с. Бакалы, которые стали организаторами наших встреч на местах. Гостеприимство и радушие оказывали и сами местные жители мордовско-мурзинских деревень, в которых нам посчастливилось побывать.

Поработав на XIII Конгрессе антропологов и этнографов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.), мы помчались навстречу своей мечте – познакомиться с мордовскими мурзами. Наш путь пролегал в прекрасный уголок Башкирии – Ермакеевский, Туймазинский и Бакалинский районы. В этих краях природа создала сказочную красоту: возвышенности и леса, быстрые реки и ледяные исцеляющие родники, хлебные поля и покрытые всевозможными цветами, богатые ягодами луга. В какую сторону ни помотришь – всюду завораживающий взгляд простор. Сам край притягивал сюда новых и новых поселенцев, которые оставались здесь, воодушевленные красотой местного ландшафта.

В г. Октябрьском нас встретил Александр Михайлович Бочков и с большим комфортом, шутками и рассказами доставил в с. Кожай-Максимово Ермакеевского района. Здесь нас с радостными улыбками и накрытым столом ожидали местные уроженцы Надежда Сергеевна Бочкова, Вера Ивановна Захарова, Юрий Владимирович Тимофеев, а также журналист газеты «Беле-

## ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ

Село Кожай-Максимово

Ермекеевского района Республики Башкортостан

Коренные жители называют свое село *Кажай*, а себя – *минь кажаяевскить* ‘мы кажаяевские’. Предположительно название произошло от слова *кежень* ‘сердитый, суровый’. По воспоминаниям старожил, село было основано в середине XVI в. Недалеко от него на р. Ике есть место, которое называют *Алатырь*. Надежда Сергеевна Бочкова связывает это с тем, что предки сельчан переселились сюда с Алатыря. Еще одним примечательным местом является Серебряный родник – *Сиянь лисьма*. Он получил такое название потому, что камушки в нем имеют серебряный оттенок. Считается, что вода этого родника целебная, особенно полезна она для зубов. Местные жители говорят: «От этой воды зубы растут и в 90 лет».

В середине XX в. в селе было 220 дворов, улицы простирались на 7 км. Вокруг него располагалось несколько выселков: Крутолатко, Ключаровка, Петряевка, Павловка, Степановка, Малиновка, Ёшинки. В селе проживало 9 родов: Трофимовы, Семеновы, Бойковы, Тарасовы, Степановы, Савиновы, Никифоровы, Захаровы, Тимофеевы-Ёшинские.

В 1980-е гг. произошло укрупнение сельских поселений, в результате чего в Кожай-Максимове закрыли школу, магазин. Большинство населения переселилось в пос. Приютово. В селе осталась жить одна семья – дядя Вася и тетя Луша (Лукерья) Савиновы – местные Ромео и Джульетта. Дело в том, что родители не разрешали им пожениться, но они тайком устроили свадьбу и до конца жизни не покинули родное село, вырастили здесь детей и внуков<sup>1</sup>.

В начале 2000-х гг. началось возрождение села. Его инициировал «батюшка Минька» – священник Михаил Николаевич Егоров. В 2004 г. он вместе с братьями Анатолием Александровичем и Александром Александровичем Макаровыми, Юрием Владимировичем Тимофеевым при финансовой поддержке Николая Макаровича Бренчукова из Самары занялись строительством церкви. После сооружения церкви построили келью и часовню. Многие местные уроженцы жертвовали деньги, а также принимали активное участие в самом строительстве под руководством сельского плотника Сергея Семеновича Трофимова. Сейчас здесь живет монашка Амфилохия, которая присматривает за хозяйством.

Церковь стала центром сборов уроженцев села 9 мая, в престольный праздник Космы и Дамиана (14 июля). Около церкви накрываются столы, люди общаются друг с другом, поют песни и т. п. Наиболее любим кожаяевцами праздник Троицы, на который съезжаются выходцы из села со всей страны и даже из-за границы. Гостями праздника становятся жители других мордовских сел не только Башкирии, но и Оренбургской, Самарской областей. Проводится он на Пиче горе. Надежда Сергеевна Бочкова с мужем Александром Михайловичем показали нам это место и пригласили приехать на праздник. Но, к сожалению, из-за начавшейся пандемии мы не смогли сделать это.

<sup>1</sup> ПМА: 2019 г., Ермекеевский район РБ, с. Кожай-Максимово, информант Н. С. Бочкова, 1956 г. р.

беевские известия» Гульнара Ахтямовна Мурзина и монахиня местного монастырского скита Амфилохия.

Так, за накрытым столом, началось наше знакомство с селом, история которого оказалась разноплановой и драматичной. Непростыми были и судьбы его жителей. Когда-то вынужденные покинуть родной дом, многие из них вернулись сюда – кто-то на лето, а кто-то навсегда.

Кожай-Максимово раскинулось вдоль берега реки Ик, по противоположному берегу которой тянется возвышенность, защищающая поселение от ветров и холодов. Река берет на-

чало в окрестностях села, где несколько родников, сливаясь, образуют ее русло. В прошлом жители называли заречные просторы Алатырем. По словам Н. С. Бочковой, большого знатока местной истории, это название обусловлено памятью о прежних местах жительства мордовских переселенцев. В 1980-е гг. в связи с началом процесса ликвидации «неперспективных деревень» и укрупнения населенных пунктов в селе закрыли школу, магазин. Кожаяевцам пришлось перебираться в соседние населенные пункты: пос. Приютово и с. Новое. В Кожай-Максимове осталась всего одна семья – Лукерья и Васи-

лия Савиных, жизнь которых до сих пор служит примером любви и верности друг другу, а их дети и внуки – идеалом красоты и привлекательности. Интересно, что уехавшие из села и обосновавшиеся в поселке люди коров пригоняли пастись на покинутые луга, т. е. за 4 км. Скотину было жалко, но еще сильнее была боль за оставленные родные места<sup>1</sup>.

Несколько десятилетий деревня почти пустовала. Ситуация изменилась с возведением здесь церкви. Инициатива ее постройки исходила от батюшки Михаила Егорова (по местному – Миньки), его поддержали сыновья Николай и Владимир.

<sup>1</sup> ПМА: 2019 г., Ермекеевский район РБ, с. Кожай-Максимово, информанты: Н. С. Бочкова, 1956 г. р.; Ю. В. Тимофеев, 1960 г. р.; В. М. Захарова, 1960 г. р.



*Рисунок.* Участники экспедиции Г. А. Корнишина, А. Н. Демидов, Р. Р. Садиков и Т. Г. Миннихметова с уроженцами села Кожай-Максимово

*Figure.* Members of the expedition G. A. Kornishina, A. N. Demidov, R. R. Sadikov, T. G. Minniyakhmetova with the local population of the village of Kozhai-Maksimovo

Среди кожаевцев был организован сбор средств на постройку. В 2004 г. на месте старого храма вырос поклонный крест, с этого и началось строительство, вернее восстановление церкви Космы и Дамиана. На ее освящение приехало много людей – выходцев из Кожай-Максимово. В 2016 г. его жители отметили 500-летие (по их подсчетам) родного села.

Делу возрождения Кожай-Максимово, а также сохранению самосознания мордвы-мурз много сил отдает Надежда Сергеевна Бочкова с супругом Александром Михайловичем. Надежда Сергеевна изучает историю и традиции села. Результатом такой работы стала ее книга на местном диалекте с переводом на русский язык, богато иллюстрированная старыми и новыми фотографиями. Одна из инициатив Н. С. Бочковой – проведение праздника Троицы для жителей и выходцев из деревни. Он ежегодно проводится за рекой, в реликтовом сосновом бору, на красивой поляне. На праздник собирается много гостей со всей России. Надежда Сергеевна вовлекает в «Троицкое движение» – так она называет свою подвижническую деятельность – жителей мордовско-мурзинских сел Кожай-Андреево и Староиликово.

Между собой они договорились устраивать какой-нибудь праздник, например Петров день или день Космы и Дамиана, в каждом из этих сел. На таких мероприятиях будут собираться жители всех трех поселений, а также мордва из других населенных пунктов<sup>2</sup>.

Благодаря Н. С. Бочковой состоялось наше знакомство со старейшими уроженцами Кожай-Максимово, проживающими в с. Новом, Сергеем Семеновичем и Марией Кирилловной Трофимовыми, которые недавно отметили бриллиантовую свадьбу. Они рассказали много интересного о традициях и бытовом укладе сельчан. Сергей Семенович помнит весь процесс изготовления холста из конопляного волокна, в котором в послевоенное время принимал активное участие. Супруги поделились воспоминаниями о своей свадьбе, которая проходила согласно народным традициям со сватовством (*чиямо*), приездом за невестой поезжан (*кудам*), во главе которых были сваха и дружка (*уредев*). На их бриллиантовой свадьбе родственники супругов также провели традиционные свадебные обряды. Например, «свахе» был преподнесен *свахань наряд* – нагрудное украшение, ожерелье, которое и сейчас встречается на свадьбах. Его

делают из стержней перьев гуся, привязав к ним разноцветные ленточки или полоски материи<sup>3</sup>.

На следующий день состоялось наше знакомство с селом Кожай-Андреево Туймазинского района, которое также располагается вдоль реки. Мы оказались на примечательном событии – дне рождения старейшей жительницы села Веры Давыдовны Фроловой, перешагнувшей 96-летие. Гостеприимство ее дочерей Лидии и Нины, сына Егора, внуков и правнуков, беседы за праздничным столом – все это оставило незабываемые впечатления. Кульминационным моментом встречи была песня, исполненная самой Верой Давыдовной и не оставившая равнодушным никого.

После душевного семейного праздника мы отправились осматривать село, его холмисто-лесистые окрестности, вновь возведенную церковь, познакомились с местными жителями, попробовали воды из святого источника, поели клубники.

В Кожай-Андреево также в 2014 г. на месте фундамента старой церкви было возведено новое здание. Как и в Кожай-Максимове, она освящена в честь Космы и Дамиана. Инициатором постройки был сын Веры Давыдовны Егор,

<sup>2</sup> ПМА: 2019 г., Ермакеевский район РБ, с. Кожай-Максимово, информант Н. С. Бочкова, 1956 г. р.

<sup>3</sup> ПМА Г. А. Корнишиной: 2019 г., Ермакеевский район РБ, с. Кожай-Максимово, информанты: С. С. Трофимов, 1938 г. р.; М. К. Трофимова, 1942 г. р.

хороший плотник. Егор Фролов с одноклассником Дмитрием Камовым заготовили лес и приступили к строительству, заручившись поддержкой односельчан. Мы сходили к церкви, осмотрели ее снаружи, посидели у храма, обсуждая насущные вопросы, потом поднялись на расположенную неподалеку высокую гору, чтобы полюбоваться прекрасными видами деревни и ее окрестностей. Собранный там букет из лечебных трав, душистого чабреца будет напоминать нам о замечательном путешествии. Спустившись в деревню, набрали ледяной воды из святого источника.

Следующим был маршрут в с. Бакалы, где нас встретила заместитель главы администрации Бакалинского района Валентина Константиновна Зырянова. Для нас и здесь был накрыт стол, за которым и началось знакомство с историей с. Староиликово, куда нам предстояло направиться.

Староиликово по численности превосходит те поселения, где мы уже побывали, здесь проживает около 150 жителей. Как только мы остановились на улице у одного из домов, к нам стали подходить местные жители, с которыми завязалась оживленная беседа, из которой мы узнали много интересного об истории деревни и непростой жизни сельчан. Наиболее тяжелой она была в послевоенные годы, когда работали за трудодни, платили большие налоги со своего подсобного хозяйства (360 шт. яиц, 300 л молока, мясо, шерсть и пр. – от каждой семьи).

Александр Иванович Кузнецов сообщил нам, что родился через пару месяцев после начала войны и так и не увидел своего отца, который погиб на фронте. Он с детских лет был вынужден трудиться, чтобы поддерживать мать и младшего брата. Когда Александр Иванович подрос, то с согласия матери уехал из родного села в г. Октябрьский. Там он устроился на работу, стал жить в общежи-

## ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ

Село Кожай-Андреево

Туймазинского района Республики Башкортостан

Первыми поселенцами села, по сведениям информантов, были Кожай Андрей, Кожай Максим, Кожай Семен. Название деревни также связывают со словом *кежай* 'сердитый'. Здесь есть знаменитый родник – *Ваба (Баба) лисьма*<sup>1</sup>.

В 1950–1960-е гг. в связи с развитием нефтепромышленной отрасли в республике, а также по другим причинам жители села начали уезжать в разные места Башкирии: в г. Октябрьский, пос. Приютово, а также в другие регионы: Набережные Челны, Магадан и др. Сейчас в селе насчитывается около 40 домов, постоянных жителей – 25 чел.

<sup>1</sup> ПМА: 2019 г., Туймазинский район РБ, с. Кожай-Андреево, информант В. М. Захарова, 1923 г. р.

тии и привыкать к новым условиям жизни.

Павел Петрович Зонин рассказал много об истории деревни, как впервые здесь появились казаки, которых называли уральскими, а после их ухода – мордва-мурзы<sup>4</sup>.

Нина Назаровна Зонина – хранительница преданий старины. С ее слов, родом жители села из Кожай-Андреева, т. е. родственны мурзам, разговаривают на таком же мурзинском диалекте.

Светлана Андреевна Жадова – по происхождению татарка-кряшенка. Выйдя замуж за мордвина-мурзу, она посвятила свою жизнь работе в местной школе с мордовскими детьми, собиранию исторических преданий и фольклора староиликовской мордвы. С. А. Жадова поведала нам, что еще несколько лет назад в селе был клуб и существовал фольклорный ансамбль. Местные жители с удовольствием участвовали в нем, шили костюмы, собирали старинные песни. Но после того как клуб сгорел, восстанавливать его не стали.

Мы были безмерно рады и счастливы оказаться в этих краях и познакомиться с замечательными людьми – мордвой-мурзами и их историей. Выражаем искреннюю признательность за их помощь и поддержку.

Наши впечатления от увиденного и услышанного останутся в памяти надолго. В будущем мы планируем вернуться сюда для дальнейших исследований, а затем обобщить собранные материалы в монографической работе. В этой же публикации считаем уместным изложить некоторые материалы наших полевых записей, сделанных в обследованных селах. Их жители до настоящего времени чтут и стараются поддерживать традиционные обряды, элементы материальной культуры (традиционные блюда, детали народного костюма). Помнят они и о календарных праздниках, которые отмечались ранее.

На Новый год существовал обычай ряжения. Подростки и юноши надевали своеобразные маски (*хари*) и ходили по деревне, заигрывали с девушками. Некоторые одевались в костюмы лошадей – их называли «аргумаки/аргомаки», они также ходили по селу и валяли встречных в снег. После окончания праздника костюмы ряженных хранились на чердаке до следующего года.

Перед Рождеством (*Рош-тува*) проводили *Каляданыши* 'день Коляды'. Молодые люди обходили деревню с пожеланиями благополучия хозяевам дома. За это им давали что-нибудь съестное, которое мест-

<sup>4</sup> ПМА: 2019 г., Бакалинский район РБ, с. Староиликово, информанты: П. П. Зонин, 1953 г. р.; А. И. Кузнецов, 1941 г. р.

## ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ

Село Староиликово

Бакалинского района Республики Башкортостан

Сегодня в селе проживает около 150 чел. Наиболее распространенными фамилиями среди жителей являются Кузнецовы, Дырнаевы, Буравовы, Дунаевы, Зонины, Митряшкины, Жадовы.

Село было основано около 300 лет назад, когда сюда переселились 8 семей из Кожай-Андреева. До них здесь жили уральские казаки, которые охраняли сторожевую черту. После их ухода мордва стала распахивать эти земли, назвав место *Од пакся* 'Новое поле'. До настоящего времени местные жители помнят казачьи песни, которым научились у прежнего служилого населения<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> ПМА: 2019 г., Бакалинский район РБ, с. Староиликово, информанты: П. П. Зонин, 1953 г. р.; Н. Н. Зонина, 1945 г. р.

ные жители называют колядкой. Если хозяйка не сразу доставала угощение, колядующие грозили ей: «Сейчас мужа уведем!» Существовало поверье, что первый человек, вошедший в дом на Рождество, определит, каким будет весь последующий год. Поэтому некоторые хозяйки с вечера договаривались с добрым и порядочным человеком, чтобы он пришел к ним раном утром.

На само Рождество дети ходили дома с песнями, в которых славил праздник. Для детей особых обрядов или действий не было. Взрослые же в течение трех дней ходили друг к другу в гости, где угощались. Хозяйка выставляли на стол холодец, пельмени, курники, грузди, картофель; было много рыбы, например соленый голавль. После Рождества до Крещения ряженые должны были искупаться в проруби. Такие обычаи сохранялись до 1980-х гг.

На Старый Новый год, как и на Рождество, по селу ходили ряженые (*харя бабат*). Основным угощением в это время были вареная свиная голова и холодец. Их ставили на стол, рядом клали хлеб и под руководством старших членов семьи молились перед иконой о благополучной жизни в наступившем году.

Масленицу (*Маслича*) праздновали очень весело. На каждом из концов селения делали

масленичную гору, с которой катались на санках. Сооружали самодельную карусель. Для этого тележное колесо покрывали льдом и насаживали на длинную жердь. Ее вращали и, по сообщению информантов, «летели, как на самолете». Также на Масленицу устраивали катание на лошадях.

К Пасхе (*Иничи/Инечи* 'великий день') готовились особенно основательно. За неделю до праздника, к Вербному воскресенью, приносили вербу; отец семейства утром поднимал одеяло и хлестал детей ее ветками. Также хлестали вербой скот. Накануне пекли лепешки (*лесенки*) в виде фигурки лошади. Пришедшего в этот день первым в гости мужчину или мальчика усаживали на пуховую подушку, чтобы гусята выводились хорошо.

В предпасхальную пятницу тщательно убирались в доме и на дворе. Вечером обязательно топили баню. На следующий день (в субботу) пекли много пирогов, поэтому она называлась днем пирогов; в тот же день или еще в пятницу красили яйца. На Пасху, как и на Рождество, ходили и славил Христа: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Славильщикам давали гостинцы или деньги (20 коп.). На Пасхальной неделе вплоть до Красной горки обязательно катали яйца. Во вторник поминали «родителей», для этого

ходили на кладбище. Также на Пасху молодежь устраивала игры и веселилась. Одним из самых любимых ее развлечения были качели. Их ставили по пустырям, отдельно для юношей и девушек. Молодежь состязалась, у кого качели выше и лучше. В этот же период играли в лапту, в городки (*клёк-клёк*).

На Троицу кидали венки в воду. Девушки носили венки с цветками и лентами (*лендах*) весь праздник. Также на Троицу до настоящего времени украшают березки.

В Петров день снимался запрет на сбор ягод, с этого дня собирали ягоды и пекли ягодные пироги; ходили в лес, на поляне пели, водили хороводы.

Вспоминают жители и о сватовстве, свадебных обычаях. Когда шли сватать, на шею вешали украшение в виде бус из гусиных перьев и цветных тряпочек. Примечательно, что муззинки любят красиво одеваться, до сих пор они говорят: «Это не женщина, у кого нет бус». Одна из информанток сообщила, что в 13 лет она по обычаю ходила в дом невесты кур воровать: чем больше кур сворует, тем больше шанс, что невеста домой не вернется. На лошадях, которые возили молодых во время свадьбы, вешали колокольчики, видимо, изготовленные местными мастерами. После приезда молодой жены в дом мужа было принято ночью пачкать окна, чтобы подушка их затем отмыла. Таким образом она показывала свою способность быть хозяйкой. У мордвы не было разводов. Жители вспомнили только два подобных случая, когда братья женились один на чувашке, а другой на татарке.

Пища местных жителей до настоящего времени остается очень разнообразной. На Пасху жители сел красили яйца, пекли куличи (*кулиця*), оладушки (*каймаки*). На Масленицу выставляли на стол масло, сметану, блины (*пачалксеть*), пельмени с мясом (*прякинеть*), которые бывают трех видов –

бараниной, свиной и говяжьей. В день Вознесения пекли «лестницы». До Петрова дня нельзя было есть ягоды, а в Петров день стряпали ягодные пироги. На Троицу делали омлет, называемый «яишницей», для его приготовления яйца с молоком варили в котле. На Троицу также готовили плов. Зимой после забоя скота ва-

рили холодец (*серкат порни*), кишки, начиненные крупой (*сюлот*). Любимым блюдом были пироги с картошкой (*чанга*). Пекли также пирожки из пресного теста с пшенной кашей. Одним из традиционных напитков был *пия* – квас с добавлением фруктов. Напиток *пуре* изготавливали из пчелиного меда, который оставался на

дне бочки после выкачивания его из сот.

С трапезой связан любопытный обычай местных мордвы-мурз «скатерть половину». Когда гости нежеланны в доме, хозяева оставляют стол пустым или же накрывают его скатертью только наполовину. Это является знаком пришедшим в дом, что здесь их не ждуть<sup>5</sup>.

<sup>5</sup>ПМА: 2019 г., Ермакеевский район РБ, с. Кожай-Максимова, информанты: Н. С. Бочкова, 1956 г. р.; Ю. В. Тимофеев, 1960 г. р.; В. М. Захарова, 1960 г. р.

**Александр Николаевич Демидов –**

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета, Самара, Россия, demidov@pgsga.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1452-277X>*

**Галина Альбертовна Корнишина –**

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, g.kornishina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>*

**Татьяна Гильничметовна Минничметова –**

*доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета, Инсбрук, Австрия, minnijah@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8882-2719>*

**Ранус Рафикович Садиков –**

*доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, kissapi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>*

**Alexander N. Demidov –**

*Candidate Sc. {Philosophy}, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia, demidov@pgsga.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1452-277X>*

**Galina A. Kornishina –**

*Doctor of History, Professor, Department of Russian History, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, g.kornishina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>*

**Tatiana G. Minniyakhmetova –**

*Ph. D. {Philosophy}, Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria, minnijah@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8882-2719>*

**Ranus R. Sadikov –**

*Doctor of History, Chief Research Fellow, R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, kissapi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>*

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

«Исторические науки» – **5.6. Исторические науки;**

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

**Макаркин Николай Петрович**, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

**Мосина Наталья Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

**Корнишина Галина Альбертовна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

**Бояркин Николай Иванович**, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

“History” – **5.6. Historical sciences;**

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

**Nikolay P. Makarkin**, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

**Natalya M. Mosina**, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

**Galina A. Kornishina**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

**Nikolay I. Boyarkin**, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:

*Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина*

Редактор *Е. С. Руськина*

Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*

Корректор *Е. В. Савойская*

Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

*На обложке: 1-я стр. – рисунок Ф. Солнцева «Горные мари́йцы»;*

*4-я стр. – творческая работа Е. Лысенковой «Кудо»,  
декоративное панно. Вышивка, 2015*

---

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:

*N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina*

Editor *E. S. Ruskina*

Layout design *L. V. Kalachina*

Correction by *E. V. Savoiskaia*

Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.

Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

*On the cover: page 1 – F. Solntsev “Mountain Mari”;*

*page 4 – creative work by E. Lysenkovi “Cudo”, decorative panel. Embroidery, 2015*